

Эрик Чемберлин

Эпоха Возрождения. Быт, религия, культура

Введение

Эпоха Возрождения

Давать названия, или, как говорится, наклеивать ярлыки, историческим периодам подчас не только полезное, но и обманчивое занятие. Бывает, что общие тенденции развития общества простираются на столетия. Их можно выделить, дать им определения и даже, ради удобства, разделить на более мелкие этапы и течения, именуя по какой-либо заметной, типичной для них особенности. Однако здесь поджидает своя ловушка: ни один исторический период не начинается и не кончается в конкретный момент времени. Корни каждого из них уходят глубоко в прошлое, а влияние простирается далеко за пределы, обозначенные историками для удобства. Употребление слова «Возрождение» для периода, центром которого является 1500 год, пожалуй, вводит в заблуждение больше прочих, так как оставляет слишком большой простор для толкований каждому историку в зависимости от его склонности и разума. Якоб Буркхардт, швейцарский историк, первым проанализировавший и описавший этот период как единое целое, воспринимал его как некий резкий звук трубы, провозглашающий начало мира современного. Его точку зрения до сих пор разделяют очень многие. Но Буркхардт писал свои труды в XIX веке, а восемьдесят с лишним лет, отделяющих его дни от середины XX столетия, стали свидетелями перемен гораздо больших, чем те, что произошли за четыреста лет, отделяющих его от мира Медици. Те перемены были существенными, но не фундаментальными. Сообщение в XIX веке продолжало сводиться к трудоемкой перевозке товаров и людей колесным транспортом и пешим способом по суше или кораблями по морю. Монархии, установившиеся еще в XVI веке, продолжали существовать в дни Буркхардта во всех странах, за исключением Франции, и были по-прежнему сильны. Всадники составляли передовые отряды всех армий его времени. Сейчас уже невозможно рассматривать Ренессанс как основу современного общества. Конечно, элементы его присутствуют в нашей культуре так же, как и элементы культуры классического Рима. Но двор Цезаря Августа находится от нас не дальше, чем двор Лоренцо ди Медичи. Так далеко качнулся маятник времен от положения, занимаемого им при Буркхардте, что находятся люди, вообще отрицающие само существование Ренессанса, классифицируя его как последний всплеск Средневековья. Они указывают, что были и другие, более великие «возрождения» еще до XVI века.

Однако несомненно - люди, жившие в ту эпоху, отчетливо сознавали, что вступают в новый мир. Великий ученый-гуманист, Эразм Роттердамский, воспринимающий целую Европу как свою страну, с горечью восклицал: «Бессмертный Боже, как мне хотелось бы снова стать молодым ради нового века, зарю которого видят мои глаза». Один француз с некоторым самодовольством перечислял, что было достигнуто в этот период, желая доказать его превосходство: «Корабли обошли вокруг света, открыт крупнейший континент Земли, изобретен компас, печатные станки распространяют знания, порох совершил революцию в военном искусстве, спасены древние манускрипты, восстанавливается система образования - все это триумф нашего Нового века».

В отличие от многих исторических названий термин «Возрождение» был вызван из небытия неким итальянцем именно тогда, когда в нем возникла потребность. Это слово вош-

ло в употребление около 1550 года, а вскоре другой итальянец назвал предыдущий период «Средневековьем».

Италия была источником Возрождения, потому что само понятие восстановления, рождения заново, было связано с открытием классического мира, наследницей которого она являлась. Но постепенно вся Европа разделила с ней это открытие. Так что назвать точную дату начала и конца этого периода практически невозможно. Если речь идет об Италии, то начальную дату следует отнести к XIII веку, а для северных стран и 1600 год окажется не поздним. Как великая река, которая несет свои воды от истока на юге к северу, Возрождение приходило в разные страны в разное время. Так, базилика Святого Петра в Риме, строительство которой было начато в 1506 году, и кафедральный собор Святого Павла в Лондоне, который начали строить в 1675-м, оба являются собой пример зданий Ренессанса. Долгое время датой начала Возрождения считали 1453 год: в этом году пал под натиском турок Константинополь, великий оплот христианства на Востоке. Считалось, что ученые беженцы принесли в Европу драгоценные греческие манускрипты, содержание которых посеяло там семена новых для нее знаний. Однако греческие ученые регулярно посещали Европу, по крайней мере до этой даты, так что падение Константинополя не столько породило свежий приток манускриптов, сколько прекратило его навсегда. Тем не менее 1453 год является удобной точкой отсчета, хотя бы потому, что европейцы, потеряв плацдарм на Востоке, вынуждены были обратить взоры на Запад, похоронив грезы о завоеваниях, породившие крестовые походы. А если принять за начало рассматриваемого периода падение Константинополя, то окончанием, закрытием его можно считать годы Тридцатилетней войны, то есть 1618-1648 годы. Эти две реперные точки как бы ограничивают путь, который прошла Европа за двести лет.

Битва за Константинополь была пиком борьбы между христианством и мусульманством. Тридцатилетняя война была борьбой христиан с христианами.

Потому что к 1500 году идея единого христианского мира умерла. Идеал Европы как единого государства под властью единого монарха и единого священнослужителя еще жил в умах и душах ученых схоластов, как последний отголосок, слабая тень Римской империи. Была в этом идеале некая манящая, но обманчивая гармония, которая видела в папе римском духовного наставника христиан, а в его двойнике-императоре - генерала Христова, совместно правящих всеми христианами. Реальность посмеялась над этим идеалом. Папство разрушило мощь империи после беспощадной борьбы за верховодство и попыталось править Европой в одиночку, низводя духовные ценности ради временной власти. А из руин Европы поднялись новые нации и разделили континент своими искусственными границами, требуя себе особого места под солнцем.

Глава 1

Расширяющийся горизонт

Мир того времени был сосредоточен вокруг моря, почти целиком окруженного сушей. Средиземное море протянулось почти на 2400 миль с востока на запад, ширина же его достигает в разных районах от 100 до 600 миль, так что оно служило не барьером, а мостом между Европой и фантастическими странами Африки. Карта земель, известных к XV веку, охватывала территорию, равную примерно 4000 миль с севера на юг, Скандинавия и Аравия замыкали ее пределы, а на западе, на самом краю света, лепились Британские острова. За этими границами лежали области мрака и ужаса, а также сказочный Восток. Территорию древних цивилизаций, существовавших близ Нила, Тигра и Евфрата знали лучше. Далее к востоку шла узкая полоса изученных земель. Этим коридором следовали европейские завоеватели от Александра Македонского до Цезарей. А навстречу им двига-

лись купцы с ценными товарами: китайскими шелками, индийскими пряностями, аравийскими благовониями. Это была общая дорога, но вход в нее принадлежал частным владельцам. Великими морскими державами были Венеция и Генуя, которые контролировали подходы к Леванту, стартовой точке дальних путешествий. Только минуя их, находили путь в Европу богатства Азии, потому что их вооруженные галеры имели на Средиземном море лишь одного соперника - военные галеры мусульман. Затем в 1453 году пал Константинополь, и так разорвалась цепь, связующая Восток и Запад. А новый мощный народ, турки, были враждебны всем христианам, как бы они себя ни называли, венецианцами или англичанами, генуэзцами или германцами. Теперь турки властвовали над Восточным Средиземноморьем. Торговые караваны могли проходить древним путем только с их разрешения. А Европа жаждала роскоши, которую могла дать только Азия, и раздосадованные, ограниченные властью турок купцы стали искать новые дороги.

Новый мир открывался, потому что закрылся старый. Не было иного пути на Восток, кроме как вдоль африканского побережья. Моряк, который теперь пускался в это плавание, сознавал, что судьба бросает ему великий вызов и открывает большие возможности. Перед ним лежали бескрайние серые просторы Атлантики, за горизонтом которых могло оказаться все, что угодно. Но прежде чем воспользоваться этой возможностью, требовалось приобрести три вещи: карты, навигационные инструменты и корабли. Все это появилось к концу XV столетия.

Рис. 1. «Т» в «О»; традиционное изображение картины мира («маппамунди»)

Карты

Представление о физическом мире в доренессансную эпоху основывалось на библейских источниках и скрупулезно отражало существующие традиционные взгляды. Замкнутый мир, в котором не оставалось места для рассуждений, потребности в них. Все логически вытекало из основного утверждения, что в Библии содержится все необходимое для понимания как мира физического, так и духовного. Ученость, образование исходили из центров религиозной жизни и подчинялись духовным целям. Отсюда неизбежно следовало, что картографы, основываясь на этом главном источнике знаний, выдавали работы, полные религиозных предрассудков. На средневековой картине мира земля представляет собой плоский диск с Иерусалимом в центре. Рай расположен точно на востоке сверху. Европа и Африка лежат к северу и к югу, аккуратные треугольники, разделенные водой. Великий океан омывает все целиком. «Т» внутри «О» показывает общий план картины

мира, - уверенно писал некий итальянец в 1422 году. - «О» есть собственно мир, «Т» есть воды, его разделяющие». Перевернутый в привычное положение, так чтобы север оказался наверху, план этот представляется не таким уж неверным, разве что чересчур упрощенным. Вертикальная ножка «Т» - это Средиземное море, поперечная линия складывается из Эгейского моря, Дона и Нила, которые все вместе ограничивают пределы Азии. Картографы, проживавшие в Британии или где-нибудь еще на побережье Атлантики, обладали собственными знаниями о Великом океане, море таком огромном, что мир едва мог его вместить. Западный берег и острова Европы рисовались весьма близко к реальности. Но что касается всего остального... детали его явно взяты из собственных фантазий или Библии, а может быть, из невнятных сообщений о странных чужих землях и людях, которые приносили путешественники. Там всегда имеется гора Арарат, иногда вкупе с Ковчегом, а также Синай и Иерихон, Вавилонская башня и египетские пирамиды. За пределами известного мира обитали фантастические народы: люди безголовые либо с одной-единственной огромной ногой, под тенью которой спасались от полдневной жары; люди, передвигавшиеся на четвереньках; люди одноглазые либо с песьими головами. В основании большинства этих рассказов лежали некие реальные факты, часто они представляли собой искаженное понимание местных одежд и обычаев. Однако все это было несущественно. Главное - карты показывали расположение великих центров паломничества и оказывали некоторую слабую помощь самим пилигримам, а также удовлетворяли любознательность остающихся дома, но, тем не менее, жаждущих знать, где именно находится рай. По сути, большего и не требовалось: очень немногие решались на путешествия по суше, будь то ради удовольствия или наживы.

Первое обозначенное на картах море было лишено каких-либо характерных подробностей. Ограниченное пространство Средиземного моря с его привычными очертаниями берегов и островов делало навигацию легкой: корабельщик просто следовал вдоль побережья. А знание преобладающих ветров, течений в устьях рек и умение ориентироваться по звездам в ночи помогали ему во время кратких периодов плавания в открытом море. Однако в основном на протяжении целых столетий он передвигался по морю от одного приметного берегового знака к другому, в точности как его сухопутный собрат по земле. Изобретение в XIII веке компаса дало ему в руки бесценный новый инструмент, позволивший уверенно плавать, не видя берега. Собственно отсюда родился «портолан» - первая настоящая морская карта. Основанный на ряде «компасных роз», компасных точек, портолан позволял корабельщику плыть по курсу, заранее проложенному по компасу. Берега были представлены в мельчайших подробностях и с поразительной точностью. На портолановых картах имеется множество буквенных обозначений вдоль морского побережья и берегов главных рек, указывающих на приметные береговые особенности, видные с корабля. Никаких деталей суши, лежащих дальше побережья, на них нет, а вот море покрыто компасными розочками, расплывшимися по всей его поверхности, точно цепь паучьих сетей. Прилагавшееся к карте руководство давало указания к маршрутам, сообщало описания бухт и т. п.

Для своих ограниченных целей портолан был приспособлен идеально, но, не имея более обширных знаний о мире, моряки были обречены уныло рассекать волны вдоль берегов Средиземноморья и западного побережья Атлантики. Бессмысленным самоубийством было пускаться в плавание на запад, потому что их мир кончался в нескольких сотнях миль за Геркулесовыми столбами. Однако во второй половине XV столетия представление о Земле радикально изменилось. Эта новая концепция являлась открытием хорошо забытого старого, как, впрочем, и многие другие научные достижения того времени. Знание было просто затеряно, но не погублено, оно содержалось в нескольких сотнях листов пергамента, рассеянных по арабскому миру. То была работа Птолемея, грека, жившего во II веке до н. э. в Александрии, то есть во времена расцвета Римской империи. Купцы и военные собирали огромный объем информации, связанной с их путешествиями и походами по империи. Большая часть этих сведений была добыта по суровой необходимости. Военачальни-

кам требовалось знать кратчайший путь перевода военного отряда из одного пункта в другой, понимать, как лучше обойти местного противника и угадать его тактику, как обеспечить быструю и дешевую доставку провианта. Следовавшим за армией купцам также нужно было знать самый легкий и наиболее безопасный путь для их тяжело груженных караванов. Лишь спустя тысячу лет мир стал свидетелем такого же активного передвижения, как за сто лет до Птолемея. От Британии до Индии, от Сахары до Рейна потекли взад и вперед людские потоки.

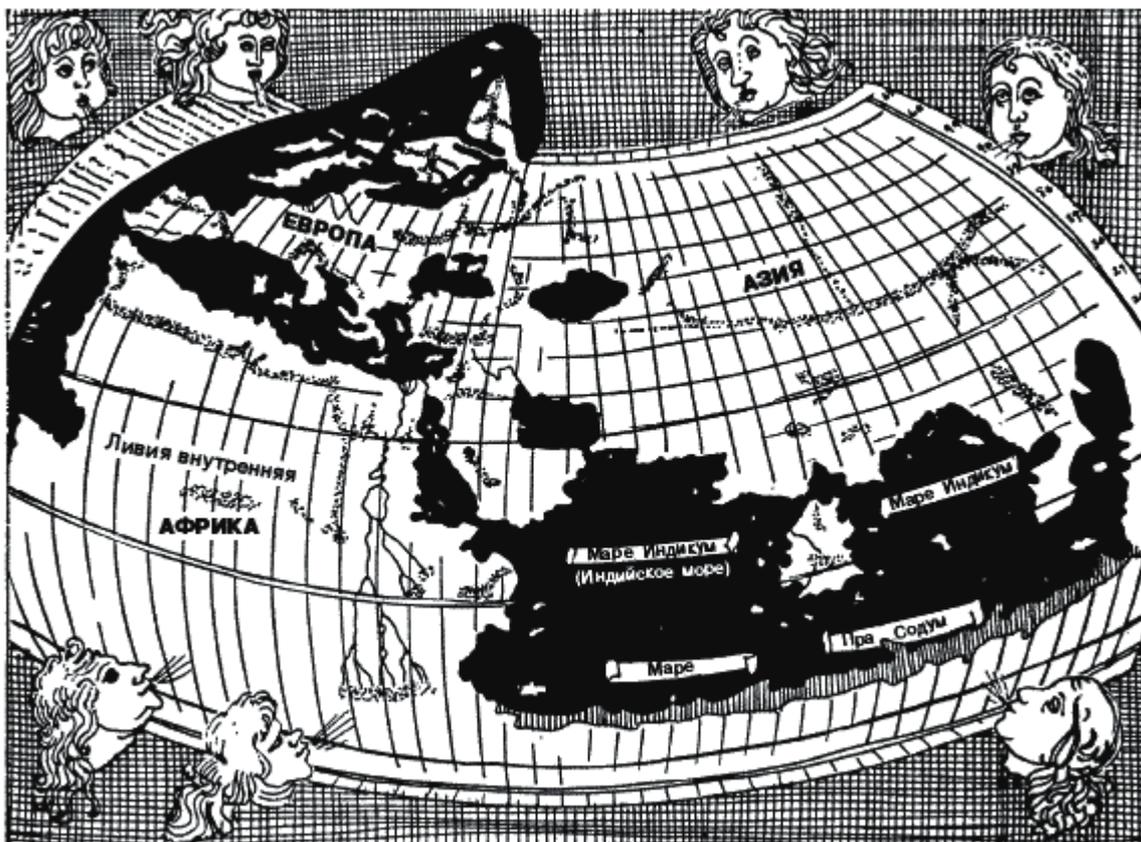

Рис. 2. Карта мира, воссозданная в координатах Птолемея

Поначалу информация о самых удобных маршрутах зависела от сведений, передававшихся устно, но позже для этой цели были составлены опросные листы. Собственно говоря, Птолемей был компилятором, который свел воедино, в одну обобщенную схему, заметки и наблюдения множества анонимных источников. Он собрал их в двух великих трудах: «Астрономия» и «География». «Астрономия» попала в Европу через арабов еще в начале XII столетия: потребности астрологов уже обеспечили ей широкую продажу. А вот «География» долго оставалась неизвестной и невостребованной, пока в 1410 году ее не перевели прямо с греческого на латынь. После этого в обращение попало сразу несколько ее рукописных копий, и так продолжалось до 1475 года, когда она впервые была напечатана.

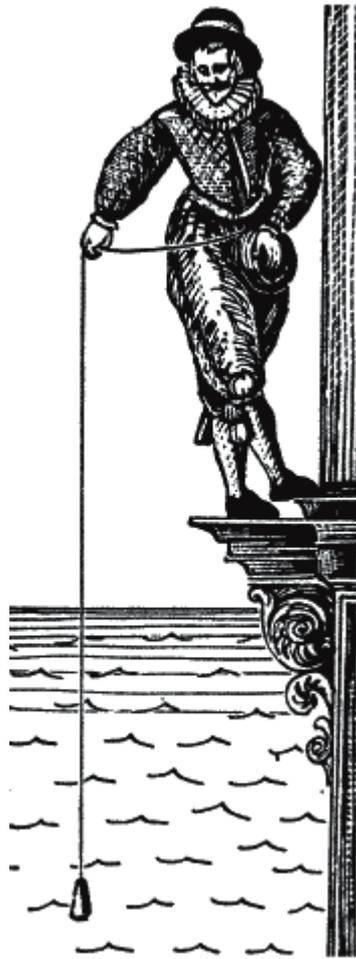
К рукописи, оказавшейся в Европе, не прилагалось карт, но Птолемей дал в ней координаты каждой описываемой местности, приписав им ныне обыденные широту и долготу. Таким образом, новому поколению географов ничего не стоило, следуя его указаниям, создать карту мира, более реалистичную, чем та, что была известна со времен Рима (см. рис. 2). Для Птолемея Средиземное море являлось не только естественным центром его мира, но и областью хорошо знакомой, что позволило ему весьма точно описать окружающие его страны. Правда, Испания уплывала куда-то в Атлантику, Италия выглядела треугольной, но Северная Африка была на месте, как и Красное море, изрезанные берега Греции и остров Цейлон. На западе мир заканчивался Канарскими островами. Разумеется, ни Птолемей, ни его последователи, жившие в Средневековье, не считали, что мир прямо там

и заканчивается, так что плывущий на запад корабль низвергнется с края в пропасть. Задолго до этого греки выдвинули постулат о шарообразной Земле, центре Вселенной, заключенной в хрустальные сферы, на которых расположены звезды и планеты. Только когда над западным миром сгустилась долгая ночь невежества, в души и умы вернулся ужас плоского ограниченного мира. Птолемей рассеял эти страхи, по крайней мере в людях образованных. Колумб знал, что мир шарообразный, но его невежественные матросы, вполне естественно, ждали доказательств. Как бы они приуныли, если б узнали, что оптимистические расчеты их капитана основаны на фундаментальной ошибке! Птолемей, устанавливая свои параллели, неправильно рассчитал длину градуса. Он определил ее на четверть короче, чем на самом деле. Новые карты, базировавшиеся на его «Географии», естественно повторяли эту ошибку. В результате Азия разбухла и разместилась всего в 3 тысячах миль к западу от Европы. Целью первых мореплавателей были Индия и Китай. Если бы им стало известно, что между берегами Европы и Китая лежит полмира воды и огромный континент, даже у Колумба опустились бы руки.

Навигация

На протяжении XV столетия корабли осторожно нащупывали путь на юг вдоль западного побережья Африки и, наконец, в 1487 году обогнули мыс Доброй Надежды. Однако, хотя теперь корабельщики измеряли свой путь в тысячах миль, а не в сотнях, они все еще оставались «прибрежными» моряками, которые с величайшей неохотой теряли из виду берега. Судоходство по-прежнему основывалось на компасе и портолановых картах. До 1581 года не делали различия между лоцманом и штурманом, между умением провести корабль в знакомых водах и способностью прокладывать курс в открытом море на протяжении нескольких тысяч миль. Корабельщик был сам себе и лоцманом и штурманом. Он опирался на знания местности - как на традиционные, так и на свои собственные. Будучи часто безграмотным, он, тем не менее, прекрасно разбирался в своем ремесле и держал в голове целую энциклопедию мореходных сведений, управляя кораблем с помощью всего двух приборов: компаса и свинцового грузила, лота.

Любопытные свойства магнитного железняка людям были давно известны, но лишь в XIII веке в Европе они нашли свое применение в практическом приборе для мореходов. Традиционно считается, что компас был изобретен в итальянском порту Амальфи и поначалу представлял собой всего-навсего соломинку или щепку с намагниченной железной иглой, колымавшейся на поверхности в глубокой чаше. К концу XV столетия он преобразился в более точный инструмент, в котором игла была укреплена на вращающейся картушке, размеченной сторонами света. Лот, то есть свинцовое грузило, вероятно, ввели в обиход северные моряки. Прозрачные воды, отличная видимость и относительно ровное дно Средиземного моря позволяли легко просматривать глубины. Однако вдоль атлантического побережья вода была мутной, и соответственно преобладала плохая видимость глубин на протяжении многих месяцев в году. Требовалось какое-то не визуальное устройство. Этим приспособлением стал лот - кусок металла, вес которого колебался от 7 до 14 фунтов[1], в зависимости от того, использовался он на мелководье или в глубоком море. Линь - веревка, к которой его привязывали, - был размечен узлами на фатомы[2], а полая внутренность грузила заполнялась свечным салом, к которому прилипали при касании образцы донных пород. Раскачивать лот на мелководье, в бурных водах, - занятие, требовавшее изрядной ловкости и умения (см. рис. 3).

Рис. 3. Раскачивание лота. С иллюстрации на титульном листе

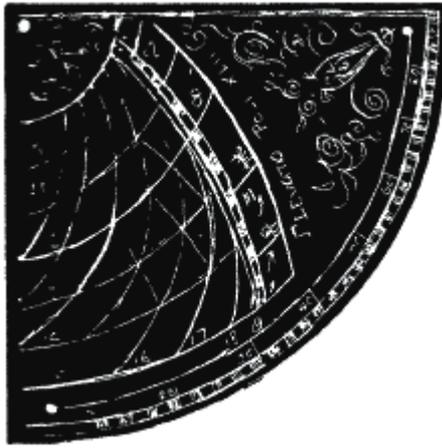
Матрос, стоя как можно ближе к носу корабля, брал большую свернутую веревку (линь) и закидывал лот вперед по курсу, после чего давал веревке свободно раскручиваться. К тому времени, как корабль доходил до места погружения свинца, веревка вытягивалась перпендикулярно, и матрос мог выкрикнуть глубину воды, определяемую последним узлом, оставшимся над поверхностью. Втянутый назад лот после осмотра прилипших к салу частичек позволял оценить характер донного грунта. Лот служил корабельщику глазами и в привычных водах, подтверждая его знания о местах, над которыми проплывал корабль. Он узнавал, что в данной точке глубина такая-то, а дно покрыто тонким песком, галькой или илом, как и должно быть. А в неизвестных водах лот мог даже спасти корабль, предупредив о неожиданных мелях.

Компаса и лота было достаточно для плавания в знакомых или прибрежных водах. Однако по мере того как морские путешествия становились все более и более авантюрными, а ориентиры на берегу исчезали за горизонтом, возникла потребность в настоящей навигации. Еще ни один мореход не рискнул направить свой корабль на запад, но уже во время плаваний вокруг Африки стало очевидно, что путь можно было бы сократить, если плыть, прямо пересекая широкие заливы, а не покорно следуя за береговой линией. Но тогда пришлось бы несколько дней не видеть суши и не иметь возможности точно определить местоположение корабля, что являлось жизненно необходимым. Для осуществления подобного перехода требовались две вещи: знать расстояние от последней пристани и время с момента отплытия. Первое настоящее измерение расстояния было осуществлено лишь в самом конце XVI века, то есть спустя почти сто лет после того, как Колумб пересек Атлантику. Он и его предшественники научились определять скорость по времени, которое требовалось, чтобы миновать плавающие деревяшки либо какие-то приметные сухопутные объекты. Учитывая, что к тому времени все широко пользовались веревкой с узлами,

странно, насколько долго потребовалось ждать, пока не начали применять практически аналогичную этому устройству размеченную планку. Первоначально просто бросали в море какой-то попавший под руку кусок дерева, лаг, и определяли скорость корабля по времени, за которое корабль проплыл мимо него. Здравый смысл подсказал, что стоит привязать к нему веревку, чтобы потом вытащить назад, а еще позже к деревяшке стали прикреплять борттик, чтобы увеличить сопротивление воды. Когда лаг был таким образом усовершенствован, скорость пробегания «узлов» начали отмечать по песочным часам. Проводя такие измерения регулярно, корабельщик мог довольно точно оценить свою среднюю скорость. Эта простая навигация основывалась на допущении, что корабль движется по прямой. На самом деле подобная ситуация встречается редко: бывает, что корабль сдувает с курса или корабельщик намеренно изменяет его, чтобы поймать благоприятный ветер. Может быть множество изменений курса, так что в результате провести точные расчеты не удастся. Простым способом, но весьма эффективно определить изменение курса позволяла так называемая доска галсов, деревянная доска, размеченная на 32 градуса, по одному на каждую точку компаса, вдоль которой было просверлено восемь дырочек. Каждые полчаса вахты, определяемые по песочным часам, рулевой вставлял колышек в одну из дырочек, отмечая курс, которым следовал. В конце четырехчасовой вахты каждое изменение становилось совершенно очевидным и могло быть перенесено в записи.

В 1490 году мир был все еще ограничен областями, известными Птолемию более 1200 лет тому назад. К 1521 году земной шар обогнули, и корабли проплыли по всем океанам. Эти тридцать лет вместили в себя множество великих исследовательских плаваний, сделанных мореходами, пользовавшимися самыми примитивными инструментами. Научные открытия того времени почти не оказали влияния на мореплавание, хотя имели огромную ценность и несли немедленную выгоду. Моряки вообще принадлежат к самому консервативному роду людей; лучшим доказательством тому служит сохранившееся до наших дней использование терминов «узел» и «лаг» применительно к навигации современных кораблей, буквально напичканных электроникой. Морякам эпохи Раннего Возрождения еще очень мешала неграмотность. Многие помнили наизусть таблицы мореходных направлений и владели собственным знанием движения небесных тел, но редко кто обладал математическими способностями, необходимыми для того, чтобы воспользоваться новыми открытиями в астрономии. Тем не менее даже до великих кругосветных путешествий появилась жгучая потребность в более точной навигации. Деньги на путешествия давались не из любви к неизведанному, а ради наживы. Моряк, совершивший открытие, но не имевший возможности возместить затраты на дорогу в некую богатую страну, вряд ли мог рассчитывать на симпатии тех, кто его финансировал. Было относительно просто проплыть вдоль африканского побережья, но необходимо было как-то «застолбить» открытые земли, так чтобы позже можно было разбогатеть.

Фиксированная реперная точка была найдена в самой долговечной части Вселенной - в звездах. Ради практических целей их можно было рассматривать как неподвижные тела, а значит, по мере того, как наблюдатель двигался от одной из них, угол его нахождения от нее менялся в постоянном отношении. Холодный яркий блеск Полярной звезды естественным образом сделал ее избранницей. Корабельщики давно подметили, что ее угол и возвышение над горизонтом уменьшаются по мере продвижения на юг примерно на один градус каждые 16 миль плавания. Квадрант и астролябия, давние приборы астрономов, позволили мореходам определять полярное склонение в каждой заданной точке. Квадрант представлял собой просто четвертушку круга, окружность которого была размечена от 1 до 90 градусов, с двумя сквозными дырочками по прямому краю и нитью, отвесно нисходящей от его вершины (см. рис. 4). Сквозь дырочки смотрели на звезду, а склонение определяли по точке, в которой отвесная линия пересекала градусную разметку. Пользоваться этим инструментом было непросто, потому что корабль раскачивался на волнах и отвесная нить колыхалась.

Рис. 4. Квадрант

Астролябия дала возможность преодолеть эту трудность. Астрономический вариант этого прибора являлся устройством красивым и сложным, с его помощью отмечали движение планет. Астролябия моряков была просто металлическим кольцом - кстати, ее часто называли «моряцкое кольцо», - размеченным на градусы, с металлической же подвижной планкой, проходящей через центр круга (см. рис. 5).

Рис. 5. Астролябия

Ее не держали в руках, а подвешивали на шнуре, так что легко было увидеть звезду и соответственно передвинуть планку, а затем прочесть угол, отмеченный ее пересечением с градуировкой. Усовершенствование астролябии привело к созданию крестообразного градштока, или алидады, состоявшего из размеченного на градусы бруска квадратного сечения три фута длиной и передвижного креста. Его двигали, пока он не заполнял целиком зрительное пространство между горизонтом и наблюдаемым небесным телом. Прибор этот был очень точным, и притом его мог изготовить любой корабельный плотник, но из всех навигационных приборов он был самым трудным в применении. Нужно было крепко держать длинную часть бруска, чтобы она не колебалась, в то время как горизонт уходил то вверх, то вниз. Если наблюдатель моргал, он мог упустить точный момент считывания градуса и должен был начинать определение заново. Позднее появился обратный градшток, или квадрант Дэвиса, воплотивший в себе принципы обоих этих приборов, но более легкий в управлении. Наблюдатель, стоя спиной к солнцу, следил, чтобы его тень падала на градуированную шкалу, и по ней определял нужную величину.

Различные методы определения градусов широты работали с достаточной точностью, но все попытки определить долготу оканчивались полным провалом. Колумб полагал, что

нужные ответы даст ему таблица магнитных вариаций[3]. Америго Веспуччи потратил почти год, стараясь разработать методику, основанную на движении Луны. Единственно возможный метод базируется на точном соблюдении времени, но его удалось применить лишь после изобретения хронометра, то есть в XVIII веке. Так что все, что мог поделаться корабельщик эпохи Возрождения, - это «бежать по широте», а именно плыть, пока не выйдет на нужную ему широту, а затем менять курс своего корабля, направляя его на запад или восток, и идти по этому направлению к цели.

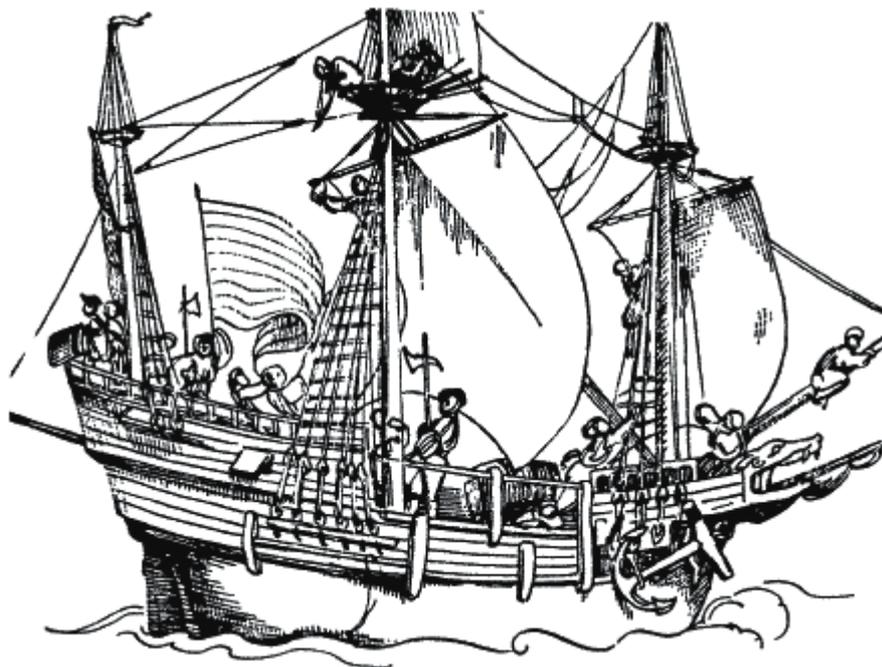
Корабли

Человек, побудивший мореходов к первым великим путешествиям современной истории, был, по сути дела, последним крестоносцем. Принц Португальский, Генрих, прозванный Мореплавателем, родился в 1394 году и умер в 1460-м. Когда ему исполнился 21 год, он был назначен губернатором Сеуты, крепости напротив Гибралтара, которую португальцы отбили у мавров в 1415 году. До него дошли слухи, что великие богатства можно добыть в джунглях Африки, а также вдоль ее западного побережья... золото, слоновую кость и рабов. Хватило бы отваги и решимости. Кроме того, дух его воспаляла мысль превзойти мавров, величайших врагов христианского мира. А еще он мечтал о сближении и союзе с пресвитером Иоанном, легендарным (или мифическим) христианским правителем Востока. Этот Иоанн был королем, настолько великим, что презрел обычный титул короля и называл себя просто «священником» - пресвитером Иоанном. В подданных своих он считывал семьдесят два монарха, на войну мог выставить более миллиона человек, а в мирное время во владениях его царили покой и благоденствие. Перед роскошным его дворцом висело чудесное зеркало, в котором он мог наблюдать все, что происходит на просторах его огромного королевства. Легенды о его существовании будоражили умы европейцев с того момента, когда на пороге Европы появились и постучали в ворота мусульмане. Когда-нибудь, обещала легенда, этот великий христианский правитель восстанет в тылу магометанских орд и сметет их в море. О расположении его державы толковали разное, но большинство сходилось во мнении, что она находится в Эфиопии, удивительной стране черных христиан, более древней, чем Рим. Ни Генриху Мореплавателю, ни кому другому не посчастливилось найти пресвитера Иоанна, однако поиски его породили мощную волну исследовательских путешествий. Генрих даже основал специальный колледж в своем замке Сагрес в Португалии, где гостеприимно принимали всех, кто мог пролить свет на вопрос о возможности кругосветных путешествий. Моряки и астрономы, купцы и математики, а также кораблестроители - словом, каждый, кто был способен внести какой-то вклад в решение этой проблемы, находил приют в этом доме мореходных знаний.

Однако, хотя именно португальские корабли первыми прошли на юг вдоль африканского побережья и, обогнув Африку, открыли новый мир, жажда новых земель не ограничивалась одной нацией. Знания, добытые немногими, становились достоянием всех, и то, что разведали португальцы, быстро стало известно всей Европе. Несмотря на побуждавшее их национальное соперничество, открытия морских путешественников стали использоваться в международной практике: генуэзец Колумб, тщетно пытавшийся увлечь своими мечтаниями королей Англии и Португалии, стал в конце концов испанским вице-королем. К тому времени, как испанские монархи щедро позволили ему командовать тремя кораблями, мореплаватели уже обошли африканский материк и проникли далеко в Атлантику. (В 1415 году были вновь открыты Канарские острова, а в 1445-м - Азоры.) Существует большая вероятность того, что по крайней мере один корабль ненамеренно пересек Атлантику и вернулся в Европу: судя по планам Колумба, ему было известно о существовании земли, расположенной между 3 и 4 тысячами миль к западу от Европы (см. рис. 6). Да, где-то на западе лежал Восток, и, чтобы его достичь, нужно было лишь отважное сердце и крепкий корабль. Отваги у Колумба хватало, да и корабли были под рукой.

Рис. 6. Колумб высаживается на Багамах

Рис. 7. Корабль полной оснастки

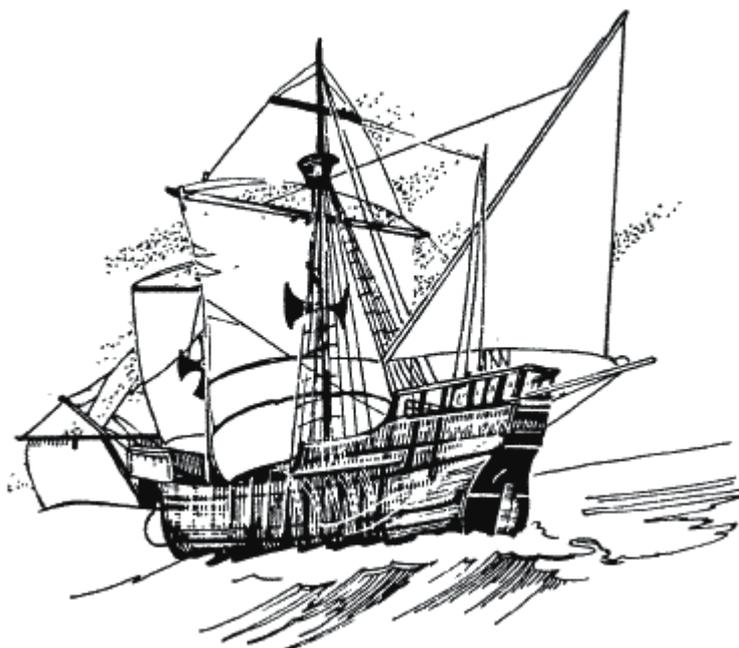
Удивительная особенность Возрождения - как вовремя совершались открытия. Они возникали именно в тот момент, когда в них возникала необходимость. Возможно, викинги открыли Америку на несколько столетий раньше, но это открытие не имело практического значения, так как нельзя было поддерживать регулярное сообщение между континентами. Даже в XIV веке самые умелые и энергичные мореходы могли лишь мечтать о воз-

возможностях, которые давало пересечение Атлантики, потому что их корабли мало годились для этой цели. Создание корабля полной оснастки между 1400-м и 1450 годами стало событием революционным, почти таким же, как изобретение парового двигателя в XIX столетии. Корабль полной оснастки представлял собой дитя двух традиций. Говоря обобщенно, Средиземноморье подарило ему корпус, а оснастку - Атлантика (см. рис. 7). Средиземноморские традиции кораблестроения были почти на 3 тысячи лет старше традиций, пришедших с Атлантического побережья Европы, и на протяжении большей части этого периода упор делался на продвижение корабля с помощью весел. Римляне использовали огромную и вольную силу ветра для своих торговых кораблей, но военным судном оставалась галера. Ее маневренность и независимость от ветра, наряду с возможностью развивать на коротких дистанциях большую скорость, привела к тому, что галеры использовали очень долго, даже после изобретения корабля полной оснастки.

Битва при Лепанто (1571 г.) стала последним настоящим боем между галерами, однако этот высокоспециализированный военный корабль находился во многих флотах вплоть до конца XVI столетия, а кое-где задержался даже до XVIII. Галеры также использовали для транспортировки драгоценных грузов малого объема, но это обходилось очень дорого: по самой приблизительной оценке, на одного человека приходилась тонна перевозимого груза. Соображения экономии были несущественны для военных, но имели первостепенную важность для путешественников-исследователей. Количество провизии, необходимое, скажем, для питания двухсот человек на протяжении многих недель, делало галеру непрактичным судном для атлантических плаваний, более долгих, чем те, что предпринимали викинги на своих «длинных ладьях».

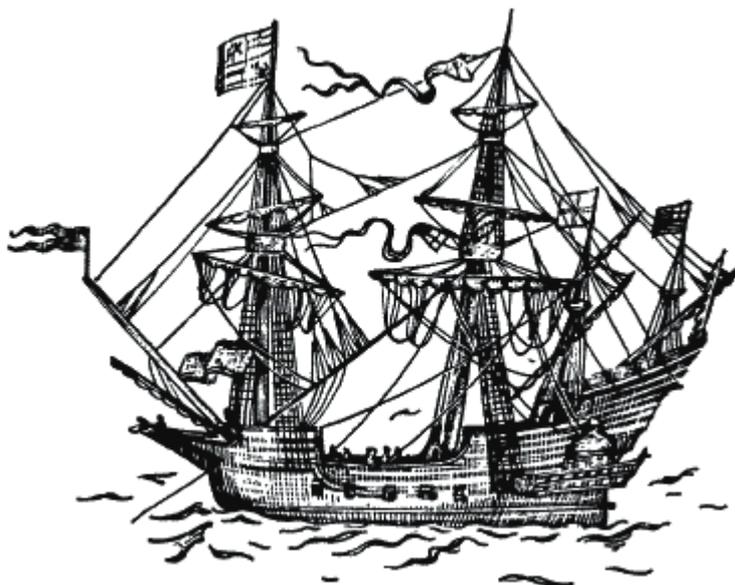
Судам, создаваемым на севере, не хватало элегантной чистоты линий южных кораблей, ведь их предназначение заключалось главным образом в том, чтобы противостоять бурям и холодным ветрам северных морей. Они были приземистыми и крепкими, с квадратным парусом, укрепленным на единственной мачте. А на Средиземном море сохранял свои позиции треугольный («латинский») парус. Огромный треугольный кусок холста позволял держать курс судна круто к ветру, но, чтобы манипулировать им, требовалось много матросов. Латинский парус продолжали использовать на более быстрых кораблях, но для тяжелых судов моряки юга стали применять северный квадратный парус. Незадолго до 1400 года повсеместно был принят и освоен руль. Он заменил единственное огромное длинное весло, почти неуправляемое в тяжелых соленых водах. Руль, подвешенный на петлях с рукояткой (румпель), требовал квадратной кормы, и только тогда на кораблях стали отличаться по форме нос и корма, что сохранилось и по сей день. Постепенно усовершенствования, пришедшие с севера и юга, слились в единый базовый тип судна: корабль с тремя или четырьмя мачтами и пятью или восемью парусами. Такая громадная площадь парусины обеспечивала невероятную мощь, но одновременно возникла проблема. Необходимо было, чтобы парус встречал ветер под нужным углом и раздувался до нужного объема. Для обеспечения этого простого требования нужна была сложная система управления и огромное разнообразие непонятных терминов: ванты, лини, реи, брам-стенги, бизань и им подобные, характеризующие импровизационную природу развития парусного дела. Какой-нибудь моряк приспособивал кусок веревки или парусины для одной конкретной цели. Приспособление работало удачно. Его использовали и дальше и давали ему название. Известны даты, когда различные названия переходили в общее употребление: они отмечают этапы создания корабельной оснастки. «Бизанью» называлась сначала ближайшая к корме мачта трехмачтового судна 1420 года, а в 1465 году этот термин уже относят к парусу. Термин «брам-стенга» вошел в употребление в 1514 году. Точный перевод этого термина с английского языка (по-английски топ-галант) означает «отважный верхний», «потому что он отлично показал себя в сравнении с нижними верхними» (лоу топами). Термин «ванты» обозначает канаты, которые раскрепляли мачту к бортам, ослабляя ее напряжение. Его использовали со времени возникновения парусов. А вот термин «линь» (или «лини») для названия тросов, соединяющих эти канаты на кораблях полной оснастки

и служащих лестницами, вошел в употребление только в 1481 году. Позднее, когда корабельная оснастка стала более точной наукой, корабли стали называть в соответствии с их оснащением. Однако в XV и XVI веках классификацию осуществляли по размеру и корпусу. Для оценки грузоподъемности судна использовалась единица веса «тонна», обычно в терминах вина, зерна, соли или нефти. Однако размер этой самой тонны менялся в зависимости от страны, так что моряки Испании, Венеции или Англии могли приписывать одному и тому же судну различный тоннаж.

Рис. 8. Каравелла. С предполагаемой модели каравеллы Колумба «Санта Мария»

По сути, то была эпоха экспериментов. Корабельщик мог изменить и усовершенствовать свой корабль. Если он был удачлив, другие следовали его примеру, и появлялся новый тип корабля. Поэтому, по всей вероятности, в то время существовало много классов судов всего по несколько кораблей в каждом. Но к концу XV столетия из этой массы выделились два главных типа: каравелла и просто парусник. Каравелла (см. рис. 8) была вкладом португальцев в мореплавание, прямым потомком средиземноморских судов с латинским парусом.

Рис. 9. Галеон

В отличие от ранних северных кораблей полной оснастки, ширина которых достигала чуть ли не половины их длины, ширина каравеллы редко бывала больше ее четверти. У нее была лишь одна палуба или даже полпалубы, но, несмотря на относительную хрупкость каравелл, именно на них совершались самые длинные путешествия. На них исследовали побережья Африки. Два из трех кораблей первой экспедиции Колумба были каравеллами. Появившийся позднее корабль, нао, отличался высокой кормой и наличием носового кубрика, или «бака». Во времена Средневековья на кораблях практиковали постройку деревянных укреплений в носовой и кормовой частях, где размещали лучников. Поначалу их делали временными и потом разбирали, но позже они стали неотъемлемой частью корабля, и на караке, большом торговом судне грузоподъемностью тысяча тонн и выше, бак достигал очень больших размеров, семь или восемь палуб в высоту. Примерно в то же время, что и карака, появился военный корабль галеон. В первое время пушки на нем размещались в надстройках, но между 1500-м и 1514 годами их стали размещать ниже палубы, а стрельбу вели через специальные амбразуры. Так и оставалось до тех пор, пока военные парусники не ушли в историю. Галеон был меньше по размеру и более управляем, чем башнеобразная карака. У него исчезли всякие палубные надстройки, и корабль приобрел изящную смелую чистоту обводов (см. рис. 9).

Мореходы

Даже сегодня, несмотря на радиосвязь, находящийся в море корабль - это особый отдельный мир. А в дни великих морских путешествий его изолированность и ощущение общности усиливались малыми размерами судна и ограниченной величиной команды. Ранние корабли редко бывали больше 100 футов[4] в длину, а численность команды колебалась от сорока до пятидесяти человек. Капитан тогда вовсе не был той богоподобной фигурой, наделенной абсолютной властью и авторитетом, какой стал позднее. Члены команды собирались вместе ради наживы, и капитан точно так же не знал, какие встретятся на пути опасности, как любой из них. Дисциплина на таком корабле, месяцами или даже годами бороздившем неизвестные воды в неизученных краях вдали от родных берегов, поддерживалась лишь общим согласием. Когда шторм настиг судно Колумба всего за несколько дней до окончания его первого триумфального плавания и грозил его потопить, адмирал приказал тянуть жребий. Вытянувший его обязан был при благополучном завершении плавания совершить паломничество к святым местам. Колумб и сам принял участие в

жеребьевке, и помеченный боб достался ему. Он принес обет и доверился милости Божьей, но, действуя как осторожный мореход, поместил отчет о путешествии в деревянную бочку и бросил ее в море, чтобы она сохранила данные экспедиции, если они погибнут.

Выживание корабля напрямую зависело от согласия в команде, от чувства единения. Каждый член команды мог выполнить практически любую корабельную работу: починить паруса, соорудить руль, приготовить пищу, срastить канаты, даже спаять металлические детали. Постепенно, однако, появились узкие специалисты в морском деле, а именно: боцман, бондарь, конопатчик, стюард (эконом), плотник. Работа конопатчика была жизненно важна, она обеспечивала плотное соединение деревянных частей корабля и препятствовала проникновению воды внутрь. Для водонепроницаемости швов использовали паклю, то есть куски старых распущенных канатов. Их забивали в швы, где они разбухали от воды. Позднее изготовление пакли стало вменяться в обязанность обитателям тюрем и работных домов, но первоначально эту работу выполняли на борту корабля матросы в немногие свободные часы. На боцмане лежала ответственность за управление множеством канатов и парусов, потому что лавирование корабля требовало одновременной и слаженной работы многих рук, так что в конце концов боцман превратился в лицо, отвечающее за дисциплину. Бондарь занимался изготовлением бесчисленных бочек для хранения съестных припасов и воды, а стюард, кроме выполнения обязанностей буфетчика, стал отвечать за обучение молодых матросов-новичков и контроль над ними. У этих мальчигов (юнгов) была одна очень важная обязанность: они каждые полчаса переворачивали песочные часы, сопровождая это действие ритуальными возгласами. От внимательности юнги многое зависело, потому что после того, как песочные часы переворачивали, нельзя было понять, вовремя ли это было сделано. Ленивый юнга мог пропустить несколько минут. Но даже очень ответственный мог перевернуть часы позже или раньше, и эта ошибка во времени постоянно накапливалась на протяжении всего плавания.

Рис. 10. Повседневные обязанности на корабле в море

Условия жизни на корабле были нестерпимыми даже в хорошую погоду. Первым условием комфорта, горячей пищей, приходилось жертвовать, едва погода портилась. Еду го-

товили на неглубоком металлическом подносе-жаровне. Его наполняли песком и укрепляли двумя или тремя кирпичами, чтобы не ездил, а затем разжигали на нем уголья. В плохую погоду готовить таким способом было невозможно, ведь прежние корабли не резали волны, как нынешние, а скользили по ним, повторяя все колыхания моря. Ни один капитан в здравом уме не позволит разводить открытый огонь на переваливающемся с боку на бок деревянном судне. Еда состояла из продуктов, которые можно было засолить или засушить: говядины или свинины, вымоченных в крепком рассоле (солонины), вяленой или соленой рыбы, сухих гороха и бобов. Основным блюдом было некое подобие тушенки из вышеперечисленных припасов, то есть трапеза, которую можно приготовить быстро и без отходов, притом заглушая дурной привкус старой воды. Вода оставалась постоянной проблемой, потому что ее хранили в дубовых бочках, и через несколько недель пить ее можно было лишь в случае крайней необходимости. Вдобавок приходилось везти большое количество вина или уксуса. Хлеб заменяли олады или пресные лепешки, испеченные в золе описанного самодельного очага. Фрукты и овощи кончались спустя несколько дней после выхода в море, неудивительно, что спутником долгих путешествий стала цинга, дававшая самую большую смертность. Неустанный тяжелый труд моряков делал их особенно уязвимыми. Многие часы или даже дни они пребывали на своем посту - высоко на снастях, в борьбе с мокрыми, хлопающими на ветру парусами, откачивая воду, удерживая руль... и все это под аккомпанемент буйной качки. Когда же они сменялись с вахты, не находилось никаких приспособлений для сушки одежды, кроме ветра. Спали они где придется. До начала XVI столетия на кораблях не было иллюминаторов, и поэтому большую часть времени команда проводила на верхней палубе. На некоторых судах были устроены койки, но большинство матросов спали на тюфяках, набитых соломой, и укрывались своей дневной одеждой. Наверное, величайшим подарком, который принесло простым морякам открытие Америки, стал гамак, подвесная кровать, изобретенная бразильскими индейцами. Гамак подвешивали в ограниченных пространствах, где нельзя было устроить постель, и бурное движение корабля он преображал в ритмичное покачивание. Для того чтобы выдерживать такие тяжелые условия, требовалось хорошее питание, и отсутствие его говорит о необычайной выносливости моряков, совершавших удивительные путешествия, открывшие нам мир. Однако какими бы железными они ни были, цинга косила их ужасающе. В экспедиции Магеллана от этой болезни погибли все, за исключением пятнадцати человек. «Корабль мертвецов» - не плод богатого воображения, а реальный ужас, с которым морякам приходилось сталкиваться не столь уж редко. Прошло более двухсот лет, прежде чем научились побеждать этот недуг.

Впрочем, несмотря на подобные условия, корабельщику никогда не приходилось мучиться с набором команды, если речь шла о путешествии в Новый Свет. Моряки встречали старых своих друзей и соседей, которые возвращались домой, бахвалясь богатым платьем, звеня кошельками золота, и рассказывали о лежащем за морями Эльдорадо. Там золотые самородки валяются на земле, как галька, там в достатке рабов, так что европейцу не нужно работать самому. Эта точка зрения настолько закрепилась в мозгах, что первые поселенцы на Карибах предпочитали жить впроголодь, дожидаясь кораблей с провизией из Испании, но не обрабатывать плодородную почву под ногами. Подобные настроения преобладали в течение всех фантастических лет завоевания и ограбления Центральной Америки, когда золото ацтеков и инков лилось, казалось, неиссякаемым потоком. Алчному человеку оставалось лишь записаться в какое-нибудь неудобоваримое путешествие, сойти с корабля на берег, где он наверняка станет принцем из принцев. Какая соблазнительная, кружащая голову приманка для нищего, голодного, но энергичного европейца!

Глава 2

Двор властителя

Государь

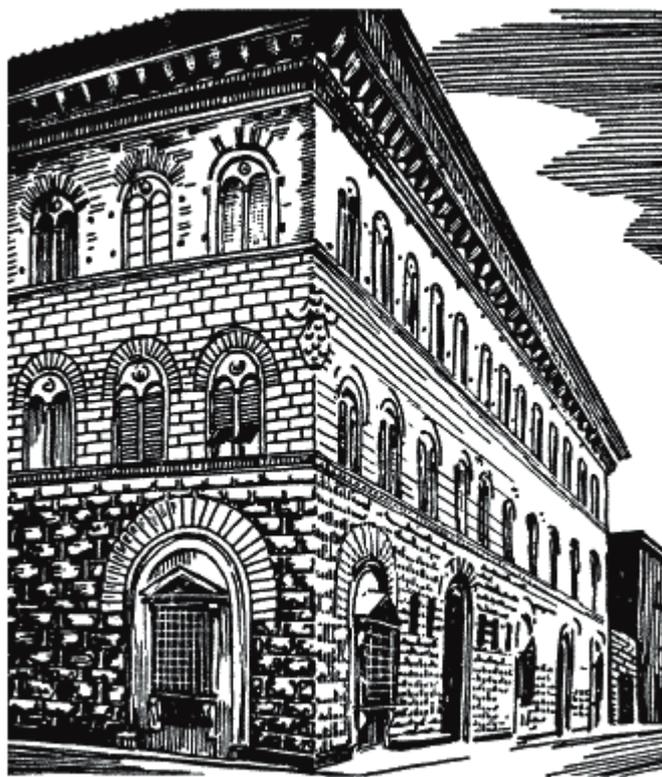
На самой вершине общества эпохи Возрождения стоял князь (принц), человек, который благодаря политической ловкости и праву престолонаследия управлял своими владениями единолично и абсолютно. Одним из любопытнейших противоречий эпохи, ставившей превыше всего свободу личности, было то, что все легко воспринимали идею единоличного правителя. Однако на то существовали веские основания. В Италии, где эта идея достигла самой отточенной и блестящей формы, такой правитель рождался в яростных и нескончаемых схватках между группировками горожан. Отчаявшись добиться мира иначе как под властью одного человека, города отбрасывали республиканские идеалы и добровольно передавали власть в руки какого-нибудь выдающегося гражданина. Теоретически эту власть давали как бы взаймы, а не насовсем, но, насладившись ею однажды, люди не спешили возвращать ее назад. Такое происходило в Европе повсюду, где не было сильной наследственной монархии, и по тем же причинам. Германия больше остальных напоминала Италию путаной и беспорядочной мозаикой мелких государств. Парадоксально, но Германия - родина императора, провозгласившего свою власть над всеми монархами, - не имела собственного короля. В Англии монарх и подданные существовали в некоем грубом равновесии, но не было никаких сомнений, кто подлинный властитель. Французская монархия была абсолютной, однако в правление злосчастного безумца, короля Карла VI, первый герцог Бургундии сумел в 1360 году провозгласить собственное государство, которое он и его потомки практически превратили в монархию, чуть не разрушив этим Францию. Жизнь герцогства Бургундского оказалась краткой, потому что после смерти самого сильного и яркого герцога, Карла Смелого, в 1477 году его вновь поглотила Франция, однако на протяжении почти сотни лет она была столь блистательной, что ее не могли затмить даже дворы итальянских принцев. Испанская нация формировалась крайне медленно, и в ту эпоху в стране сохранялись следы средневековой структуры отдельных королевств.

Теоретически «князем» или «принцем» можно было назвать любого правителя, властью над тысячами или миллионами подданных, и именно в таком смысле используют в своих трудах этот титул Макиавелли и другие политические писатели[5]. Однако принцы, внесшие наибольший вклад в развитие нового общества, были государями скорее малых, чем больших владений, и их общественное влияние далеко превышало их истинную власть. В конце концов их дворы оказались вытеснены с европейской сцены в процессе развития больших современных наций. Федерико да Монтефельтро, чей двор в Урбино служил образцом цивилизованного поведения на протяжении последующих трехсот лет, правил примерно ста пятьюдесятью душами. А число подданных, над которыми осуществляли прямой контроль Медичи, едва достигало четверти миллиона. Даже могущественные бургундские герцоги сохраняли свою независимость лишь благодаря царившему во Франции беспорядку. В предыдущие столетия большую часть энергии этих властителей забирала война, потому что ратные победы приносили не только славу - они означали выживание. Принц эпохи Возрождения должен был обладать не только и не столько мужеством и военным талантом, но замечательной ловкостью и тонким пониманием политики и финансов, так как война к тому времени перешла в руки профессионалов. Слава правителя больше, чем на воинских подвигах, зиждилась на культуре его двора, на покровительстве искусствам, на его способности беседовать с учеными людьми.

Наиболее выдающимися принцами Возрождения были ранние представители дома Медичи, правившие Флоренцией почти триста лет. Редко когда в истории один род оказывал такое влияние на целый континент. Это стало возможно благодаря их неимоверной щедрости и вкусу, позволившим им собрать в конце XV - начале XVI столетия в маленьком городке, Флоренции, группу людей, собственно и создавших Ренессанс - знаменитое Воз-

рождение. Правление Медичи во Флоренции было беспокойным: трижды их изгоняли из города, трижды они возвращались, еще крепче хватая за глотку конституцию. Они много брали, но отдавали еще больше. Древняя республиканская история города при них закончилась, но под их властью город стал движущей силой Возрождения. Свое огромное богатство они расходовали на покровительство искусствам и наукам. За полвека они потратили более четырех миллионов фунтов не только украшая свои дворцы предметами искусства, но и развивая науку. Козимо ди Медичи, которому благодарный город присвоил имя «Отец отечества», проявил неслыханную щедрость в 1439 году, когда в городе собрался Совет Флоренции. Он принимал гостей города, множество приехавших важных сановников, папу римского, императора Византийской империи, патриарха Константинопольского. Конференция была призвана достичь действенного рабочего союза между Западной и Восточной церквями. Попытка оказалась тщетной, но за протекшие в работе пять месяцев для Европы было сделано, возможно, даже больше. В марте - июле 1439 года во Флоренции собрались ученейшие люди мира, и, кроме дебатов Совета, обнаружили там большую аудиторию горожан, жаждущих новых знаний и готовых впитывать новые идеи. Среди приезжих ученых преобладали греки, а греческий язык был ключом к утраченным в Европе наукам. Благодаря их влиянию Козимо основал Платоновскую академию, которую его потомки продолжали опекать и лелеять.

В 1444 году Козимо начал строительство первого из дворцов Медичи. Его сограждане флорентийцы протестовали, считая неподобающим и опасным, чтобы частное лицо возводило здание такого размаха. Они попытались лишить его власти, но Козимо устоял, хотя это оказалась не последняя буря, выпавшая на его долю. Позднее, когда Медичи стали законными, а не только фактическими правителями и приняли герцогский титул, они построили грандиозный дворец на другой стороне реки Арно, раскинувшееся на большой территории надменное строение, всем своим видом подчеркивающее высокий статус его хозяев. Но дворец Козимо, здание, где, можно сказать, родился Ренессанс, все же производит впечатление частного дома, потому что он встроен в ряд составляющих улицу домов (см. рис. 11).

Рис. 11. Дворец Медичи, Флоренция. Его строительство заняло 20 лет

Это был первый из дворцов Ренессанса, послуживший образцом для многих последующих. Власть Медичи далеко нельзя было назвать абсолютной, и дворец должен был исполнять еще обязанности замка-крепости, где семейство могло укрываться от гнева сограждан. Поэтому первый этаж очень массивен. Он выглядит грозно, а вот верхние этажи весьма элегантны. Большая входная дверь открывается во внутренний дворик, изящный, полный воздуха. В нем были поставлены статуи «Давид» и «Юдифь», заказанные Донателло еще во время постройки дворца. «Давид» стал работой такого уровня, какого в Европе не видели на протяжении последней тысячи лет, потому что был выполнен для обзора со всех сторон, «вкруговую». Эта статуя, так же как и дворец, создала прецедент, которому стали следовать в дальнейшем. «Юдифь, убивающая Олоферна» - любимый сюжет итальянских городов-государств, так как его можно было отнести к любому своему противнику. Спустя пятьдесят лет после постройки дворец Медичи был разграблен, а семейство изгнано из города. Статую эту перенесли в публичное место и снабдили надписью, предупреждающей «всех, кто посмеет установить тиранию над Флоренцией». Тем не менее Медичи вернулись.

В 1469 году Лоренцо ди Медичи стал главой семьи и государства. В то время ему было всего двадцать лет, и, хотя он был воспитан в ожидании ответственности, отчетливо понимал, какой груз предстояло ему нести. «На второй день после смерти моего отца главные люди города и государства пришли в наш дом, чтобы соболезновать нашей утрате и побудить меня взять на себя заботу о городе и государстве, как делали это мои отец и дед. Предложение их шло вразрез с инстинктами моего незрелого возраста, так что, считая тяготы и опасности чрезмерными, согласился я на него неохотно». Причиной согласия были резоны здравые и практичные, а именно финансовые, которые Медичи никогда не упускали из виду. «Сделал я это ради защиты наших друзей и имущества, потому что плохо приходится во Флоренции тому, кто обладает богатством, не участвуя в правительстве». Таким образом флорентийцы получили правителя, сочетавшего в себе лучшие качества того роскошного и разностороннего периода. Финансист и поэт, государственный деятель и ученый, экономист и стратег - казалось, не было такого рода деятельности, в котором он не смог бы преуспеть при желании. Непревзойденные дипломатические и военные таланты, с которыми он вел Флоренцию сквозь опаснейшие бури итальянской политики, в конечном итоге не оставили заметного следа, потому что Флоренция, как и вся Италия, оказалась под властью иностранцев. Но то, как он лелеял, опекал и направлял возрожденные искусства и науки, оказало длительное и заметное влияние на всю Европу. Его покровительство существенно облегчило огромное состояние семейства Медичи, но он смотрел на себя скорее как на хранителя богатства, а не его владельца. «Возможно, некоторые подумают, что более заманчиво держать хотя бы часть его в своем кошельке, но я предпочитаю потратить его к вящей пользе общества, и потому я вполне удовлетворен».

Рис. 12. Дипломатия в действии. Деталь картины Карпаччо «Святая Урсула»

Огромная библиотека, которую он собрал, стала первой настоящей публичной библиотекой в Европе, потому что была доступна всем. Он нанимал агентов, действовавших не только в Европе, но и на Востоке, с особой целью: разыскивать древние манускрипты. Один из таких ученых привез ему 200 греческих трудов, восемьдесят из которых ранее были совершенно неизвестны в Европе. Имена бесчисленных художников и скульпторов, которых он побуждал к работе, составляют почти полный каталог творцов Возрождения. Боттичелли, будучи на пять лет его старше, делил с ним детские годы в его доме, а потом на него работал. Леонардо да Винчи получил место при миланском дворе благодаря ему. Он предоставил пятнадцатилетнему Микеланджело жилье в своем дворце и дал ему ежемесячное содержание. Вероккио, Гирландайо, Филиппино Липпи - этот список можно было бы продолжать, пока он не включил бы в себя всех талантливых людей, работавших во Флоренции в краткий период жизни Лоренцо. Он умер в возрасте сорока трех лет, и другие Медичи продолжили его труды, но никто из них так и не сумел сравняться с разносторонностью Лоренцо Великолепного. Один из его потомков стал папой под именем Льва X и внедрил заветные идеи Лоренцо в жизнь самого могущественного двора Европы.

Общество эпохи Возрождения, приняв поневоле единовластного государя, вовсе не воспринимало его как природное явление, которое следует терпеливо сносить или даже любить. Его правление и службы подвергали тщательному анализу, как никогда раньше, пытаясь объяснить их различие и функции и подготовить образцовую структуру политической машины, которой суждено было двигать Европой почти три сотни лет. В полном смысле этого слова машины, потому что она управляла всеми сторонами жизни людей, собранных в сообщества, определяя, как их будут судить, как станут они зарабатывать себе на хлеб, укреплять свои душу и тело, защищаться от внутренних и внешних врагов государства.

Рис. 13. Николо Макиавелли. С портрета работы Санти ди Тито

В первые годы XVI столетия свет увидели две книги, в которых принцев вместе с их дворами буквально поместили под микроскоп. Речь идет о сочинении «Государь» Николо Макиавелли (см. рис. 13) и «Придворный» Бальдассарре Кастильоне. Они появились с интервалом в четыре года, в 1528-м и 1532 годах соответственно, но оба были написаны за много лет до этого, причем совершенно независимо друг от друга, и стали свидетельством того, что явление «государя» привлекло внимание европейцев.

Намерением Макиавелли было рассмотреть подробно механизм государственного управления с точки зрения его эффективности. Мораль в расчет не принималась: если стратегия работала - очень хорошо, если она терпела поражение - плохо. Мало на свете авторов, о которых судили так резко и так неверно, как об этом флорентийском республиканце, создавшем классическое руководство по практической тирании. Между тем это все равно что обвинять врача, установившего и описавшего болезнь, в том, что он ее и придумал. Макиавелли прекрасно понимал, как можно истолковать его сочинение, и постарался изо всех сил подчеркнуть, что им представлена реальная картина, что, если государь является необходимой принадлежностью гражданской жизни, будет лучше, если он научится, как следует ему себя вести на этой самой опасной должности в мире. Он должен быть мудрым и добродетельным, но «поведение людей нынче настолько отличается от того, каким оно должно быть, что тот, кто отклоняется от общепринятого и старается вести себя так, как предписывает долг, непременно идет к собственной гибели». У каждого человека есть своя цена, можно доказать, что в корне любого, даже вроде бы бескорыстного поступка лежит личная заинтересованность. Государь должен держать свое слово, но в действительности лишь немногие удачливые люди так поступают. Что лучше для принца? Чтобы его любили или боялись? Это зависит от разных причин, отвечает Макиавелли. Обстоятельства влияют на положение дел, но в целом для правителя безопаснее, чтобы его боялись, потому что большинство людей переменчивы и робки и в час нужды покинут тех, кто оказывал им милости и не имеет другого основания на них рассчитывать, кроме благодарности за прошлое. Принц, как главнокомандующий, всегда должен внушать страх, ему нечего бояться упреков в жестокости, потому что это единственный способ держать в подчинении жестоких людей. Конечно, это желчный взгляд на мир. Макиавелли прекрасно знал, что люди способны умереть и действительно умирают из любви к отечеству. Но такая любовь предполагает свободу, а там, где свободы больше нет, побудительными причинами остается материальный интерес или страх.

Государь Макиавелли являлся первым среди людей, но все еще оставался человеком. Латинский трезвый рассудок отказывал ему в том налете божественности, который окра-

сил эту идею на севере. В Бургундии герцог стал олицетворением государства, а потому был больше чем просто человеком. Понятие «государь» было возведено в ранг закона и ритуала. Он приобрел атрибуты поклонения, более приличествующие преклонению перед Богом. Религиозные тексты, в которых говорилось о Святой Троице, вольно применялись к его появлениям и уходам. После одного празднества в Аррасе Ле Клер писал: «Если бы Господь спустился на землю, вряд ли бы Ему воздали больше почестей, чем этому герцогу». Другой историк заметил относительно восторгов на улицах: «Казалось, что они ухватили за ноги самого Господа Бога». Драгоценные металлы считались едва достойными коснуться его тела, предстать пред его светлые очи. Прислуживание герцогу за столом сопровождалось ритуалом наподобие святой мессы. Его виночерпия почитали кем-то вроде священнослужителя, который подносит в церкви чашу причастия. Даже салфетка, которой герцог осушал руки, передавалась от придворного к придворному, точно покров с алтаря. Целовали также держатели факелов, освещавших его дорогу к столу, и рукоятки столовых ножей, которые клали перед ним. Такое поклонение изумило бы итальянцев. Лоренцо ди Медичи, хоть и был популярен и уважаем, подвергался жестокой и весомой критике за свои претензии: «Он не желал, чтобы его равняли с другими или подражали ему даже в стихах, или играх, или физических упражнениях, и сердито обрывал всякого, кто это делал». Никто бы не посмел даже пытаться сравниться с герцогом Бургундским. Такого рода чрезмерность вызвала обратную реакцию: английский король лишился головы за слишком большую приверженность Божественному Королевскому Праву, и французская монархия в конце концов рухнула в кровавую пропасть.

Придворный

Если «Государь» Макиавелли напоминает логическое упражнение, то «Придворный» Кастильоне - это дышащий жизнью портрет идеального человека. «Я не удивляюсь тому, что вы сумели изобразить идеального придворного, - написал ему некий друг, - потому что вам стоило лишь поставить перед собой зеркало, и вы бы увидели его там». Этот изящный комплимент верно отражал суть самого Кастильоне, обладавшего большинством восхваляемых им качеств: набожностью, верностью, мужеством, остроумием и сообразительностью. Поистине его жизнь почти в точности иллюстрировала мнение Макиавелли, что честный человек всегда оказывается в невыгодном положении. Будучи послом, посредником между папой Клементом VII и императором Карлом V, во время страшных дней, закончившихся взятием и разграблением Рима в 1527 году, он был обманут обоими, потерпел крах в своих миссиях и умер полностью дискредитированным. Император, который так жестоко подвел его, грустно заметил: «Сообщаю вам, что умер один из совершеннейших благородных людей в мире». Кастильоне мог бы гордиться такой эпитафией. История также помнит его не как дипломата, а как истинного дворянина.

«Придворный» явился результатом размышлений над четырьмя годами пребывания при маленьком дворе в Урбино. Позднее Кастильоне довелось общаться с людьми по-настоящему могущественными и великими. Будучи представителем герцога при папском престоле, он находился в очень близких отношениях с Рафаэлем, Микеланджело, Бембо[6]. Он был папским нунцием[7] при дворе императора, но всегда с ностальгией вспоминал маленький двор среди холмов и болот севера. Он покинул Урбино в 1508 году, но даже спустя двадцать лет любовно оттачивал и уточнял свой отчет о том утонченном и образованном обществе, создавая памятник своему собственному золотому веку. Герцогство Урбино было основано Федерико да Монтефельтро, профессиональным солдатом, который, тем не менее, создал двор, блистательно воплотивший в себе новые гуманистические ценности. Портрет работы Пьеро делла Франческа показывает нам человека, в котором сила сочетается с терпимостью (см. рис. 14), который ничему не удивляется, ничего не ждет и способен отлично защитить свои права.

Рис. 14. Федерико да Монтефельтро, герцог Урбинский. С портрета работы Пьеро делла Франческа

Под полуопущенными тяжелыми веками обманчиво сонные глаза; твердый рот сейчас легко улыбнется, крупный перебитый нос и выступающий подбородок энергично выдаются вперед. Это был мужчина, поднявшийся от простого солдата, переигравший своих врагов, стравивший их друг с другом и тем спасший от войн и бед почти четыреста горных деревень и городов, признавших его своим государем. Но он также был человеком, которого наставлял в детстве величайший учитель-гуманист Европы, Витторио да Фельтре, который привил своим ученикам новый взгляд на людей. Огромная урбинская библиотека была созданием и заслугой Федерико. «Он один решился сделать то, что не делали тысячу лет и более: создать самую лучшую библиотеку со времен древности». Нет, ему были не по душе обыденные плоды работы новомодных печатных станков; он нанимал тридцать - сорок писцов, дабы все его книги были «написаны пером, а не напечатаны и потому не стали бы потом презираемы».

Рис. 15. Внутренний дворик дворца Федерико да Монтефельтро в Урбино

В 1450 году он начал строительство дворца (см. рис. 15), известного Кастильоне, дворца, который привлекал путешественников, совершавших большое турне по Европе, спустя много лет после того, как герцогство Урбино перестало существовать. «Казалось, это не дворец, а город в виде дворца, - утверждал Кастильоне, - и обставлен он был не только привычными серебряными вазами, богатыми занавесями из парчи и шелка и другими подобными вещами, но герцог добавил к его украшению бесчисленные древние статуи из мрамора и бронзы, редкие картины...» В этой двойной роли поклонника древних искусств и покровителя современных художников и скульпторов Федерико был олицетворением Ренессанса. Он умер в 1482 году, и герцогство перешло к его сыну, Гвидобальдо, который продолжал сохранять интеллектуальную атмосферу двора, хотя оказался не способен противостоять военному натиску внешнего мира. Именно его двор описал Кастильоне, создавая портрет идеального придворного. Группа блестящих умов, привыкших друг к другу, а потому раскованных; люди, отбросившие на время заботы о государстве и отдыхающие за беседой. Днем члены этого сообщества заняты делами, но каждый вечер они встречаются вновь под председательством герцогини (так как герцог тяжело страдает подагрой и рано уходит на отдых). Их беседы длятся за полночь, обсуждаются самые разные вопросы, вольно, но трезво и разумно. Они веселятся, сочиняя образ идеального человека. Так ярко помнятся эти встречи Кастильоне, что он может описать даже конец одной из них с пронзительным чувством тоски об утраченном рае.

«Затем все как один поднялись... и никому не хотелось спать. Когда открыли окна дворца, выходящие на гору Катри, они увидели, что небо на востоке уже порозовело, утро ясное и все звезды, за исключением Венеры, погасли, дохнул свежий ветер, наполняя воздух бодрящим холодом, и с близлежащих холмов, поросших лесом, донесся щебет прелестных птичек. Тогда все они, почтительно простившись с герцогиней, отправились по домам, без факелов, потому что уже хватало света дня».

Многое изменилось со времени Кастильоне: образ придворного претерпел изменения к худшему. Он превратился либо в жеманного щеголя, либо в честолюбивого интригана, изо всех сил стремящегося пробраться на вершины общества. Даже итальянское слово, когда-то обозначавшее придворную даму, - «*la cortigiana*» (куртизанка) - стало синонимом

проститутки высокого полета. Но для Кастильоне придворный - это человек, принадлежащий к сливкам цивилизованного общества. Он не обязательно происходит из благородного рода (хотя обычно это было так, потому что рожденные в высших слоях общества имели и досуг, и возможность заниматься искусствами), но признание того, что «учтивость», «обходительность» есть свойство ума, а не происхождения, во многом объясняло успех и широкое распространение этой книги. Придворный должен был уметь достойно выглядеть во многих мужественных упражнениях (борьбе, беге, верховой езде), а также свободно рассуждать о литературе, уметь разговаривать на нескольких языках, играть на музыкальных инструментах, сочинять изящные вирши (см. рис. 16).

Рис. 16. «Сад любви»

Однако все это следовало проделывать легко и непринужденно, так чтобы его речи, впрочем вполне разумные, лились без натуги. Ему даже предлагалось изучить формы и природу шуток. В любви он обязан был оставаться благородным и скрытным; на войне - храбрым, но великодушным. Прежде всего он обязан был держать свое слово и хранить верность своему государю, а также проявлять щедрость по отношению к слугам. Однако он был далек от другого идеального образа той поры: рыцаря, с его фантастическим кодексом личной чести. Говоря современным языком, придворный Кастильоне - человек образованный и порядочный, человек высоких моральных принципов, впрочем весьма терпимый к слабостям других. Он был идеалом, с которым сверяли свои прегрешения и ошибки, эталоном. То, что это произведение заполнило имевшуюся пустоту, доказывает скорость, с которой его перевели на другие языки, и влияние на умы, которое оно сохраняло очень долгое время. В 1537 году его перевели на французский, в 1549-м - на испанский, в 1561-м - на английский, а через двести лет после того, как герцогство Урбино перестало существовать, Сэмюэл Джонсон[8] одобрил эту книгу фразой, навсегда вознесшей ее на пьедестал: «Лучшая из книг, когда-либо написанных о хорошем воспитании, - это «Придворный» Кастильоне, человека, выросшего при маленьком урбинском дворе. Вы просто обязаны ее прочитать».

Рыцарь

Рыцарство давно утратило свои прежние идеалы благородства, считавшие закованного в броню всадника защитником обездоленных, врагом врагов христианства. В ходе бесчисленных попыток отвоевать святые места у сарацин и создать некое постоянное интернациональное войско возникали великие воинские ордена. Однако по мере того как угасала надежда победить сарацин и крестовым походам пришел конец, утрачивало свою священную миссию и рыцарство. До конца XV века рыцарь по-прежнему нес бремя воинских обязанностей, потому что и он, и его тяжело вооруженные товарищи составляли ядро любой армии. Его все еще окружал особый ореол, запрещавший ему зарабатывать на жизнь иным путем, кроме меча. Если у него не было личных средств, единственным возможным источником дохода оставалось жалование от какого-либо государя и военная добыча. На поле битвы строгий рыцарский кодекс ставил его в невыгодное положение при встрече с новыми профессионалами. Англичане, не слишком привязанные к идеалам рыцарства, менее приверженные к классовым различиям, создали весьма действенную армию, использовавшую боевые умения простолюдинов. А вот французы долго придерживались взгляда на войну как на особый вид состязания равных, что и закончилось поражением при Креси, Пуатье и Азенкуре[9]. Но по мере того как приходили в упадок военные и христианские рыцарские ценности, расцветала внешняя сторона. Все роскошнее становились наряды и ритуалы. Сущность съезживалась, но тень ее разрасталась.

Свое величие рыцарь демонстрировал на турнирах, военных состязаниях. То, что раньше было местом тренировки и учебы, превратилось в сцену. Многие рыцари буквально разоряли себя, чтобы появиться в достойном виде. Даже если он не расшвыривал деньги на роскошные латы, вооружение и коней и не проявлял бесшабашную щедрость, его имение и домашние дела страдали из-за долгого отсутствия хозяина, постоянных переездов с турнира на турнир. Предпринималось множество попыток приструнить эту страсть. Некоторые монархи запрещали своим рыцарям участвовать в турнирах под страхом большого штрафа или даже смерти. Другие государи разрешали турниры лишь в определенных местах и в определенное время. Причиной такого поведения правителей было не беспокойство об обнищании рыцарей, а досада на то, что бесконечные разъезды по Европе в поисках славы лишали принца их службы. Бургундский рыцарь Жак де Лалэнг во всеулышание объявил о своей честолюбивой мечте подраться на ристалищах тридцать раз до тридцати лет, в дополнение к наградам, заработанным в ходе обычной военной службы. Он был убит пушечным ядром в возрасте тридцати двух лет - символическая смерть, потому что пушка навсегда покончила с закованным в броню рыцарем как солдатом.

Вероятно, именно исчезновение элемента опасности из рыцарской профессии привело к необычайному росту числа рыцарей с конца XIV века. Страсть к рыцарским титулам завладела республиками и монархиями, заражая не только законных обладателей древних имен, но и выскочек из торговцев, жаждущих занять более высокое положение в обществе. Эти претензии стали мишенью для множества издевок. Италия, и здесь оказавшись впереди, начала развенчание поблекшего идеала, а прикончила его Испания бессмертным произведением Сервантеса о Дон Кихоте, в чьем скорбном облике предстала вся нелепость странствующего рыцарства. Особенные насмешки вызывали «кавалеры выходного дня», те честные торговцы, что покидали свои скучные занятия и транжирили деньги и время на турнирах. Флорентийский новеллист Саккетти пригвоздил к позорному столбу одного такого престарелого адвоката, который на арендованном коне, едва только мог, отправлялся на турниры вплоть до того дня, когда некий шутник сунул репейник под хвост его лошадке. Та взбрыкнула, и адвокатское искусство наездника показало свою несостоятельность. В синяках и ссадинах, в разорванной одежде, перепуганный адвокат предстал пред очи своей разгневанной супруги, к бурному злорадному удовольствию сограждан. Большинство итальянских городов назначали суровые наказания тем, кто носил оружие, не имея на то законных оснований, однако это мало действовало. В Бурже (Франция) один из королевских министров устроил турнир ослов; миланский герцог наградил победителя

схватки, а затем глумливо дал ту же награду побежденному. Но насмешки мыслящих людей и угрозы правителей были тщетны, и турниры продолжали процветать.

Настоящий турнир был всегда жестоким, часто опасным, а иногда и смертельно опасным спортом. Да иначе и быть не могло: ведь при этом одетые в металл конь и человек - до полутонны весом - ударяли в противника с суммарной скоростью около 30 миль в час. Не многие копыя способны выдержать такой удар, так что общепринятой мерой мастерства и ловкости соперников было число копий, которые они ломали о противника. В XVI веке снизили долю опасности, воздвигнув на арене разделяющий противников длинный барьер, так что отныне можно было нанести лишь скользящий удар (см. рис. 17).

Рис. 17. Турнир: рыцарь с дальней стороны барьера выбит из седла

Однако сама схватка, в любом случае, давала повод для роскошных развлечений, предшествующих турниру и завершающих его. Турниры привлекали сотни, а может, и тысячи людей, не имевших никакого желанья и намерения рискнуть своей шеей. Толпы собирались как на любой праздник: показать наряды, выпить, закусить, завести любовную интрижку. Как ни грустно было это сознавать искреннему рыцарю, жаждущему лишь возможности врезать своим металлом в металл другого человека, турниры превратились в зрелище наподобие театрального спектакля. Знаменитый турнир «Золотое дерево», состоявшийся в Брюгге в 1468 году, создал блистательный прецедент. Каждый участник придумал себе особую процессию-выход на арену. Один даже появился в целом замке на колесах. Остальные довольствовались театрализованными картинами, рисующими истории о рыцарях, покоренных любовью. Завершение каждого дня отмечалось вычурными пирами, расходы по которым взял на себя герцог Бургундский... а в конечном итоге его подданные.

«Золотое дерево» был, вероятно, последним из великих турниров. Полвека спустя Европу потрясло расточительное великолепие турнира «Поле золотой парчи», но, хотя поединки проходили ежедневно, схваткам не хватало удивительного азарта и увлеченности бургундцев. В июне 1559 года король Франции Генрих II был убит на турнире в Ла-Турнеле. Он продержался две схватки против двух рыцарей, а в третьем поединке против некоего молодого рыцаря оба копыя сломались.

Не желая предоставить молодому сопернику честь сломать копьё о короля Франции, Генрих настоял на следующей сшибке. Словно в зловещем предчувствии трубачи, обычно не умолкавшие в течение всего боя, затихли, и последний поединок проходил в полной тишине. Вновь оба копыя сломались, всадники продолжали движение мимо друг друга, но обломок копыя молодого рыцаря ударил короля под забрало. Спустя десять дней он умер.

Этот турнир стал последним при французском дворе, питавшем рыцарство больше и дольше других.

Светская жизнь

Дворы Европы отличались друг от друга как роскошью обстановки, так и предметами домашнего обихода. Север сильно отставал от юга не только в правилах этикета и украшениях, но даже в обычной гигиене. Еще в 1608 году столовая вилка вызывала в Англии удивление. «Как я понимаю, такой способ кормления используется в Италии повсюду и повседневно... Потому что итальянцы терпеть не могут трогать свою еду пальцами, ввиду того, что пальцы у людей не всегда одинаково чистые». В 1568 году Томас Сэквилл, английский лорд, резко возражал против обязанности принимать у себя кардинала, рисуя жалкую картину жизни в его владениях. У него вовсе не было драгоценной посуды, бокалы, представленные для осмотра королевским представителям, были ими отвергнуты, как низкокачественные, столовое белье также вызвало насмешки, потому что «они желали дамаска[10], а у меня не было ничего, кроме простого льна». У него имелась лишь одна запасная кровать, которую и занимал кардинал, и, чтобы предоставить постель епископу, служанки жены лорда вынуждены были спать на полу. Самому ему пришлось одолжить кардиналу свои таз и кувшин для умывания и потому ходить неумытым. Весьма печальная картина, если сравнить с условиями, в которых жил простой английский дворянин, гостивший в Салерно у итальянского маркиза. Комната его была увешана парчой и бархатом. Ему и его спутникам предоставили отдельные кровати, причем одна была застелена серебристой тканью, а другая бархатом. Подушки, валики под них и простыни были чистыми и с великолепной вышивкой. Отсутствие чистоты - первое, на что обращал внимание итальянец, перебравшийся через Альпы. Молодой итальянский дворянин, Массимиано Сфорца, воспитанный в Германии, приобрел там самые неряшливые привычки, и ни насмешки друзей-мужчин, ни мольбы женщин не могли заставить его менять нижнее белье. Генрих VII Английский славился тем, что видел свои ноги голыми лишь раз в году, накануне Нового года. В обществе, где большинство людей ходили неумытыми, не многие жаловались или обращали внимание на преобладающие запахи. Тем не менее широкое и повсеместное использование духов свидетельствует о том, что вонь часто превосходила все пределы терпимости. Духи применяли не только для тела, но и для тех предметов, которые передавали из рук в руки. Букет цветов, преподнесенный в подарок, имел не только символическое значение, но и вполне реальную ценность.

Тяжелый, богато отделанный костюм того времени также затруднял личную гигиену. Средневековый наряд был относительно прост. Конечно, существовало множество вариантов, зависящих от вкуса и достатка обладателя, но, в сущности, он состоял из свободного одноцветного одеяния вроде рясы. Однако с приходом XV и XVI столетий мир одежды вспыхнул радугой ярких цветов и фантастическим разнообразием фасонов. Не удовлетворяясь роскошью парчи и бархата, богачи покрывали наряды жемчугом и золотой вышивкой, драгоценные камни усаживали на ткань так плотно, что ее не было видно. Излюбленными тогда стали первичные, основные цвета, которые часто контрастно сочетали. В начале XVI столетия Европу захлестнула мода на разноцветье (см. рис. 18), что логично вытекало из обыкновения использовать контрастные цвета для разных предметов одежды. Отдельные части одного костюма кроились из ткани разного цвета. Одна нога штанов-чулок была красной, другая - зеленой. Один рукав - лиловым, другой - оранжевым, а само одеяние могло быть и вовсе третьего цвета. Каждый модник имел своего личного портного, придумывавшего ему фасоны, так что балы и собрания позволяли любоваться широчайшим разнообразием нарядов. Мода менялась с небывалой ранее быстротой. Лондонский хронист в записках о царствовании Елизаветы I отмечает: «Сорок лет тому назад в Лондоне не было и двенадцати галантерейщиков, торговавших вычурными шляпами, бо-

калами, поясами, мечами и кинжалами, а теперь каждая улица, от Тауэра до Вестминстера, переполнена ими и их лавками, сверкающими и сияющими стеклом». Во всех странах моралисты горевали по поводу упадка современных нравов и обезьяньего подражания чужестранной моде.

Рис. 18. Разноцветный наряд

Взгляните на изысканного кавалера,
Он выглядит лишь обезьяной Моды.
Он шествует по улицам, бахвалясь,
Всем тыча в нос из Франции дублет, чулки германские
И шляпу из Испании, клинок толедский и короткий плащ,
Свой итальянский воротник и башмаки,
Из Фландрии прибывшие.

Не было такого предмета одежды или аксессуара, которые не затронуло бы лихорадочное стремление к оригинальности. Не стоит и пытаться перечислить все перемены моды - она менялась непрерывно. Основу мужского костюма составляли дублет и штаны-чулки. Первый представлял собой облегающую одежду, чем-то напоминающую современный жилет, а последние - брюки или бриджи, переходящие в чулки (см. рис. 19, фото 7). Но эта основная тема разыгрывалась во множестве вариаций. Рукава стали съемными, причем каждый стоил целое состояние. Скромная дюймовая полоска белого полотна у ворота превратилась в брыжи, чудовищную оборку размером с колесо. Штаны-чулки преобразились в короткие шаровары, расклешенные или с подбивкой, и то и другое невероятных

размеров. Появились разрезы. Это была мода, не спустившаяся сверху, а поднявшаяся по общественной лестнице, потому что первыми ее завели швейцарцы-наемники. Материю дублета или шаровар буквально полосовали множеством разрезов, чтобы была видна ткань, подложенная снизу, причем другого цвета. Немцы довели эту моду до крайности, придумав необычайно мешковатые шаровары, на которые шло ткани по 20 ярдов [11] и более. Они ниспадали свободными полосками от бедер до колен. Женщины были не менее экстравагантны. Их платья открывали всю грудь, но заключали остальное тело в некое подобие клетки. Придворные портреты того времени демонстрируют знатных дам, застывших в нечеловеческой окаменелости, с талией, стянутой почти до полной невозможности, и юбкой, пышной, как шатер (см. рис. 20).

Рис. 19. Костюм английского дворянина, около 1600 г.

Рис. 20. Французский придворный наряд, около 1555 г. С портрета Екатерины ди Медичи

Все еще был в ходу «геннин», головной убор на каркасе из твердой бумаги или накрахмаленного полотна высотой в ярд, обтянутый шелком, парчой или другой дорогой тканью. Его дополняла длинная вуаль, ниспадавшая с макушки до пят. У самых претенциозных щеголих вуаль волочилась по полу. В некоторых дворцах приходилось поднимать притолоки, чтобы модная дама могла пройти в двери.

Пристрастие к щегольству распространилось на все слои общества. Сельский увалень сбрасывал свою мрачную домотканую одежду ради дешевого блеска и становился предметом общих насмешек (см. рис. 21). «Нынче не отличишь на взгляд прислужника в кабаке от лорда, судомойку от знатной дамы». Такого рода жалобы звучали повсеместно.

Рис. 21. Карикатура на елизаветинские моды

Здесь была доля истины, потому что с ростом благосостояния среднего класса и повышением требований к условиям жизни у бедняков хвастливые прогулки в лучшем платье перестали быть привилегией одного сословия. Для сохранения явных социальных отличий предпринимались попытки оживить законы, регулирующие расходы. В них было скрупулезно расписано, что могут и чего не могут носить различные классы общества. Елизавета Английская запрещала простолюдинам надевать брыжи и кринолины. Во Франции иметь одежду из золотой и серебряной парчи дозволялось только лицам королевской крови. Во Флоренции простым женщинам не разрешалось носить меха и пуговицы определенной формы, сделанные из ряда материалов. Законы эти сразу по принятии подвергались всеобщему поношению и не исполнялись. Их принимали вновь, придумывая иные виды запретов и наказаний, но на них снова не обращали внимания. Сдерживающим фактором оставался лишь объем кошелька. Развлечения придворных отражали настроения и вкусы государей. Неспешные интеллектуальные беседы, по воспоминаниям Кастильоне доставлявшие радость урбинскому двору, отнюдь не везде были любимым времяпрепровождением. Немцы находили удовольствие в шумных попойках; пьянство было национальным искусством. Еще им нравились бурные танцы, вызывавшие досаду и укоры трезвенников. Впрочем, такой знаток хороших манер, как Монтень, был приятно удивлен сердечной, но благовоспитанной манерой танцев, которую наблюдал в Аугсбурге. «Джентльмен целует руку дамы и кладет руку ей на плечо и притягивает ее к себе так близко, что они оказываются щека к щеке. Дама кладет руку ему на плечо, и таким манером они кружатся по комнате. У мужчин свои места, отдельные от дам, и вместе они не смешиваются». По всей вероятности, именно участие дам в придворных празднествах смягчило нравы (см. рис. 22).

Рис. 22. Маскарад при дворе императора

На рисунке показано прибытие куртизанки, красивой изысканной женщины, готовой (за плату) украсить любое собрание. Многие из них были широко образованны и умели поддерживать разговор на любую тему. Часто они содержали собственный двор, который навещали великие мира сего и находили там развлечение и отдых от государственных дел, оставаясь в своем кругу. Куртизанка не вытесняла, а дополняла жену. Браки продолжали заключать по расчету, потому что ни одно разумное семейство не могло позволить подвергать ценные земли и собственность угрозе случайного союза. При этом молодой аристократ, исполнив свой долг и заключив брак иногда с неизвестной ему особой, вовсе не видел причин отказываться от удовольствий на стороне. Общество было с ним согласно. Тем не менее с тех пор, как женщины стали получать лучшее образование, они смогли играть более активную роль в общественной жизни, и жена перешла с заднего плана, который долго занимала, на авансцену.

Обязательным и общепринятым обычаем было устраивать в честь важного гостя изысканную трапезу. Ренессансный двор с восторгом его принял и даже усовершенствовал, превратив в некий спектакль с аксессуарами, более уместными на сцене, чем в столовом зале (см. рис. 23). Не исключено, что именно из подобных «столовых декораций» родились близкие искусства оперы и балета. Они превращали саму трапезу в некое необязательное дополнение. Зародились они, по всей видимости, в Италии, но опять-таки именно в Бургундии превратились в пышные «постановочные» пиры, оскорблявшие мораль и восхищавшие людей светских.

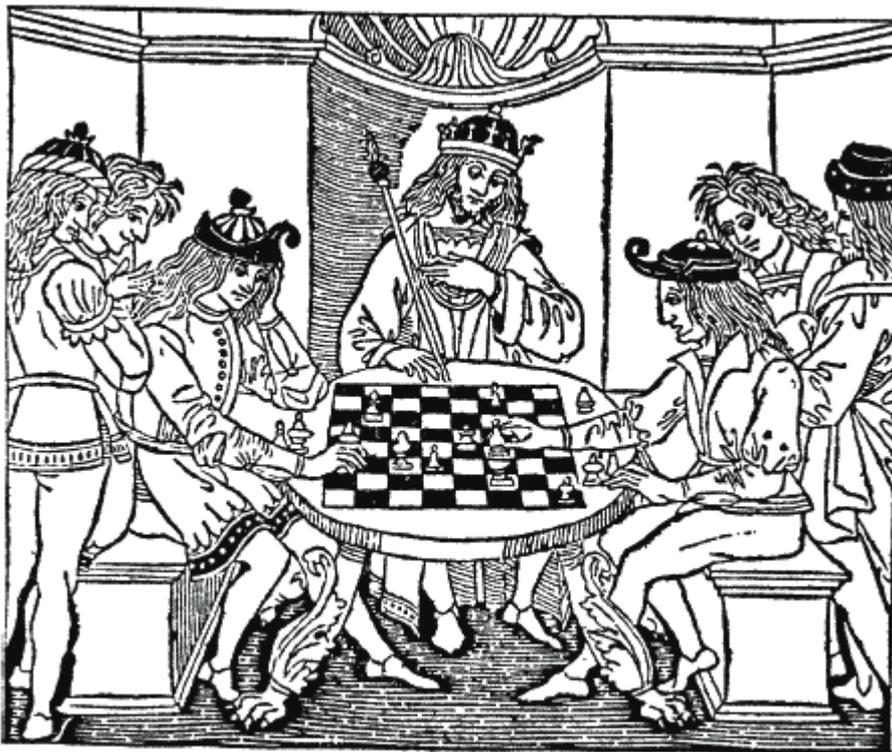

Рис. 23. Банкет при французском дворе

Самым роскошным из них стал Пир Фазана (1454 г.). Годом раньше Константинополь пал под натиском турок, и этот пир должен был вновь возжечь искру последнего крестового похода. Новый крестовый поход так и не состоялся, и есть некая ирония в том, что знаменитый Пир Фазана эпохи Возрождения должен был возродить грезу Средневековья.

Все подробности держались в строгом секрете до того часа, когда после трех дней скромных трапез привилегированных гостей не ввели в огромный Отель-дела-Салль. Дело было в январе, и зал был залит морем света от бесчисленного количества свечей и факелов. Слуги, одетые в сумрачные черные или серые ливреи, оттеняли золото и багрянец, атлас, бархат и парчу нарядов гостей. Стояли три стола, накрытые шелковым дамаском, каждый огромных размеров, потому что они должны были также служить сценой. Задолго до начала самого пира обедающие прогуливались по залу, любуясь, так сказать, сопутствующими зрелищами. На столе герцога возвышалась модель церкви с колокольней, где находились четверо музыкантов. На том же столе разместился корабль с полной оснасткой и командой. Еще на нем был фонтан из стекла и драгоценных камней. Огромный пирог вмещал 28 музыкантов. Механические звери скользили по изящно сделанным лесам. Актеры изображали ожившие пословицы. Во время трапезы угощение спускали с потолка, но вряд ли гости могли, не отвлекаясь, насладиться хотя бы одной переменной блюд: каждая сопровождалась 16 интерлюдиями: выступлениями жонглеров, певцов, акробатов, посреди зала была даже разыграна соколиная охота с живыми птицами. На настоящей сцене представили сложную постановку «История Язона», с огнедышащими драконами, быками и вооруженными воинами. Но все это явилось лишь прологом к центральному шедевру: мольбе Константинополя о помощи. Одетый сарацином великан появился, ведя за собой слона, на спине которого восседала женщина в трауре. Она изображала Церковь, приехавшую к герцогу слезно просить о помощи ее утраченному городу. После погребального песнопения вышел герольд с живым фазаном в руках. У рыцарей существовал давний обычай: закреплять нерушимую клятву поеданием птицы, считавшейся благородной (павлина, цапли или фазана). Символический обряд был в этом случае несколько изменен, и после клятвы освободить Константинополь птицу отпустили на волю. Торжественное собрание завершилось балом.

Шахматы и кости, состязания в стрельбе из лука, теннис, карты и игра в мяч, пение и азартные игры - все это были излюбленные придворные развлечения того времени (см. рис. 24).

Рис. 24. Шахматы. Из флорентийского трактата об этой игре, написанного в 1493 г.

Даже самый просвещенный правитель без раздумий захватывал большие куски земли для собственных нужд. Подданные такого жесткого государя имели все основания проклинать пережитки варварских утех. Чтобы сохранить будущую добычу для охоты, принцы вводили суровейшие законы, даже назначая смерть тем, кто незаконно убивал охраняемую дичь. Птицы и звери процветали, разоряя или поедая посевы, причиняя гораздо больше вреда, чем одна охота. Государь охотился не в одиночку: он мог решить провести несколько дней в облюбованном им уголке страны, приводя с собой большую свиту и решая государственные дела прямо в поле.

Ночные пиры и танцы сменялись дневными азартными забавами, что являло один из нагляднейших контрастов общественной жизни того времени. Неподалеку от сверкающего огнями охотничьего домика, где веселились и пели, стояла убогая хижина крестьянина, откуда, в сущности, и брались средства на утехы богачей.

Рис. 25. Принц охотится со своей свитой

Глава 3

Купец

По внешнему виду трудно было отличить богатого купца от правителя. Одевался он в шелка и меха, дом его был богато обставлен и украшен недавно приобретенным гербом, он распоряжался жизнью сотен или даже тысяч людей... То есть он стал новой силой в обществе. Некоторые купцы превращались в настоящих правителей. Так, Медичи занимались торговлей и финансами. Впрочем, другие, как, например, Фуггеры из Аугсбурга, предпочитали реальную власть ее мишурному обличью, походя возводя на престол и низвергая принцев, то есть это было частью их финансовой деятельности. Купцы Ганзейского союза деспотически правили в дюжине городов, разбросанных по всей Европе. Когда-то европейские короли надменно требовали денег и у презренного ростовщика, выплачивая или не выплачивая долг по своему усмотрению. Теперь ростовщик преобразился в купца и банкира и заседал за столом совета, диктуя королям государственную политику.

Средневековая торговля велась главным образом между городами. Купцы перевозили товары из одного города в другой, являясь кровотоком в циркуляции, то бишь обращении, средств. Феодальная система сильно сдерживала торговлю, так как не существовало никаких побудительных причин, заставляющих крепостного или работника производить товаров больше, чем требовалось для его собственных нужд и нужд его господина. Каждая местность была самодостаточной, производя то, что ей нужно. Изделия кузнеца, колесника или крестьянина путешествовали всего на несколько миль от места своего изготовления. Пшеница - один из немногих объемных, но относительно дешевых продуктов, с которыми купец имел дело. Он всегда мог рассчитывать, что если не в одном, так в другом конце Европы будет голод и он сумеет хорошо на этом нажиться. Следовало учитывать трудности перевозки и стоимость транспорта. Ведь все товары доставлялись по суше вьючными животными, что в четыре раза превосходило стоимость водной транспортировки. Поэтому торговля шла вдоль крупных европейских рек, и скоро скромные склады по берегам Рейна, Роны и По превратились в богатые и могущественные города. Они обеспечивали безопасность торговли и средства для нее, а взамен брали большую часть прибыли в форме различных таможенных пошлин. Однако грузоподъемность речных судов, хоть и превосходила возможности вьючных перевозок, тоже была ограниченной. Купцы обнару-

жили, что наибольшую выгоду приносят товары, которые невелики по объему, но имеют большую ценность, как то: шелк, шафран, пряности с Востока, воск из России, квасцы с Балкан. Европа была христианским континентом, и бесконечное число дней в году, когда запрещалось есть мясо, привело к расцвету торговли рыбой, главным образом северной сельдью. Могущественная Ганза обязана своим происхождением именно этому скромному продукту. С юга на север везли вино. Шерсть отправлялась с овцеводческих ферм к прядильщикам и ткачам, от них к портным, создавая огромные богатства отдельным лицам, городам и целым странам. Торговля предметами роскоши с Востока была крепко зажата в руках генуэзцев и венецианцев. Шелка, в которые одевались богачи, жемчуга, сиявшие на груди их дам, пряности, оживлявшие вкус повседневной пищи, совершали невероятные путешествия по морю и суше. Великим рынком Востока являлась Индия. Там арабы грузили шелка и перец, жемчуг и муслин и отправлялись в плавание к Персидскому заливу и Ормузу. Оттуда караванами их везли в Багдад, место пересечения и встречи Востока и Запада. Багдадский купец, описывая свою деятельность, рисовал картину огромной паутины коммерции, контролируемой его родным городом: «Я везу серу из Персии в Китай, китайский фарфор в Грецию, греческую парчу в Алеппо, стекло из Алеппо в Йемен и йеменские ткани в Персию». Товары для Запада шли из Багдада в Тир или Антиохию, где уже ждали их венецианские или генуэзские галеры, чтобы везти в Европу.

Рис. 26. Погрузка товаров в Гамбурге в 1487 г.

Экзотические восточные товары и более скромные и скучные европейские в конце концов встречались на какой-нибудь из многочисленных ярмарок, разбросанных по всему континенту. Наверное, важнейшими были ярмарки, расположенные во Фландрии (в одном Брюгге записалось больше тридцати «наций»). Большая часть последующего богатства Нидерландов проистекала именно отсюда. Во всех странах были города, где постоянно проводились эти ярмарки: Шампань и Бри во Франции, Стаурбридж и Смитфилд в Англии, Севилья в Испании, Лейпциг в Германии и, наверное, самый большой из них Нижний

Новгород в России. Большие ярмарки казались временными городками с улицами из мелких и крупных лавок, занятых каким-то одним видом торговли. Там были кожа и ткани, высоко ценившиеся шелка, парча и бархаты. В другом месте продавались пряности, вина, разные пищевые продукты. Очень важной фигурой на ярмарке был меняла, ведь здесь обращалась валюта всех европейских стран, а купцу было выгодно увезти плату в денежных единицах своей страны. В конце ярмарки давался некоторый срок для улаживания расчетов и сведения счетов. Купцы несли совместную ответственность за кредит, предоставленный соотечественникам. Так, например, если венецианец уклонялся от уплаты долгов, выплату производила вся венецианская «нация» на следующей ярмарке. Такая система обеспечивала высокую надежность платежей.

Рис. 27. Странствующие артисты на карнавале

Ярмарки вносили яркость и веселье в монотонную жизнь горожан, и, естественно, там, где собирались толпы, готовые потратить деньги, тут же находились желающие эти деньги выманить. Жонглеры, скоморохи, певцы, астрологи, люди с хорошо подвешенным языком, торгующие универсальными снадобьями, проповедники, призывающие громы небесные на головы грешников, фокусники, силачи, воры... все находили здесь применение своему искусству. Обычно ярмаркой управлял некий властный комитет. На торговлю надо было получить разрешение, а если в нем отказывали, то все равно выгода от торговли значительно перевешивала штраф за незаконную деятельность. В конечном итоге зрелищность стала затмевать коммерцию, но даже сегодня по всей Европе проходят специализированные ярмарки. Кроме экономического и развлекательного значения, ярмарки выполняли важную социальную функцию: на них выявлялось общественное мнение Европы. Благодаря им умные и знающие люди с разных концов континента регулярно встречались и, завершив дела, обменивались новостями и суждениями о том и другом, о состоянии общества. Именно такими официальными путями духовные ценности Италии эпохи Возрождения проникли в Европу.

Ярмарки породила кочевая средневековая торговля, но они оставались в силе еще долгое время спустя после того, как купля-продажа приобрела более стабильный и упрочившийся характер. Великий купец Ренессанса сформировал в людском сознании свой особый образ и занял в обществе положение, необычайно привлекательное для лиц меньшего калибра. Его агенты могли посещать ярмарки, но он оставался в своей конторе. Главным фактором, создавшим новый могущественный класс купечества, был поток золота из Нового Света. Золото не портится со временем, ценность накопленного не уменьшается. В отличие от земельных владений его можно спрятать в безопасное место. Таким образом, современный торговец может собрать капитал, почти независимый от общества, в кото-

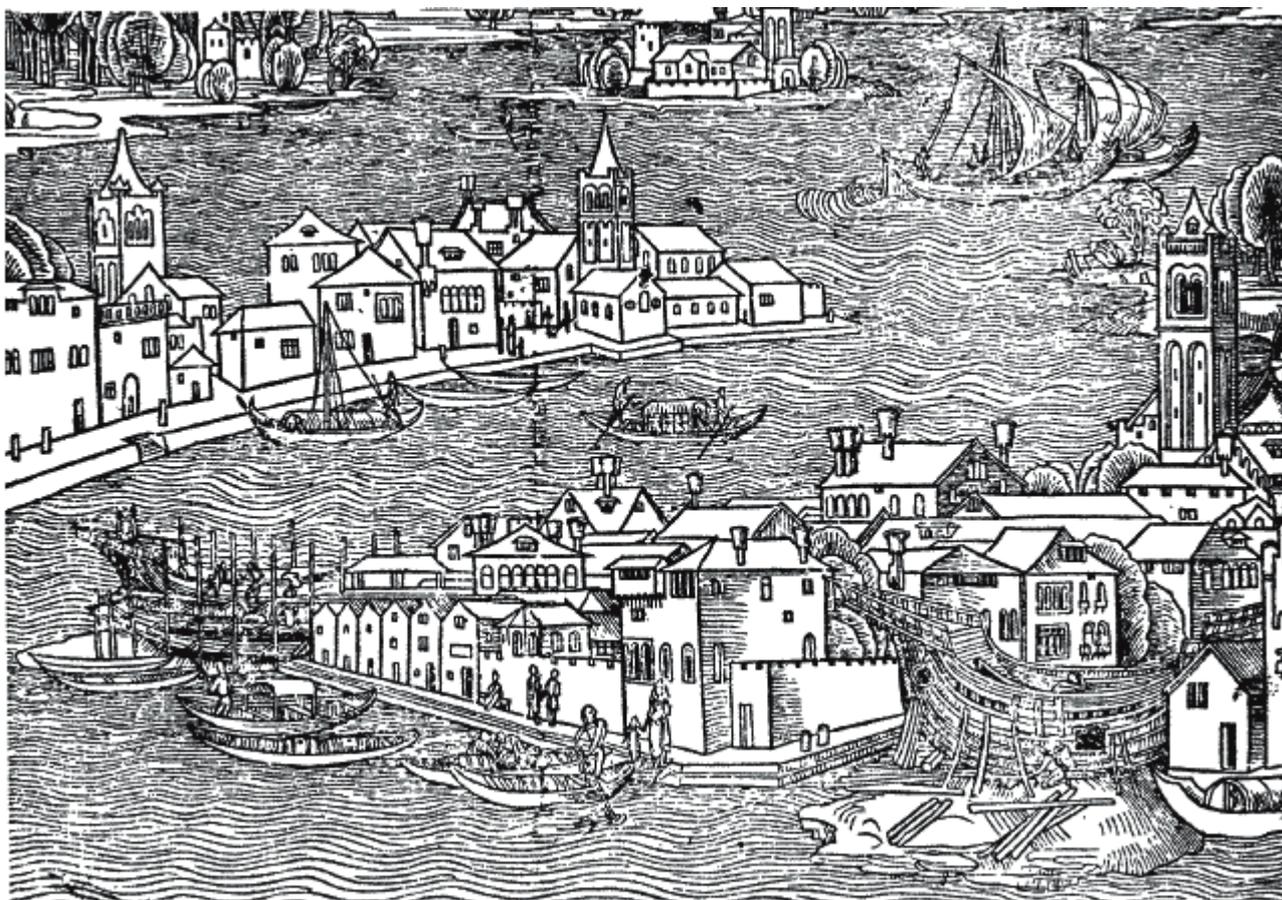
ром живет, не то что его предшественники, чье состояние заключалось в портящихся товарах или уязвимых земельных угодьях. Некий агент Фуггера в очередном рапорте о прибытии испанского «золотого» флота в сентябре 1583 года сообщал, что он везет около 15 миллионов золотых дукатов. Корабли были так тяжело нагружены, что флот должен был выгрузить миллион в Гаване. Агент заканчивает донесение замечанием: «Недурная денежная прибавка, которая вдохнет новую жизнь в коммерцию». На протяжении многих столетий ограниченный запас европейского золота сочился тоненьким ручейком на Восток для закупок восточных предметов роскоши, обладание которыми было признаком успеха. К середине XV века общий золотой запас упал, наверное, до самого низкого уровня. Первая экспедиция в Новый Свет принесла немного, но уже одиннадцать лет спустя после высадки Колумба на сушу в Европу пошла первая большая посылка золота. А потом по мере того, как конкистадоры углублялись с грабежами в Мексику, в европейские сундуки полились невероятные потоки золота и серебра. За следующие сто лет первый поступивший миллиард возрос пятикратно. Испанию, которая поначалу контролировала большую часть этого притока, это почти погубило. На золото можно было купить все, испанцы так и поступали, что привело к упадку собственной промышленности и ремесел. Ацтекское золото для простого испанца оказалось тем сказочным обманым золотом фей, которое приносит пустоту и разорение.

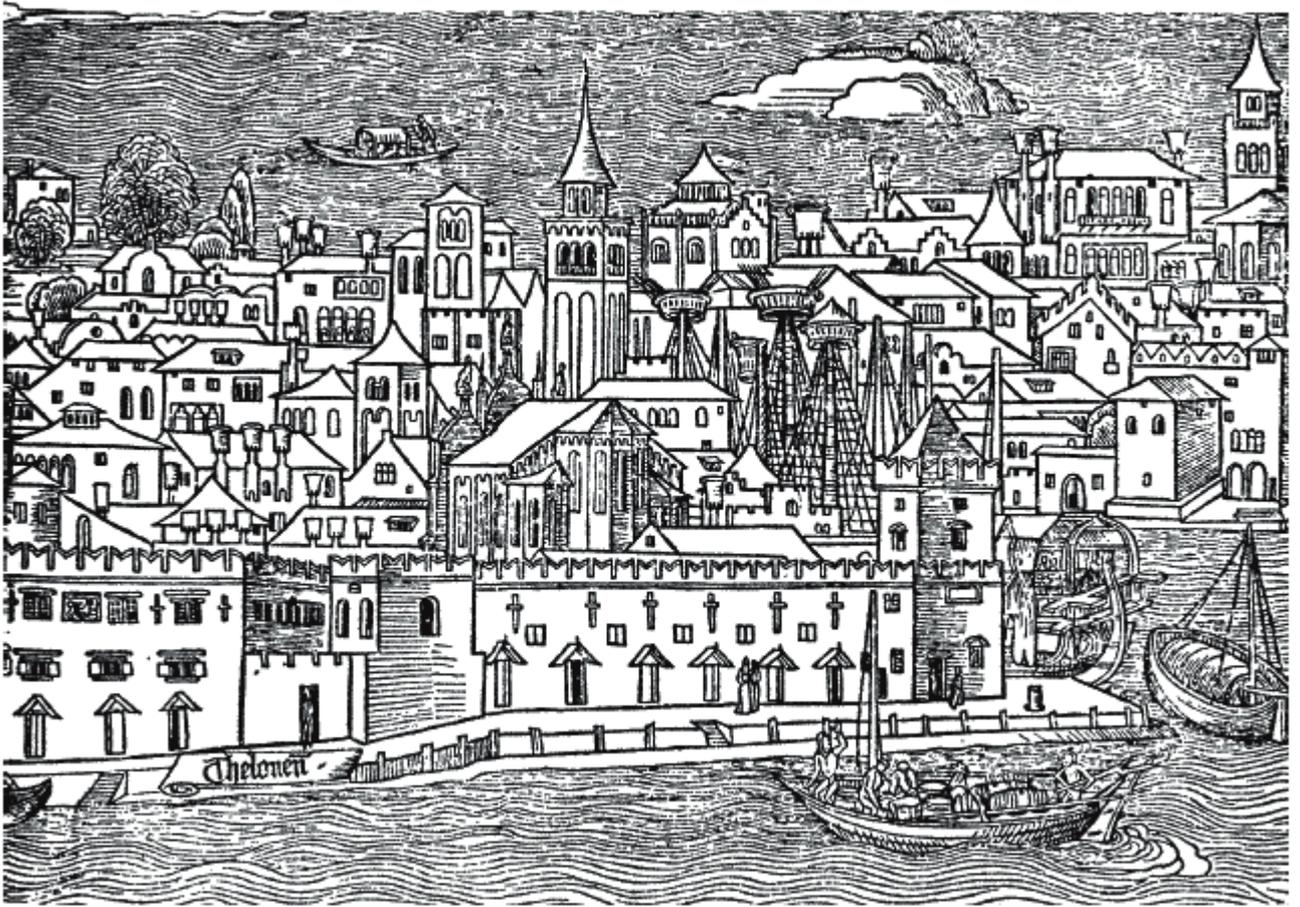
Но купцы благоденствовали, становясь все богаче, тем более что утратил силу запрет на ростовщичество. С самых давних лет по установлению церкви считалось, что деньги - вещь мертвая и мертвящая, что любая попытка заставить мертвое воспроизводить себя неестественна, что это попрание законов Божиих и людских. Строго говоря, запрет был на дачу денег взаймы, как на профессию богопротивную и мерзкую в глазах большинства людей, даже тех, кто этим пользовался. На главной площади каждого города можно было увидеть маленькие будочки ростовщиков-менял, со столом, потрепанной книгой учета и шкатулкой с наличностью (см. рис. 28).

Рис. 28. Меняла с женой. С картины Квентина Матсиса

Сюда обращались расточительные и несчастливые, непредусмотрительные, молодые моты и тяжко работавшие крестьяне, по которым ударил неурожай и кому нужны были деньги, чтобы прокормить семью до весны. Деньги доступны были всем под 20, 39 или 40 процентов, в зависимости от того, что ростовщик мог получить по своим прикидкам. В свою очередь заимствующий, если не мог найти богатого поручителя, оставлял залог. Правительства большинства стран пытались как-то контролировать характер залогов. Так, нельзя было принимать в залог орудия труда работника, и обычно в залог несли одежду и хозяйственную утварь. Поскольку это занятие христианам воспрещалось, оно по большей части попало в руки евреев, которым было отказано в большинстве других способов заработка. Отождествление ростовщичества с евреями, по всей вероятности, стало главным источником вспыхнувшей ненависти, вскоре превратившейся в ожесточенное преследование. Человек, взявший в долг крупную сумму у еврея-ростовщика, сравнительно легко убеждал себя, что будет вполне по-христиански уничтожить этого еврея, а с ним и свой долг.

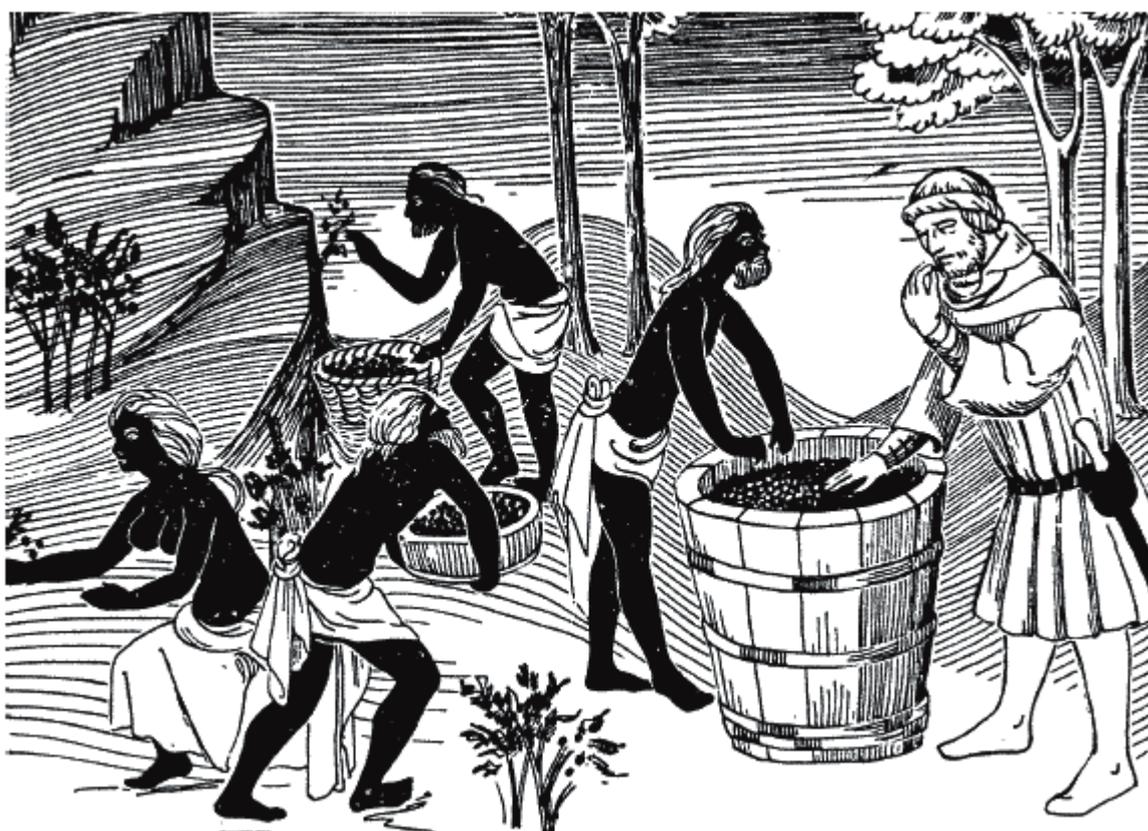
Рис. 29. Венеция в 1485 г. Показана постройка корабля и различные типы морских судов. С современной гравюры по дереву

Вообще-то запрет касался лишь получения процента, то есть дохода от одалживания денег. Но в руках юристов, и духовных и светских, все это стало таким запутанным делом, что почти любой переход денег из рук в руки можно было назвать ростовщическим и подлежащим наказанию в этом мире или последующем. Однако даже самая простая и честная торговля предполагала использование денег; было необходимо предоставлять кредит и требовать разумную компенсацию за вложенные деньги. Дабы избежать обвинений в ростовществе, доходы от него скрывались за словами вроде «премия», «интерес», «пенсия», «вознаграждение», «возмещение», то есть слова, занявшие в наши дни почетное и постоянное место в словаре коммерции. На протяжении всей эпохи Ренессанса ростовщический заем мог разорить купца, но постепенно он превратился в мертвую букву и принужден был уступить место реальным торговым приемам, применявшимся на просторах в тысячи миль и включавшим в себя миллионные обороты золота.

Для человека, способного приобрести некоторый капитал, открывались перспективы фантастических доходов. Купец стоял за отважными мореплавателями-исследователями. Когда, наконец, они обогнули мыс Доброй Надежды и открыли прямой путь в Индию, доходы арабских посредников ушли в прошлое, а доходы европейских купцов возросли многократно. Оснастить и снабдить корабль в двухгодичное плавание стоило примерно 7 тысяч фунтов на современные деньги, а ожидаемый доход от плавания был около 200 тысяч. Пряности с Востока приносили основную долю прибыли. 30 июля 1583 года в Лиссабон прибыл корабль, привезший 500 квинталов (центнер) перца и 2 тысячи - корицы и гвоздики. Это был по всем меркам необычный груз. В том же докладе упоминается, что в гавани Гоа готовы к отплытию еще два корабля, с грузом 16 тысяч квинталов перца, 6 тысяч - гвоздики и тысячи - разных пряностей. Торговля пряностями стала такой регулярной, что капитаны перевозящих их судов могли определять время прибытия и отбытия с необычно-

венной точностью, хотя между пунктами отправки и назначения пролегалo полмира океанской воды. Корабли покидали Гоа или Лиссабон в последние две недели января и прибывали в середине июня.

Некий агент Фуггера оставил нам очень яркий и живой отчет о радостях и риске торговли пряностями. 10 января 1580 года он пишет из Кохинхины, после морского путешествия, продолжавшегося шесть месяцев и шесть дней: «И за все это время мы не видели ни клочка земли... только море и небо». Пять кораблей вместе покинули Лиссабон, но затем разделились: каждый капитан решил, что знает лучший и быстрееший путь к порту назначения. Корабль автора доклада встретился с жестокими штормами и мертвым штилем, сразился с гигантской акулой, но, несмотря на тяготы и суровость путешествия, «только 25 человек умерло на пути из Португалии в Индию». Даже когда они высадились на берег, опасность не миновала: многие матросы, привыкшие к скудости корабельной жизни, умерли от излишеств, которым предались на суше. Главным сокровищем был перец, потому что Кохинхина (Южный Вьетнам) была перевалочной торговой базой, куда привозили товар из глубины материка (см. рис. 30).

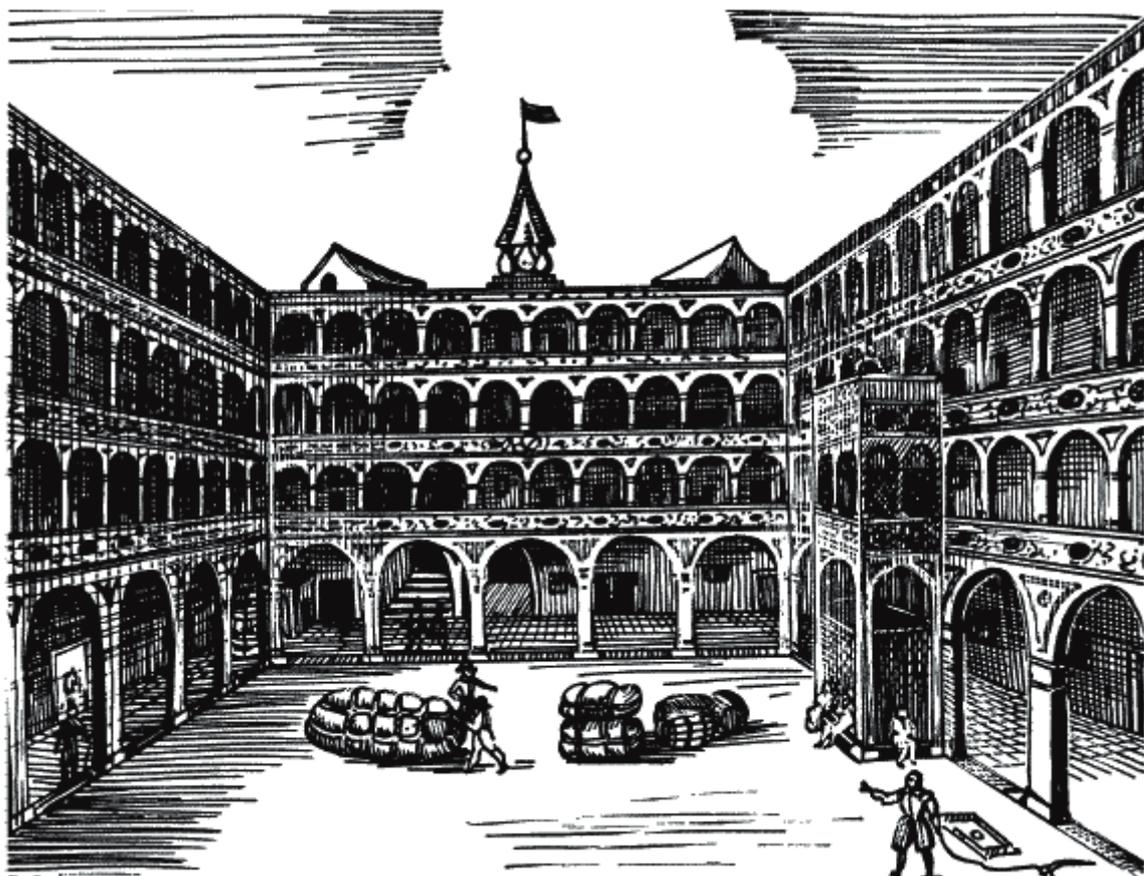

Рис. 30. Сбор перца: купец-европеец оценивает его качество

Упомянутый агент основал две торговые базы: одну в Гоа и другую в Кохинхине, и, хотя он предпочел бы находиться в Гоа, где присутствие португальского вице-короля делало жизнь более цивилизованной, совершать каждый год путешествие туда и обратно было слишком утомительно «...а я должен находиться на нашей перцевой станции». Шесть недель требовалось для сбора урожая, а после отплытия кораблей в Португалию делать особенно было нечего. «Торговля перцем - дело очень прибыльное. Если ни один корабль не потерпит крушения на пути туда или обратно, торговец богатеет несказанно». Корабли, отправлявшиеся на Восток, везли груз вин, сыров, рыбы и бумаги, но автор доклада предупреждает хозяина, что для немецких товаров здесь особого рынка нет: Письменные столы от жары трескаются, часы или иные механизмы, сделанные из железа, на море ржавеют». А далее он повторяет жалобы торговцев всех времен: «Вице-король поднял пошлины, потребность в европейских товарах упала, и больше прибыли можно получить от ор-

ганизации местной торговли, чем подвергая свои товары капризам моря». В целом же «зарабатывать деньги здесь так же хлопотно, как в других местах». Тем не менее он согласен остаться в Кохинхине еще на пять лет и собирается возвращаться домой по суше. Путешествие через Аравию, Персию и Турцию составит только 2 тысячи миль и займет шесть месяцев. «Кажется, здесь это дело обычное. Однако я заранее узнаю путь, поскольку времени на это у меня в достатке».

Открытие новых маршрутов заморской торговли изменило облик европейской торговли, так как вдоль атлантического побережья появились новые центры, города Лондон и Лиссабон, Кадис и Бристоль, Антверпен и другие, занимавшиеся импортом товаров с Востока и Запада и распространением их по всей Европе. Старинные итальянские центры торговли упрямо и отчаянно сопротивлялись. Венеция (см. рис. 29) продолжала оставаться «школой лоска» для торговцев. Даже автократические ганзейские купцы обязаны были в этом приморском городе держаться весьма осторожно и дипломатично. Всюду они вели себя как оккупационная власть, но в Венеции были просто торговцами. Они и другие немецкие купцы селились в так называемом Немецком подворье (Фондако-де-Тедеско), красивом трехэтажном здании на Большом канале (см. рис. 31).

Рис. 31. Фондако-де-Тедеско. Немецкое подворье, Венеция

Там сидели три венецианских чиновника, постоянно следившие за соблюдением венецианских интересов. Когда в конце каждого сезона немцы уезжали, они передавали до возвращения этим чиновникам свои ключи. Но со временем даже богатая Венеция начала ощущать уменьшение торгового потока, переместившегося севернее. Другие приморские города, особенно Генуя и Пиза, также постепенно утратили свои позиции.

По всей Европе стали возникать новые производства. Это явилось следствием новых открытий и изобретений того периода. В течение каких-нибудь десяти лет со времени своего изобретения книгопечатание развилось в целую промышленность. Изготовление пушек и огнестрельного оружия всех видов потребовало создания тяжелого производства, с соот-

ветствующими большими капиталовложениями. Кораблестроение теперь использовало тысячи рабочих там, где раньше хватало сотен (см. рис. 29). Между 1497-м и 1612 годами одна только Португалия отправила в долгое морское путешествие в Индию 806 кораблей. Сотни мореплавателей из Испании, Англии и Голландии требовались для исследований, перевозки грузов и битв за новые пути. Примерно в это время на мировой арене появляется современный фабрикант, такой, например, как Джон Уинчкомб в Англии, производитель ткани, у которого работало под одной крышей 200 ткацких станков и который был достаточно богат, чтобы принимать у себя короля Генриха VIII. Но он был все-таки редкостью. На большинстве мануфактур в тесных комнатках работали хозяин-мастер и несколько подмастерьев. Типичным представителем нарождающегося среднего класса был антрепренер, то есть человек, который финансировал осуществление новых изобретений, покупал дешево и продавал дорого и создавал производства-монополии. Хронист из Аугсбурга так описывал подобного человека: «У него репутация доброго христианина, но часто он притесняет простых людей. Он скупит по дешевке все зерно, вино и древесный уголь и будет держать их под замком, пока не возникнет в них большая нужда, и тогда продаст их по высокой цене. Ни один купец, чье состояние меньше 10 тысяч флоринов, не может с ним соперничать».

Рис. 32. Купец у себя на складе

В 1522 году имперский парламент Нюрнберга изучил проблему монополий, потому что она оказывала очень вредное влияние на уровень жизни. Особое внимание привлекла деятельность торговцев перцем. Вся эта торговля находилась в руках португальского короля, и некоторые компании предлагали ему купить перец по цене превосходящей текущие, с условием, что их конкурентам он заломит еще большую. «Таким образом, перебывая товар друг у друга, они дошли до того, что пряности, которые первоначально стоили 18 дукатов за квинтал, стали продаваться по 34 дуката. Купцы не только не потеряли на этих перекупках, но получили огромную прибыль. Они смогли продавать по самым высоким ценам, потому что больше никто в империи не имел доступа к этому товару». Парламентский комитет объехал города Германии, выясняя их мнение по этому вопросу. Аугсбург ответил так, как и следовало ожидать от города, разбогатевшего подобным методом. Торговля - это кровь нации. «Большие и состоятельные купцы, привлекая ремесленников и мастеров, стимулировали общую деловую жизнь. Богатые компании помогали многим мелким купцам, предоставляя им кредит и займы, тем самым давая им возможность богатеть. Как можно было говорить, что богачи попирают бедняков, если они помогали тем, спаса-

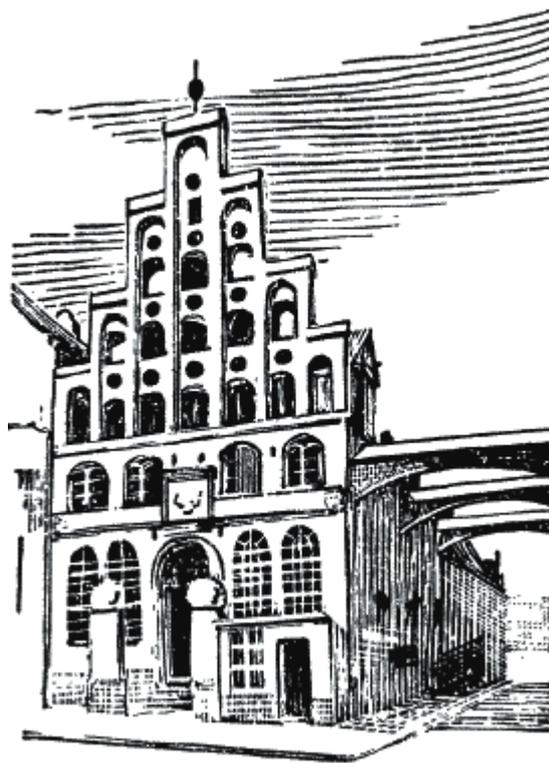
ли их от несчастий и собственной некомпетентности?» К чести парламента, он сделал попытку контролировать размеры компаний и запрещал любому купцу покупать за конкретный ограниченный период больше оговоренного объема любого товара. Но попытка эта оказалась тщетной. По мере роста цен богатые богатели, а бедняки нищали.

Аугсбург был домом величайшей финансовой компании того времени, принадлежавшей семейству Фуггеров. С высоты своей мощи Фуггеры могли обращаться и обращались как равные с монархами. Благодаря их деньгам получил императорскую корону Карл V. И неизменно это семейство придерживалось мнения, что «они купцы», и не колеблясь объявляло императора неисправным должником, как простого смертного. Истоком богатства Фуггеров стало достаточно скромное состояние, основа его была заложена в 1360-х годах неким Гансом Фуггером, ткачом. Товары у него были отличного качества, с деньгами он обращался бережно и, когда умер, оставил наследникам 3 тысячи флоринов. Дело оставалось строго семейным (внуки его твердо придерживались принципа, что все потомки мужского рода вкладывают средства только в семейный бизнес, который, в свою очередь, обеспечивает приданое дочерям). Первый контакт с Габсбургами был установлен в 1473 году, когда император Фридрих III пожелал одеть всю свою огромную свиту в ткань одного и того же цвета. Ульрих Фуггер поставил такую ткань и тем положил начало сотрудничеству, которое принесло его семье дворянство, но и обошлось в миллионы золотом. Итак, основой состояния Фуггеров было ткачество и продажа тканей, а позднее они занялись прибыльной торговлей пряностями. Однако, как и другие купцы до них, они вскоре обнаружили, что деньги делают деньги, и вложили их во множество проектов. При этом у них нашлось время и средства для создания благотворительной организации, которая больше походила на социальные реформы XIX века. Прежде всего Фуггеры были ткачами и нанимали большое число работников не только из Аугсбурга, но также из Италии, потому что итальянцы славились как мастера тончайшей работы. Эти эмигранты находили в Фуггерах добрых хозяев, которые не просто требовали усердной работы, но обеспечивали взамен уверенность в зарплате и стабильность, чего так не хватало рабочим по всей Европе. В 1520 году Яков Фуггер (см. рис. 33) основал Фуггерей, поместье, насчитывающее 53 здания, по два домика в каждом, собранные в шесть улиц. Арендная плата за каждое жилье составляла всего флорин в год - примерно один нынешний фунт. Они предназначались для работников, уходивших на покой. Даже эта скромная рента тратилась на то, чтобы поддерживать дома в хорошем состоянии, и они простояли до XX века.

Рис. 33. Яков Фуггер. Рисунок Ханса Бургкмайра

Но если Фуггерей стал памятником благотворительности этого семейства, то Дом Золотой бухгалтерии являлся солидным свидетельством их богатства, храмом финансов, куда стекались прихожане со всей Европы. Зал был отделан роскошными панелями, изысканную деревянную резьбу которых покрывало сусальное золото. Широкие расписные окна позволяли солнечным лучам озарять выстроившиеся вдоль стен массивные кресла, обитые красным бархатом. В углу стоял громадный сейф, не столько для денег, сколько для фамильных тайн этого рода. Главное место в комнате занимал письменный стол хозяина, массивное сооружение, опиравшееся на четырех львов черного дерева, выложенных мозаикой из золота и перламутра, со столешницей из редкостного мрамора. Под столом на темном полированном полу распростерлась львиная шкура, а позади стоял высокий стул с врезанным в спинку фуггеровским гербом, дарованным семейству императором. (Семье это обошлось в неопишемую сумму непоплаченных монарших долгов.) Сюда приходили купцы и дипломаты в поисках финансовой помощи, для планирования новых великих путешествий, возможно, для организации заговоров, ставящих целью падение людей, мнящих себя великими. По бокам Дома Золотой бухгалтерии выселись еще два, где жили братья, контролировавшие дело. Весь этот комплекс составлял международную расчетную палату, центр финансов и информации. Сюда поступали доклады агентов со всего мира: из Мексики и Индии, Персии и России, Аравии, Англии, Китая, Италии, из всех стран, где у Фуггеров были или могли когда-нибудь появиться свои интересы. Содержание рапортов включало в себя сведения о всевозможных предметах: убийстве короля и свадьбе крестьянина, рассказы о чудесах и ценах на перец или просто сплетни об общих знакомых. В 1570 году «научный руководитель» Дома стал собирать эти рапорты в единый упорядоченный свод. Он вошел в историю как «Фуггеровские новости» и в яркой, пусть несколько рваной, форме представил нам живую картину XVI столетия, подобно той, которую дает подшивка современных газет.

Рис. 34. Верфь, Любек, построена в 1535 г. Штаб-квартира Ганзейского союза

Купец эпохи Возрождения был смелым человеком с богатым воображением, который часто объединялся с единомышленниками в крупных предприятиях, но предпочитал работать в одиночку. Независимо. Однако наряду с такими личностями все еще продолжал существовать гигантский Ганзейский союз, родившийся в Средние века, но по-прежнему во многих городах сильный соперник купцам нового времени. Ганза начиналась в XIII веке с торгового альянса между Любеком (см. рис. 34) и Гамбургом, а затем постепенно выросла и распространила свою власть на всю Европу, и все это только ради наживы, точнее, добычи, до той поры считавшейся уделом королей-воинов.

Своего наибольшего расцвета Ганза достигла во второй половине XIV столетия, когда около 70 городов образовали союз. Их контроль над городами - членами союза зиждился на силе бойкота. Однажды город Бремен нарушил запрет на торговлю с Фландрией. Он был исключен из союза и «в последовавшие тридцать злосчастных лет полностью обеднел, улицы заросли травой, нищета и уныние воцарились в его пределах». Позднее был подобным образом наказан Брунsvик и восстановлен в правах лишь после того, как десять самых видных его граждан прошли босыми через весь Любек и униженно, на коленях, попросили прощения у Ганзейского совета. Тем не менее для осуществления ганзейских монополий рекрутов всегда хватало, так что никакого серьезного соперничества не входящие в союз города составить ему не могли. Это был исключительно замкнутый Европейский союз, в точности отражавший старую систему европейской торговли. Он совершенно игнорировал новые торговые пути и новый тип торговли, расцветший после географических открытий, предоставляя их развитие новому классу купцов.

Ганзейские товарные склады, или «фактории», обосновались в 130 городах Европы, самыми крупными из которых за пределами Германии были Нижний Новгород в России, Брюгге в Бельгии, Берген в Норвегии и Лондон в Британии. В слабых городах ганзейские представители вели себя с грубой и надменной наглостью. В Бергене компания, насчитывающая три тысячи решительных крепышей, вертела городом как хотела. Они имели право первого выбора любых поступающих в город товаров, отказывались платить налоги, пользовались причалами и улицами как вздумается и в конце концов вынудили жителей построить новый город на окраине старого. Даже в таком могущественном и богатом го-

роде, как Новгород, Ганза смогла получить для себя особые условия, не последним из которых было решение, что в случаях банкротства долги ганзейским купцам выплачивались в первую очередь. Более жестко их контролировали в Англии (см. фото 8), причем их лондонская фактория на Темзе была любимой мишенью толпы во время всяческих бунтов, - такую «сердечную любовь» испытывали к этим «пришельцам с Востока» не только купцы, но и горожане.

Служащие Ганзы, хоть и бахвалились и вели себя как завоеватели, по сути, сами становились пленниками коммерции. В большинстве городов они обязаны были соблюдать безбрачие и вести монашескую жизнь за высокими стенами факторий. Им запрещалось вступать в светские контакты с местными жителями. Днем и ночью они находились под присмотром старших наблюдателей. Подмастерьев набирали только из родных немецких городов. Но, несмотря на суровую жизнь, возможности для личного обогащения были огромны, так что недостатка в новобранцах не наблюдалось. На деле число возможных подмастерьев было столь велико, что придуманы были очень жестокие обряды инициации (посвящения) с целью отпугнуть слабаков. На протяжении более двухсот лет Ганза доминировала в любой выбранной ею отрасли торговли, пренебрегая религиозными и политическими конфликтами, если они не мешали доходам.

Упадок ее начался к концу XVI века. Одной причиной этого не объяснишь, за исключением общего закона, что все живое должно когда-то умереть. Падение спроса на рыбу после Реформации, видимо, тоже сыграло свою роль. Так что ганзейские купцы зря игнорировали новую торговлю Запада: они сделали это себе в ущерб. В 1608 году какой-то английский купец злорадно написал: «Большая часть их зубов выпала, а остальные сидят во рту некрепко». Многим не терпелось занять место умирающего гиганта.

Домашняя жизнь

Дома, придающие сегодня старинным городам Европы средневековый колорит, почти всегда принадлежат купцам. Это солидные здания, вид которых должен был демонстрировать богатство и надежность своих владельцев, а потому пережить их. Исчезают в веках хижины бедняков, дворец богача становится музеем или муниципалитетом, а дом купца часто остается просто домом. Владелец им гордился: это было наглядное свидетельство его успеха. Художники, писавшие его портрет в роскошной одежде, изображали на заднем плане детали обстановки с той же тщательностью, что и черты его лица. И вовсе не случайно, что большинство интерьеров принадлежат домам северных купцов. Даже итальянцы, привыкшие к расточительной роскоши дворов своих государей, признавали, что их собратья по профессии жили как принцы, богатея на доходах портов вдоль побережья Атлантики и Балтики. И точно так же, как, покровительствуя художникам, искали себе славы и бессмертия принцы, жаждали этого купцы... даже если по иронии судьбы дома переживали забытые имена хозяев.

Здания обычно строили двухэтажными. Хотя в больших городах или там, где земля слишком дорого стоила, они могли вознестись на три или более этажа. Главная дверь - мощный заслон, окованный железом, снабженный массивным замком и засовами с цепями.

Такая дверь способна была выдержать и выдерживала при необходимости прямую атаку. Каждый человек старался защитить себя и свое имущество. Дверь открывалась сразу в главную комнату, а внутренность дома - видно с первого взгляда - представляла собой единый зал, разделенный на более мелкие помещения деревянными перегородками. Тут не было никакой возможности, да и нужды в личном уединении, какой-то частной жизни. Комнаты примыкали непосредственно друг к другу, - съедающий пространство коридор можно было использовать лишь в очень больших зданиях. Спальня одновременно служила гостиной, это было общепринято, а члены семьи или даже гости небрежно ходили вок-

руг постели, пустой или занятой. В богатых домах кровать была массивным сооружением, почти маленькой комнатой. Вошедшее в общее употребление в XVI веке ложе с балдахином стало существенным шагом вперед по сравнению с громоздкими и высокими, открытыми со всех сторон кроватями прежних дней (см. рис. 35).

Рис. 35. Комната первого этажа с кроватью под балдахином

Ложе со всех сторон скрывали занавески, не только защищавшие людей от сквозняков, но и дававшие им некоторую долю уединения. Под ним обычно держали кровать меньшего размера, которую выдвигали на ночь для ребенка или слуги.

Другие комнаты первого этажа также играли двойную роль. Отдельная столовая появилась много позже и лишь в домах богачей. И готовили, и подавали еду в одной и той же комнате (см. рис. 36).

Рис. 36. Часть главной комнаты в доме семьи среднего достатка. С гравюры Альбрехта Дюрера. 1503 г.

Рис. 37. Столовая. Гравюра по дереву Ганса Сакса

Простота трапезы сохранялась до конца XVI столетия. В день ели дважды: обедали в 10 часов утра и ужинали в 5 часов вечера. Количество столовой посуды и приборов было ограничено. Одни и те же тарелка, нож и ложка использовались для всех перемен блюд. Стекло было редкостью, обычно пили из кружек и кубков из металла. В середине XVI века появился питьевой шоколад, а чуть позже кофе и чай, но прошло много времени, прежде чем они проникли в нижние слои общества. Общепринятыми напитками для женщин и мужчин всех возрастов и классов были эль и легкое вино. Галлон в день считался разумным количеством выпитого, и пили их скорее по необходимости, чем по желанию. В городах, как и на кораблях, найти хорошую чистую воду было почти невозможно.

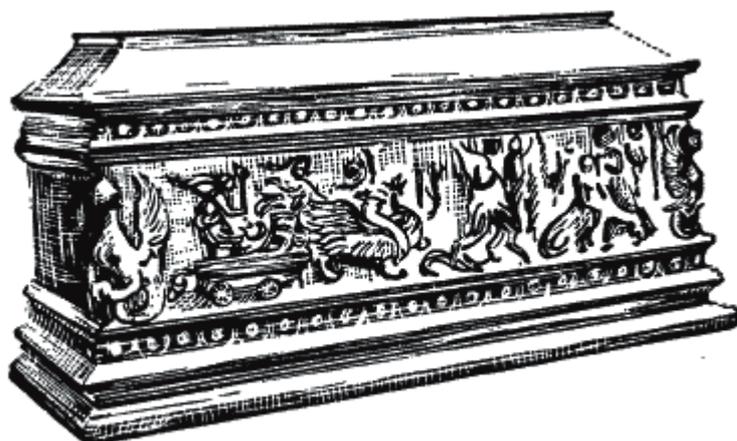

Рис. 38. Кухня с закрытой кухонной плитой

Главным источником тепла был открытый огонь, на нем же стряпали. В очаге мог встать в полный рост мужчина. Горящие поленья лежали на железных подставах, форма которых не менялась на протяжении двух столетий. Изобретение дымохода где-то к концу XIII века стало, наверное, самым большим достижением домашнего прогресса в Европе, так как позволило даже бедным семьям готовить еду дома, не прибегая к услугам общих булочных. Особым вкладом эпохи Возрождения в домашнее хозяйство было создание закрытой кухонной плиты (см. рис. 38). Ее придумали в Германии, а затем она распространилась по всему континенту, принеся в дома средство сохранения тепла, то есть экономного расходования топлива. Внутри домов было темновато. Стекло для окон стали использовать уже с начала XIII века, но даже в XVI стеклодувы не шли дальше производства небольших мутноватых пластин. Чтобы застеклить ими большие оконные проемы, их требовалось вставить в свинцовые полосы, что создавало красивые узоры, но уменьшало поток проходящего света. Однако даже при таком ограничении север Европы обгонял юг. В Италии долгие месяцы прекрасной погоды делали ненужными дорогие большие и плоские стекла. Оконные проемы закрывали ставнями, часто затягивали богатыми тканями. Зимой в дом проникало очень мало света, потому что надо было либо терпеть холод, либо запира́ть ставни. На севере полы обычно покрывали раскиданным тростником. Это делалось на протяжении столетий. Он был дешев, хорошо впитывал влагу, служил грубой теплоизоляцией, и... в нем отлично разводились всякие паразиты. Несмотря на всеобщее пренебрежение гигиеной, большинство домов могло похвастаться баней, точнее, лоханью для мытья (см. фото 9), которую обычно ставили в спальне. Часто ею пользовались два человека одновременно, чтобы сберечь горячую воду. Единственным доступным топливом в большинстве городов были дрова. Средневековая привычка мыться в общественных банях совершенно вышла из обихода, видимо из-за боязни заразы. Домовладелец поэтому должен был сам заботиться о своей бане и дровах для ее нагрева, что в большинстве городов оказывалось дорогим удовольствием.

Рис. 39. Жилая комната богатой семьи. Деталь картины Ван Эйка «Святая Варвара»

Рис. 40. Резной «кассон» из Флоренции, XV в.

По современным понятиям домашняя обстановка кажется очень скудной, однако в отличие от предыдущих веков появилась специализированная изысканная мебель. Вместо простых столов типа «доски на козлах» и скамеек стали делать тяжелые вычурные резные столы и отдельные стулья, часто обитые кожей. Простой сундук стал главным предметом меблировки. В отсутствие объемистых чуланов или стеновых шкафов, понадобились стоячие, свободно перемещаемые шкафы-контейнеры для одежды, белья и даже посуды. Они занимали много места в комнатах, и естественно, что их внешнему виду придавали большое значение. Эти шкафы украшали богатой резьбой, особенно в Германии и Англии, в

Италии их расписывали. Замечательными произведениями эпохи Возрождения являются «кассоны»-сундуки, которые брала с собой невеста в качестве приданого (см. рис. 40).

Вычурно украшенные необходимые предметы и гордо выставленные напоказ бесполезные были показателем нового богатства, захлестнувшего общество. После обеспечения жизни самым необходимым оставалось достаточно денег для баловства, расточительного потребления, ставшего знаменем народившегося торгашеского общества. Средневековый домовладелец поневоле довольствовался ракой в качестве единственного украшения дома. Его потомок разбрасывал по комнатам множество разнообразных привлекательных дорогих безделушек. Покрывавшие стены гобелены были не просто дороги, но имели практическую ценность. Однако кувшины и вазы из драгоценных металлов, парочка зеркал, стенные тарелки и медальоны, тяжелые, роскошно переплетенные книги на резных столах... все это должно было демонстрировать миру, что хозяину дома удалось направить в свой карман часть европейского золотого потока.

Глава 4

Простолюдины

Годы, завершившие Средневековье и положившие начало эпохе Возрождения, были отмечены яростными, хоть и безнадежными восстаниями низших сословий, выбросами из стоячих гнилых глубин, замаскированных блеском высшего общества. По всей Европе старый порядок разваливался под натиском нового. Тот же самый дух, что открывал Новый Свет, бросал вызов папству, разоблачал прошлое, тянулся во вселенную, чтобы приблизить звезды, пробудился и бурлил в низших слоях общества. Однако там он превращался в горечь и мятеж. Слишком маленький ручеек золота находил дорогу вниз. Богатый купец от души наслаждался новыми деликатесами (клубникой, абрикосами, смородиной), а бедняку приходилось вдвое дороже платить за пшеницу, которая оставалась его главной пищей. Духовную и политическую власть папства можно было разрушить, но при этом также гибли бесчисленные благотворительные учреждения, облегчавшие жизнь беднякам, то есть тем членам общества, которым закон вовсе не спешил помогать. По мере того как ломалась старая социальная иерархия, зависть овладевала умами: раньше бедняк лишь издали любовался жизнью своих духовных и земных властителей, а нынче его сосед мог в одночасье стать богачом. Мир вдруг переполнился людьми, которые щеголяли в шелках и атласе, приобретенных за счет бедных.

Узнать имена этих великих и могущественных было проще простого, потому что о них трубили повсеместно. У них были свои биографы, портретисты, их великолепные одежды можно было видеть на их изображениях, всюду высились их дворцы, их имена входили в историю. А простой человек оставался лишь частичкой фона, на котором двигались эти сверкающие фигуры. Он - солдат армии победителей или побежденных, один из мятежников голодной толпы, один из тысяч жертв чумы. Он тот, кого мельком упомянут в связи с победой или смертью какого-нибудь великого человека. Лишь горстка писателей пыталась вытащить его на передний план. Чосер в Англии, Саккетти в Италии относились к немногим авторам, понимавшим важность его роли и давшим свинопасу, моряку, корабейнику литературное бессмертие, обычно приберегаемое для принцев. За исключением этих немногих, простолюдина можно увидеть лишь глазами тех, кто поставлен над ним, то есть как единичку в записях сборщиков королевских налогов или в списке получающих плату у хозяина. О нем пишут гражданские власти, пытающиеся контролировать, как ему одеваться, наказывающие его за провинности и преступления, а иногда дающие ему пищу и одежду. Он косноязычен и, по сути, беззащитен, кроме тех кратких вспышек корпоративной ярости, когда он и тысячи его сотоварищей вдребезги разносят свой собственный

город. Его жалкие пожитки гибнут вместе с ним. Дешевая одежда, напоминающая мешок, скоро преет, жалкий дом рушится, или его сносят, и никто не берет на себя труд оставить запись о том, что однокомнатная хибара на грязной окраине исчезла с лица земли. Таким образом, чтобы обнаружить простолюдина, необходимо выследить его через организацию общества вокруг него.

Городской работник

Самая низшая социальная организация, в которой можно обнаружить какой-то разумный порядок, - это гильдия, система, возросшая на прямотушии старого общества, которое начал медленно разъедать новый индустриализм. Каждый мастер когда-то был подмастерьем. Каждый подмастерье мог надеяться стать мастером. Каждая гильдия была эксклюзивной, то есть существовала для работников определенного рода занятий - пекарей, кожевников, скорняков, золотых дел мастеров, - защищая их от нападков и вмешательства со стороны и поддерживая строгий порядок внутри гильдии. Эта система была столь могущественной, что члена гильдии, нарушившего закон, призывали держать ответ перед мэром в Собрание гильдий, а не ко двору монарха. Гильдии долго и упорно боролись за свои права. Они не поддерживали нелепых идей насчет свободы торговли и ремесел, но самым своим существованием создавали и утверждали монополии, ревниво оберегая для своих право на производство и продажу конкретных товаров. Прием подмастерьев тщательно контролировали. Ведь если число членов любой гильдии перерастало возможности местности их прокормить, то падали доходы всех членов гильдии. Сын полноправного горожанина всегда мог рассчитывать на прием в гильдию, иногда даже без платы за обучение, а дети неполноправных горожан должны были заплатить за обучение и принимались в гильдию, только когда появлялась вакансия.

Ограничение числа подмастерьев требовалось не только для того, чтобы обеспечить стабильный, пусть ограниченный приток мастеров, но и ради гарантии того, что мастер не возьмет больше учеников, чем сумеет проконтролировать. Гильдии прекрасно сознавали, что ценой за их монополию была обязанность соблюдать высочайшее качество изделий. Таким образом, институт подмастерьев был средством тщательного обучения человека всем секретам ремесла (см. рис. 41).

Рис. 41. Подмастерье изготовителя упряжи за работой

Для пылкого юноши ученичество было периодом нудным и тяжким. Контракт не имел права разорвать ни он, ни мастер. Во время обучения он не получал никакой платы, а длиться оно могло до двенадцати лет. Он находился всецело под властью мастера. Со своей стороны мастер принимал юношу в дом, обеспечивал всем необходимым, наказывал, когда требовалось, и в конце срока выплачивал ему оговоренную сумму. По завершении обучения юноша становился наемником, то есть ремесленником, работающим по найму. Он волен был работать на тех, кому нравились его изделия. Формально наемник был поденщиком, то есть его нанимали на день, откуда и пошло это прозвание. Некоторые ремесла требовали долгого процесса работы (например, ткачество) (см. рис. 45). Тогда его нанимали на нужный срок - будь то неделя или год. Обычно поденщики, ищущие работу, собирались в каком-то публичном месте в определенное время. Такая практика больше напоминала рынок рабов, чем найм свободных людей, но она же защищала работников. Соглашение между хозяином и работником заключалось под зорким оком других ремесленников, и это гарантировало, что никому не заплатят жалованье меньше минимума. Мастера также одобряли эту практику, потому что она предотвращала найм по дешевке, что позволило бы такому мастеру-хитрецу продавать изделия по цене более низкой, чем у соперников. Рабочий день длился буквально день (с 5 утра и до 8 вечера) в период с марта по сентябрь и с восхода до заката зимой. Около 9 часов утра людям обычно давали полчаса на завтрак и полтора часа на обед после полудня. Поденщик мог всю жизнь оставаться таким «почасовиком» и часто так и поступал. Однако ему была открыта дорога и в мастера. Для этого он должен был выдержать экзамен и представить свой «шедевр», то есть изготовленное им изделие, которое удовлетворяло бы суровым требованиям экзаменаторов (см. рис. 42).

Рис. 42. Каменщик-поденщик и плотник держат экзамен для вступления в гильдию перед гильдейским старшиной

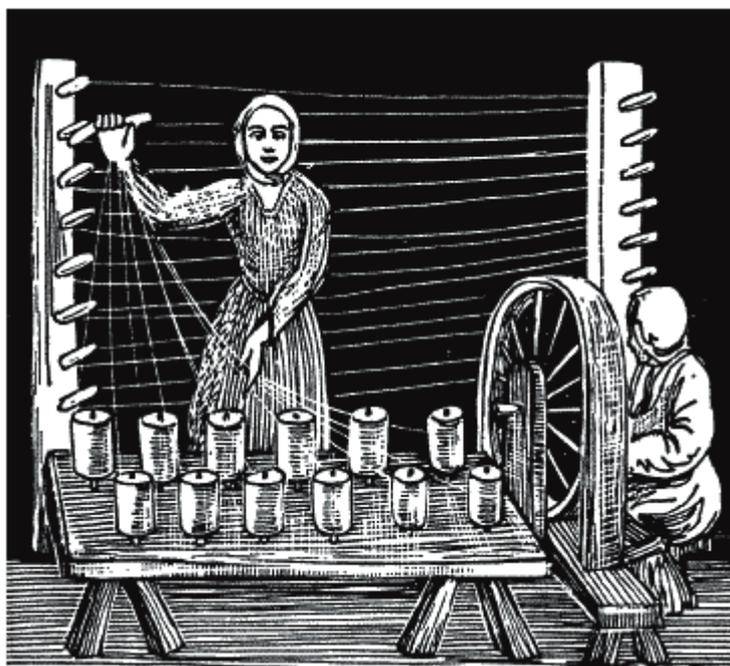
Сегодня слово «шедевр» обозначает высокохудожественную работу, но этому определению отвечают и безукоризненно исполненное в соответствии с требованиями ремесла изделие кожевенника, и четкая правильная разделка туши мясником. Удовлетворив экзаменаторов, поденщик мог открыть собственную лавку и завести своих подмастерьев и поденщиков. Иногда он продолжал работать бок о бок с нанятыми работниками. Однако известно, что многие богатые мастера удалялись от дел, оставаясь просто главными ремесленниками, маленькими независимыми хозяевами, с двумя-тремя наемниками. Они-то и производили большую часть нужных для цивилизации товаров.

Эта система начала разрушаться в XVI веке. Ее ослабляло изнутри близорукое себялюбие ремесленников-мастеров. Вступление поденщиков в гильдию зависело от них, поэтому было очень просто порадовать любимому племяннику, сыну или родичу друга. Для него экзамен был пустой формальностью, в то время как для других он становился все более и более суровым испытанием. Число людей, принужденных оставаться поденщиками, возрастало, формируя и предвосхищая рабочий класс XIX и XX веков. Французское правительство, больше других стремившееся держать под контролем все детали жизни работников, предпринимало некоторые усилия, чтобы остановить этот процесс. Было предписано, чтобы изготовление образцового изделия занимало не более трех месяцев и поденщик мог апеллировать к жюри, назначаемому судьей. Однако по мере того как процесс изготовления товаров усложнялся, а производства разрастались, простому человеку становилось все труднее находить начальный капитал для открытия своего дела. Сами гильдии теряли независимость, так что мастера-драпировщики становились служащими ткачей, а печатники оказывались зависимы от книгопродавцев. Маленькие гильдии боролись, упрямо сопротивляясь разделению труда, являющемуся основой современной промышленности. Неко-

торые сознавали необходимость объединения взаимосвязанных ремесел и позволяли своим членам быть одновременно и членами других гильдий. Однако изготовление шедевра по-прежнему оставалось финальным испытанием, и претендент на звание мастера должен был осуществить все стадии работы. «Будущему шляпнику предоставляли фунт шерсти и другое сырье, и он должен был предъявить в конце законченную шляпу, окрашенную и отделанную бархатом. Он должен был все сделать сам: от валяния сукна до прикрепления перьев к готовому изделию».

Рис. 43. Первая стадия производства шерсти: стрижка овец

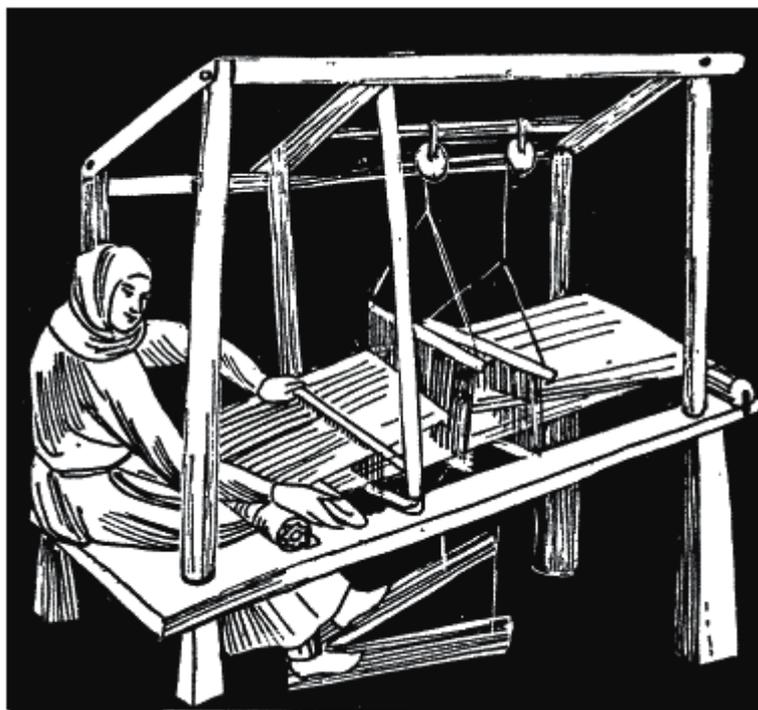

Рис. 44. Следующая стадия производства шерсти: прядение. Осуществлялось в домашних условиях

Становилось очевидным, что такой метод работы - лишняя трата времени и материалов, а конечный товар получается гораздо дороже, чем нужно. В огромном шерстяном произ-

водстве давно это поняли и подали пример, за которым последовали другие. Шерсть была общепринятым материалом. Во всех странах, у всех сословий шерстяные вещи составляли большую часть гардероба. Это давало стабильную занятость тысячам людей, от пастуха, ухаживающего за овцами, до портного, который шил одежду. Но природа этого материала была такова, что невозможно было одному человеку лично контролировать все процессы от начала и до конца. Портной зависел от ткача, ткач от прядильщика (см. рис. 44), прядильщик от стригаля (см. рис. 43), и на каждой стадии были еще вспомогательные процессы, из которых самым важным было крашение.

В конце Средних веков одним из крупнейших центров производства шерстяных тканей была Флоренция, там эту отрасль делили между собой две гильдии: Арте-делла-Лана и Калимала. Первая производила ткань, а вторая делала завершающую обработку перед продажей. С течением времени Арте-делла-Лана преобразилась в гильдию маклеров, прочесывающих весь континент в поисках сырья и нанимавших сотни работников для производства ткани-сырца, причем большинство из них работало на дому. Калимала красила шерсть - дорогая и тонкая операция, в которой флорентийцы достигли необычайного искусства. Потребность в их продукции не иссякала до конца XV столетия, когда в игру вступила окрепшая шерстоткацкая промышленность Англии. А до тех пор именно на работе Калималы строились великие флорентийские состояния.

Рис. 45. Производство шерстяных тканей: ткачество. Эта стадия производства сформировала одну из трех главных гильдий шерстяной промышленности

Три основные элемента производства шерсти - ткачество (см. рис. 45), сукноваление и крашение - были организованы в гильдии ремесленников, но такие простые подготовительные операции с сырцовою шерстью, как, например, чесание и прядение, можно было делать на дому, на временной основе. Да и трудно было бы организовать их иначе. Сырцовая шерсть после стрижки, естественно, попадала в руки жены крестьянина. Первоначально она пряла шерсть для своих нужд, но потребность росла, увеличивалось соответственно поступление шерсти, и подготовка шерсти к ткачеству стала своеобразным домашним промыслом. Это устраивало крестьянина, потому что позволяло немного заработать, и было удобно богачам, державшим в кулаке производство шерсти. Их накладные расходы становились ниже, и, в отсутствие организованной рабочей силы, они могли платить за это сколько хотят. Однако такое положение дел совершенно не удовлетворяло городских

рабочих, видевших, что их тщательно продуманная устоявшаяся система соглашений, соотносившая цену товара с платой за труд, подрывается, не говоря уже о том, что они лишаются работы. Их протесты часто принимали форму физического насилия, когда отряды городских работников совершали набеги на окружающие деревни, разбивали чаны для краски, рвали ткани и пытались всячески запугать своих соперников. Но крестьянам были нужны деньги, портным ткани, и некогда гордые гильдии вынуждены были склониться перед неизбежным. Некоторые сохраняли независимость, но главным образом за счет своих коллег. Большинство работников превратилось в поденщиков, которых стало слишком много, чтобы торговаться с хозяевами, так что им тоже пришлось принять те расценки, которые платили богатые мастера.

У системы гильдий было множество недостатков. Более богатые гильдии властвовали над более бедными и даже норовили не допускать их в органы муниципального управления. В итальянских городах трения между гильдиями длились постоянно, перерастая из простого соперничества в кровавые схватки, причем более крупные прилагали все усилия, чтобы их положение оставалось неизменным. В целом гильдии процветали в городах богатых, а города бедные и сельские местности ими игнорировались. Они как само собой разумеющееся осуществляли контроль над своими членами, причем в таких формах, к которым нынешние, даже самые тиранические, профсоюзы не рискнули бы прибегнуть и в чрезвычайных ситуациях. И все же, со всеми своими недостатками, они поддерживали сплоченность общества, а когда они исчезли, разверзлась пропасть между немногими и многими, между нанимателем и нанимаемым. В Европе появился новый класс: бездомные, безземельные, безработные бродяги (см. рис. 46), «крепкие нищие», которые при иных обстоятельствах были бы крепкими работниками.

Рис. 46. Бродяги. Из «Корабля дураков» Баркли. 1509 г.

Они объявились в большом количестве на севере, особенно в Англии. Причин было несколько. Истребление монастырей не только разрушило прибежища истинных бедняков

(а также лентяев), но и отняло источник дохода у громадного числа людей. Эти огромные структуры были крупнее многих примыкающих и работающих на них деревень, и ведение хозяйства в них поглощало существенную часть имеющейся рабочей силы. Но самую большую долю составляли жертвы новых с размахом проводившихся в жизнь способов производства, что в сельской местности выражалось в «огораживании», то есть отъеме, общественных земель. Крестьяне, согнанные с места, принужденные стать поденщиками (если для них вообще находилась какая-то работа), повторяли судьбу униженных, опустившихся городских ремесленников. Власти, то ли игнорируя истинные причины, то ли не понимая их, обращались с крепкими нищими словно с преступниками. Некоторую заботу о них проявляли, но делали это, из принципа, таким отвратительным образом, что человек предпочитал бродяжить и голодать, а то и превращался в настоящего преступника.

Сам интеллектуальный дух Ренессанса стал трагической причиной деградации простого работника. Раньше образование, пусть не слишком обширное, было доступным для всех классов. То есть существовало, по крайней мере, равенство в невежестве. Новые методы образования потребовали специализации: в основе ее лежали греческий и латынь, а целью стало глубокое изучение давно умершей цивилизации. Ни один рабочий не мог и надеяться прикоснуться даже к краешку этого прекрасного нового мира воспарившего разума.

«Лишь люди благородного происхождения могут обрести совершенство. Бедняки, те, кто работает руками и не имеет времени развивать свой ум, не способны на это». Так объявил Лоренцо ди Медичи, великий покровитель искусств. Утверждение грубое и точное, выражающее отношение верхов к низам. Впрочем, бывали исключения. Люди выдающегося таланта, будь то художники или купцы, могли подняться в верхние слои общества, но, перейдя черту, они полностью отделялись от своих корней и тем лишь поддерживали социальный разрыв. Художник становился выше ремесленника, хотя ранее они находились в одном ранге. Прославившиеся во всей Европе живописцы, скульпторы и архитекторы вышли из тех же скромных мастерских, где учились ремеслу маляры и каменщики. Но если одних привечали принцы, то другие уходили глубже во мрак неизвестности, их умения и знания становились все уже, а жизнь скуднее. Платой за красоту памятников эпохи Возрождения оказалось тоскливое убожество промышленных городов XIX века. Художнику по-прежнему приходилось быть и хорошим ремесленником, но ремесленнику не было нужды оставаться художником, а ведь именно он в конечном итоге построил эти каменные трущобы промышленных городов и произвел всю их обстановку.

Сельский работник

Крепостничество почти исчезло во всей Европе. Оно на два столетия пережило феодальную систему, его породившую. Однако, например, в Шотландии оно просуществовало до 1799 года, когда получили свободу крепостные работники соляных и угольных копей, а в Англии еще в 1561 году герцог Норфолкский мог объявить любого мужчину своим крепостным рабом. Но как действующая всеобщая система оно отмерло, и, по крайней мере теоретически, рабство навсегда ушло с континента, и все люди стали свободными. На деле то, что пришло на смену крепостной зависимости, было едва ли не хуже. Крепостной был рабом лишь по отношению к своему господину, а в отношениях с другими людьми он обладал всеми правами вольного человека. Даже некоторыми привилегиями. Крепостной мог даже стать рыцарем. Этот факт признавался законом, который оговаривал, что, приобретя рыцарство, он автоматически становился свободным. Его нельзя было привлечь к исполнению контракта, и многие свободные люди вдруг обнаруживали, что документ соглашения в их руках становится бесполезной бумажкой, когда тот, с кем оно честно было заключено, разрывал договор, ссылаясь на свое крепостное положение. В обмен на службу господин нес в отношении крепостного некоторые минимальные обязанности. Так что шотландские рудокопы не слишком обрадовались, получив свободу. Они

сочли ее просто господской уловкой, чтобы не платить традиционную награду жене крепостного, полагающуюся ей за рождение ребенка.

Никто не считал себя обязанным нести ответственность за благополучие крестьянина, лишенного даже слабой защиты гильдии. Земля, которую он обрабатывал, никогда ему не принадлежала. Собственность на нее делилась и дробилась, тот, кто жил на ней, сдавал кусочек еще кому-то, но закон гласил, что, несмотря на все проделки и расточительность землевладельца, его право на землю остается неоспоримым. Новые купцы скупали земли, потому что это был один из немногих доступных им способов подняться по социальной лестнице, который законы не воспрещали. Они показали себя не более компетентными хозяевами, чем предыдущие знатные господа, расточавшие состояния при дворе. Земли приходили в упадок, но именно пахарь, а не землевладелец платил налоги. Именно он, его соседи и сыновья составляли хребет армии. В годы позднего Средневековья появилась тенденция молчаливо считать владельцем земли того, кто ее обрабатывал, но по мере того, как росла стоимость земли, права первоначальных владельцев были возрождены. В Англии йоменов защищало разумное правительство, как «основу армии и главное обеспечение сбора налогов», но к середине XVI века в стране насчитывалось столько же мелких собственников, сколько арендаторов. Последним повезло меньше. Огромные состояния, которые можно было сколотить на производстве шерсти, привели к тому, что землевладельцы сгоняли арендаторов с насиженных мест и отдавали ее под выпас овец. Елизавета I запретила землевладельцам иметь больше 2 тысяч овец, и, хотя от исполнения правительственных эдиктов уклонялись столь же рьяно, сколько их исполняли, все-таки это была мера контроля, направленная на защиту маленьких людей. Английский сельский работник наслаждался относительным комфортом и безопасностью. Он не мог оставить место найма до истечения года и даже тогда лишь по получении сертификата от хозяина, а во время жатвы его вообще могли затребовать обратно. Но при этом хозяин не имел права уволить его без предупреждения и плату за его труд устанавливал местный мировой судья. В его рацион входило мясо, так же как неперенная соленая рыба, а предоставляемые напитки были крепкими и разнообразными.

Крепостной во Франции превратился в «метаера» (издольщика, арендатора, платившего долей урожая). У него не было денег, и арендную плату он вносил натурой, чаще всего отдавая половину урожая, то есть становился испольщиком. Он зависел от своего хозяина в приобретении как семян, так и орудий труда, а в плохой год еще и в средствах выживания. Эта система не устраивала ни ту ни другую сторону. В неурожайный год землевладелец ничего не получал, но обязан был поддерживать голодающего крестьянина и его семью, а в урожайный - должен был заботиться о полученных излишках продукции. Сам испольщик имел мало шансов скопить денег и стать независимым. Если же ему это удавалось, он становился «фермиером», который мог уравнивать один год другим и вносить арендную плату наличными деньгами. В его интересах было хорошо обрабатывать землю, потому что вся прибыль шла в его карман.

Рис. 47. Сельская жизнь: приготовления к зиме

Рис. 48. Английский пастух. Из «Пастушьего календаря» Спенсера. 1579 г.

В начале XVI века начали появляться руководства по ведению домашнего хозяйства, однако прошло много времени, прежде чем теория воплотилась в практику, хотя бы отчасти. Европейское сельское хозяйство велось самым примитивным образом, далеко отставая от других стран мира. Классический пример его ущербности наглядно проявился в Испании, когда земли мавров были переданы испанским фермерам. Та самая земля, которая на протяжении многих лет заботливого и рачительного хозяйствования кормила большое население, в руках испанцев за одно поколение вернулась к первоначальной скудости. Повсюду в Европе система общинного пользования землей послужила причиной упадка.

«Общинная собственность - это сплошное долгое разорение и грабеж», - утверждал один француз во время жестоких споров по поводу огораживания земель. Действительно, огораживание грабило крестьян, отнимая у них вольные пастбища, но, по сути, у него отнимали не так уж много: за то, что принадлежало всем, никто не нес ответственности.

Общинные земли были доступны в период между июнем и мартом. Естественно, каждый хотел, чтобы его скот оказался на лугу первым, в результате пастбище не успевало оправиться, и трава становилась редкой, давая скверный корм. Скот весил, по-видимому, треть от нынешнего веса, с овцы состригали меньше одного фунта шерсти. Поскольку скот бродил на воле, он давал мало навоза для удобрения, и единственным способом восстановить землю было оставить ее под паром на два-три года. Расточительно и неэффективно. Отсутствие разнообразия в посевах было фундаментальной причиной оскудения почвы, и открытие того, что некоторые растения, такие как, например, бобы, ее обогащают, стало прорывом в сельском хозяйстве, сравнимым разве что с изобретением компаса в морском деле. Однако те, кто пытался применить новые методы ротации посевов, столкнулись с противодействием заскоружлых традиций. Между двумя твердо закрепленными датами, жатвой и вспашкой (см. фото 15), собственник переставал быть владельцем земли. Деревенские стада бродили по полям как хотели, вытаптывая все всходы, появившиеся после традиционного срока.

Тем не менее появилась склонность к смешанному хозяйствованию, что принесло неисчислимы выгоды и процветание всех классов общества. В XVI веке на полях и столах начали появляться овощи. Некоторые были завезены из Нового Света, другие терпеливо выведены из плохоньких местных сортов, а именно: капуста, морковь, салат, кукуруза, картофель, цветная капуста (см. фото 16) - скромные растения, однако более ценные для народов Европы, чем корабли с золотом. В прошлом даже на столах богачей яства были невероятно однообразны. Да, там присутствовало мясо всех видов (говядина, оленина, всякого рода дичь), рыба. Все это готовили порознь или вместе в большом пироге и очень круто приправляли специями. Пряности использовали для того, чтобы заглушить неприятный вкус недоваренного или недожаренного мяса, но также они служили средством его сохранения. Сыпали их в количествах, отбивавших тонкий вкус и аромат. Фрукты были доступны, но дороги, овощей почти вовсе не существовало. Пища бедняков отличалась несбалансированностью. Хлеб был синонимом еды, и при неурожае принимались отчаянные меры, чтобы найти заменитель зерна: желуди, кору деревьев, даже подмешивали землю к драгоценным остаткам пшеничной муки, лишь бы заглушить муки голода. Свежее мясо было роскошью, а отсутствие овощей, по всей видимости, и становилось причиной множества непонятных кожных болезней, которые одним чохом называли проказой. Освоение дешевых и питательных растений принесло гармонию в повседневное питание, а привезенные из Америки картофель и кукуруза создали заслон от голода.

Рис. 49. В доме итальянского крестьянина

Рис. 50. Вирджинский картофель

Картофель (см. рис. 50), вероятнее всего, впервые обнаружили испанцы в Перу около 1530 года. Перуанцы сопровождали его выращивание целым магическим обрядом, так как это растение составляло жизненно важную часть их хозяйства и ценилось дороже золота,

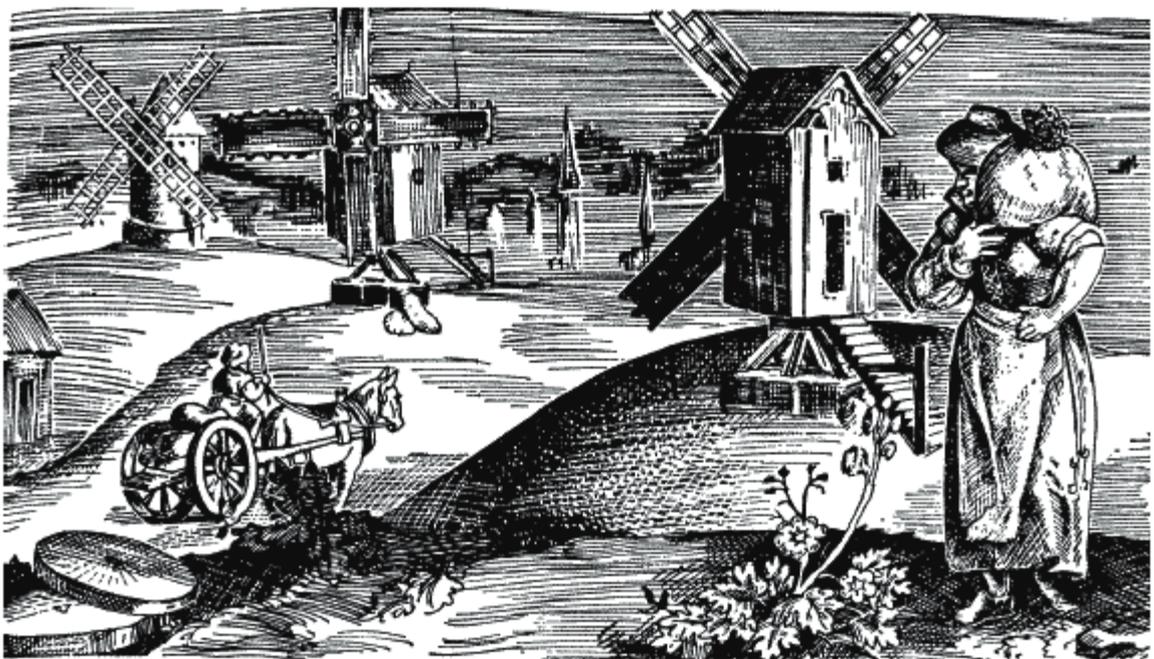
грабить которое явились европейцы. Когда это не самое впечатляющее кушанье доставили в 1550-х годах в Испанию, оно вызвало скорее любопытство, чем жаркий интерес. Однако за десять лет дешевый, питательный и сытный продукт прочно утвердился в Европе, медленно, но верно продвинувшись с юга на север.

В Англию его завезли в 1584 году прямо из Северной Америки, из злосчастной колонии Рэли[12] в Вирджинии, где картофель выращивали в качестве основного продукта питания. Для простых европейцев картофель оказался Божьим даром. В отличие от аристократической пшеницы он рос на бедных почвах, его выращивание не требовало тогда дорогих животных и особых сельскохозяйственных орудий, а главное, он мог расти и на полях и в огородах, всюду, где находилось место для его клубней. Даже одно растение, посаженное на небольшом участке, могло обеспечить добротной разовой едой целую семью.

С кукурузой европейцы познакомились почти на шестьдесят лет раньше, однако в Европе она утвердилась гораздо медленнее. В 1492 году Колумб обратил внимание на то, что кукуруза (маис) - постоянная основная пища мексиканцев, и ради курьеза привез домой несколько початков. Интерес к ее вкусу, наверное, усугублялся некоторым сходством с пшеницей, но поначалу ее разводили для прокорма скота. Впрочем, было неизбежно, что голодные ее сварят и попробуют, а когда никаких плохих последствий не оказалось, она заняла свое место на столе бедняков. К концу столетия она стала вытеснять пшеницу на юге Европы, постепенно распространяясь на юго-восток. Но она принесла с собой и наказание: легче всего ее было сварить, а дешевле всего - приготовить из нее кашу. Однако кукуруза в таком виде не дает едоку всех необходимых витаминов, и среди европейцев, питавшихся исключительно ею, распространилась болезнь, сходная по симптомам с бери-бери. Только в XVIII веке эту болезнь официально признали и нарекли «пеллагрой» из-за огрубления и шелушения кожи, сопровождавших первую ее стадию. Вид у человека при этом становился таким страшным, что ее считали некой смесью цинги и проказы. Потребовалось еще целое столетие, прежде чем установили ее истинную природу.

Мельник и пекарь

Самым крупным механизмом, с которым приходилось сталкиваться людям в те времена, была мельница (см. рис. 51). Вокруг мельниц складывались сказки и легенды, потому что они были не просто машинами, отличающими цивилизацию от дикости, но и выглядели живыми существами. Они трудились, дрожа и стеноя под напором ветра или воды, сумрак внутри их содрогался от грохота жерновов. Неудивительно, что в фольклоре мельницы окружены неким мистическим страхом. Там Дьявол-мельник перемалывал души людские, мельничные части могли излечивать недуги, а неумолчный грохот казался голосом местных духов, давно подавленных христианством.

Рис. 51. Ветряные мельницы: башенная (слева) и поворотная (справа)

Водяную мельницу изобрели римляне, и она царила в Европе почти 2 тысячи лет. Но в XIV веке в Северной Европе стали распространяться ветряные мельницы. Сначала в Нидерландах, где медленное течение рек делало малоэффективными водяные мельницы. Дороговизна и общественная важность их постройки вынуждали вкладывать в ветряную мельницу общинный капитал. Позднее такие мельницы перешли во владение собственника земли, и мельник, перестав служить общине, стал служащим помещика. Вероятно, именно это привело к тому, что мельник стал самым ненавидимым человеком на селе. Все должны были нести ему свою пшеницу для перемалывания в муку не только по желанию, но и по закону, а мельник брал за это существенную долю муки, как и полагалось по тому же закону. Его клиенты были убеждены, что он, разумеется, ворует, подмешивает в муку тонкий песок. Принимались законы, дабы предотвратить его нечестность. Клиенты должны были взвешивать зерно непосредственно перед помолом и муку сразу после него. Но все равно песок каким-то образом оказывался в муке. Даже если мельник был честным, он мог отравить жизнь соседям. Он один разбирался в сложном механизме мельницы, знал, как наладить тяжелые большие жернова для получения муки разного качества. Неумелый торопливый человек мог разрушить мельницу во время бури, а слишком осторожный - потерять драгоценное рабочее время из-за страха перед силой ветра. Человек, желавший смолоть свое зерно, вынужден был дожидаться милости мельника. Нехватки в заказчиках у того никогда не было, разве что в голодные времена, а тогда мельник становился чуть не единственным продавцом муки.

Рис. 52. Работа в пекарне

Пекарь (см. рис. 52) играл такую же важную роль в городе, как мельник на селе. Далеко не во всех домах было необходимое оборудование для выпечки хлеба. Тесто обычно подготавливали и несли к городским пекарям с вечера, а утром получали назад теплый каравай. Число пекарей контролировалось гильдией, подмастерье учился пекарскому делу около трех лет. Экзаменом по мастерству часто становилась трапеза-пир, который давали мастера гильдии, потому что в его умение входила не только выпечка простого хлеба, но и изготовление различных роскошных сладостей. Потребители его трудов были столь же недоверчивы, как и клиенты мельника, потому что трудно соотнести вес теста, помещаемого в печь, с весом выпечки, вынимаемой оттуда. Инспекторы проверяли и качество и вес его хлеба и наказывали штрафом или даже корпоративным приговором любое ухудшающее отклонение от стандарта. Его работа была тяжелее, чем у других мастеров-ремесленников: он вставал трудиться, когда другие еще спали, мог позволить себе оплачивать труды лишь нескольких подмастерьев, потому что его торговля приносила мало денег. А сверх того, он был подвержен профессиональным болезням органов дыхания, из-за постоянного вдыхания мучной пыли. Его профессия и условия работы мало изменились за прошедшие 4 тысячи лет и, несмотря на современное оборудование, по сути, остались неизменными по сей день.

Глава 5

Город

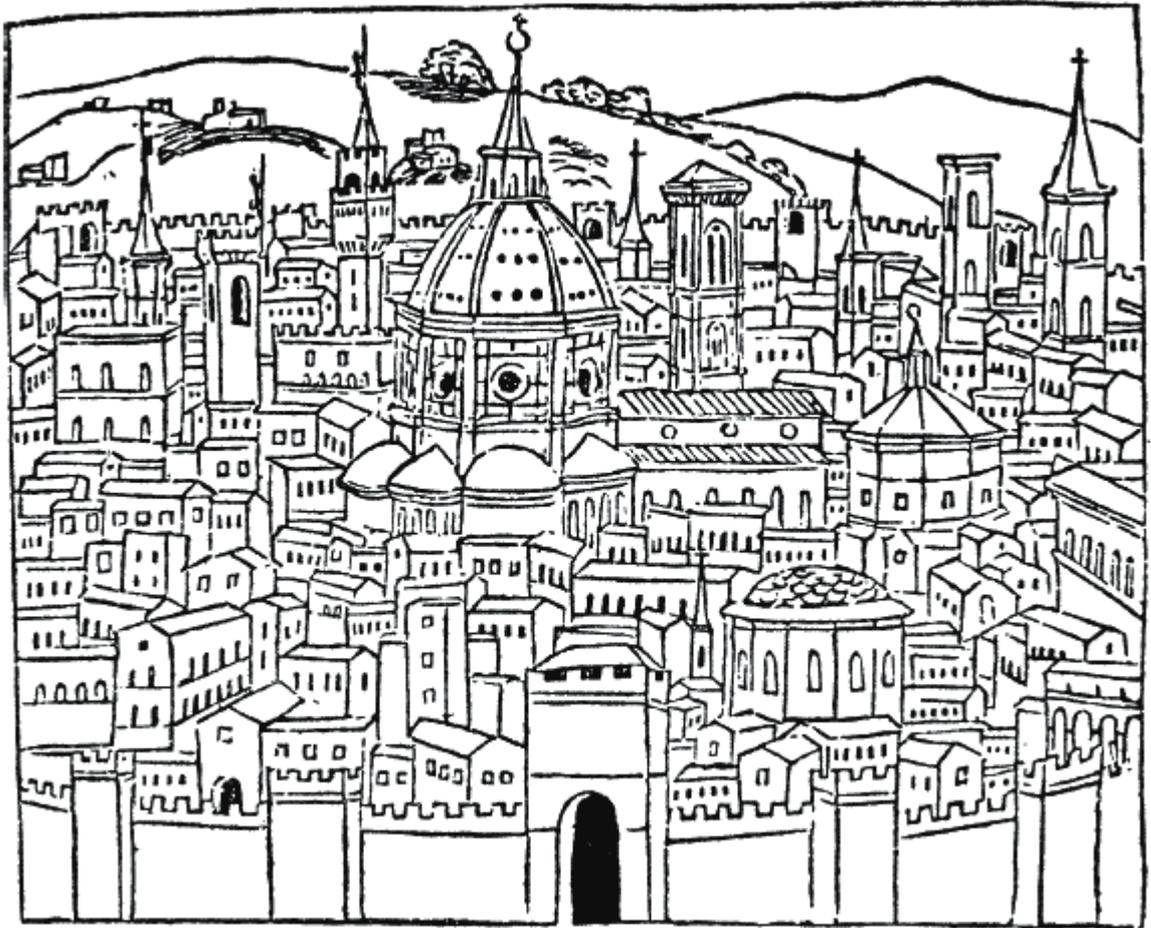
Век города достиг блистательного расцвета, но уже появились признаки того, что он умирает. Век был бурный и жестокий, но вдохновляющий. Свое происхождение он вел от городов-государств Древней Греции (за 3 тысячи лет до Ренессанса), породивших идеал свободного человека, который сам правит собою. Потому что, по сути, такой город состоял из группы людей, которые после многих поколений свар и междоусобиц выработали действенную систему самоуправления. Эта система варьировалась от города к городу. В любом из них количество людей, способных претендовать на полное гражданство, всегда

было невелико. Масса жителей оставалась в более или менее рабском положении и свои права осуществляла лишь посредством яростных и жестоких восстаний против высших слоев. Тем не менее по всей Европе, в Италии, Германии и Нидерландах особенно существовала некая общественная договоренность относительно целей, если не методов управления, а именно относительно структуры общества, в котором правителей выбирали некоторые из управляемых. Из этой гражданской концепции брали начало нескончаемые кровавые войны. Цена, которую платили горожане за свою свободу, измерялась их готовностью поднимать оружие в защиту своего города против его соперников.

Истинным гласом города был великий колокол на городской ратуше или кафедральном соборе, который бил набат при приближении вооруженных жителей враждебного города. Он призывал всех способных держать оружие на стены и к воротам. Итальянцы превратили колокол в некий подвижный храм, какой-то светский Ковчег, который вел армии в бой. В бой с соседними городами за владение клочком пахотной земли, в бой против императора или короля за гражданские права, в бой против орд бродячей солдатни... На время этих сражений жизнь в городе замирала. Все здоровые мужчины, от пятнадцати до семидесяти лет без исключения, отрывались от нормальной деятельности, чтобы биться. Так что в конце концов ради экономического выживания стали нанимать профессионалов, умевших воевать, а гражданская власть тем временем концентрировалась в руках одного из видных горожан. Поскольку он контролировал деньги и оружие, этот горожанин постепенно преобразовался в правителя некогда свободного города. В тех странах, где признавали центральную монархию, город примирялся с тронem (просто от изнеможения). Некоторые города, такие, например, как Лондон, сохраняли большую автономию. Другие оказались полностью поглощены структурой монархии. Тем не менее на протяжении всей эпохи Возрождения города продолжали существовать как живые действующие единицы, исполняя большинство функций, которые в современном обществе подпадают под юрисдикцию центральной власти. Они не были ни промышленными, ни спальными районами, ни парками развлечений, в которые потом превратились многие из них, но органичными структурами, сочетавшими человеческую плоть и камень зданий в свой собственный узнаваемый ритм жизни.

Форма города

Города, которыми Европа была утыкана, словно парадная одежда драгоценными камнями, к эпохе Возрождения уже были древними. Они переходили из столетия в столетие, сохраняя на удивление правильную форму и постоянный размер. Только в Англии в них не чувствовалось симметрии, потому что, за редким исключением, английские города строились не по заранее разработанному плану, а разрастались из скромных поселений, и структура их была бесформенной, так как здание пристраивалось к зданию самым беспорядочным образом. На континенте сохранялась тенденция закладывать новые города, а не расширять старые до неуправляемых пропорций. В одной Германии за 400 лет было основано 2400 городов. Правда, по сегодняшним меркам трудно сказать, маленькие города это были или большие села. Оранж во Франции насчитывал только 6 тысяч жителей вплоть до XIX века. А город с четвертью миллиона обитателей считался просто гигантом, и таких было мало. Население Милана, столицы герцогства, составляло 200 тысяч человек, то есть вдвое превышало население его главной соперницы, Флоренции (см. рис. 53, фото 17), так что размер вовсе не являлся мерилom мощи.

Рис. 53. Флоренция в конце XV в. С современной гравюры на дереве

Реймс, место коронаций, крупный торговый центр, насчитывал 100 тысяч жителей, а Париж что-то около 250 тысяч. Население большинства европейских городов можно было оценить в 10-50 тысяч человек. Даже потери от чумы не долго сказывались на численности населения. Количество жертв чумы всегда преувеличивали, хотя, пожалуй, за несколько месяцев она уносила около четверти жителей. Однако уже через поколение город возвращался к привычному уровню заселенности. Излишек жителей перетекал в новые города. Итальянская модель, когда несколько городков, объединенных военными или торговыми связями, пристраиваются к крупному городу, в той или иной степени прослеживается по всей Европе. В такой федерации ревностно соблюдались присущие каждому городу система управления и местные обычаи, но сбор налогов и защита контролировались из города-центра.

Город рос как дерево: сохраняя форму, но увеличиваясь в размерах, а городские стены, точно кольца на срезе, отмечали вехи его роста. Сразу за городскими стенами жили бедняки, нищие, всякого рода изгои, построившие вокруг стен свои хижины, создающие омерзительную неразбериху жалких улочек. Иногда их разгонял энергичный муниципалитет, но чаще им позволяли оставаться на месте, пока не вырисовывался некий план. Состоятельные жители селились за городом на виллах посреди больших владений, защищенных собственными стенами. Когда, наконец, экономическая необходимость или гражданская гордость требовали расширения города, вокруг воздвигалось еще одно кольцо стен. Они захватывали новую землю и оставляли дополнительное место для застройки. А старые стены продолжали стоять на протяжении еще нескольких веков, если их хищнически не разбирали на постройку новых зданий. Города возобновляли свою форму, но не гнались за новыми строительными материалами, так что один и тот же обломок кирпича или тесаного камня за тысячу лет мог побывать в полудюжине разных строений. До сих пор можно

разглядеть следы исчезнувших старых стен, потому что впоследствии они превращались в окружные дороги или, менее часто, в бульвары.

Крепостные стены задавали форму и определяли размер города. В Средние века они служили мощной защитой для жителей, у которых имелись запасы воды и пищи. Военачальнику, собравшемуся осаждать город, следовало приготовиться ко многим месяцам ожидания, пока у врага кончатся запасы. Стены поддерживали в порядке за общественный счет, и, что бы другое ни приходило в упадок, в первую очередь заботились о них. Рухнувшая стена была признаком разрушенного города, и первой задачей победившего захватчика было стереть ее с лица земли. Если только он не собирался там жить. Однако постепенно крепостные стены утратили свое значение, что нашло отражение в том, как стали изображать города. В XVI веке широко применялся вид сверху, план, где особое значение придавалось улицам. Их рисовали в окаймлении домов. Важные здания отмечали особо. Но постепенно все формализовалось, делалось плоским, и план становился более аккуратным, хотя менее эффектным и живописным. Но прежде чем план вошел в обиход, город изображали так, словно путешественник, подъезжая, видит его издали. Это было скорее произведением искусства, на котором город предстал, как в жизни, со стенами, башнями, церквями, притиснутыми вплотную друг к другу, словно один огромный замок (см. рис. 54).

Рис. 54. Городская стена как военное сооружение. Нюрнберг в 1493 г. С современной гравюры

Такие города существуют и по сей день, например Верона, расположенная на склоне холма. В их плане ясно проглядывает рисунок, заложенный строителями. На юге, особенно в Италии, доминировали большие, похожие на башни дома, придававшие городскому пейзажу вид окаменевшего леса. Эти дома являлись пережитками более жестокого века,

когда междоусобицы семей и группировок раздирали города. Тогда те, кто мог строить выше, выше, еще выше, приобретали преимущество перед соседями. Умелому городскому правительству удавалось уменьшить их число, но многие все еще стремились возвысить себя таким образом, создавая угрозу внутренней безопасности города и алчно лишая узкие улочки воздуха и света.

Рис. 55. Городские ворота, где собирают пошлины со всех прибывающих в город товаров

Рассекавшие стены городские ворота (см. рис. 55) играли двойную роль. Они выполняли не только оборонную функцию, но и вносили свою лепту в доходы города. Около них ставили стражников, взимавших пошлину со всего, что привозили в город. Иногда это бывали продукты сельского хозяйства, урожай, собранный с окрестных полей, садов и огородов. А иногда - экзотические пряности, привезенные за тысячи миль, - у ворот все подлежало таможенному досмотру и пошлинам. Одно время, когда флорентийские таможенные сборы упали до опасной черты, кто-то из чиновников предложил увеличить вдвое число ворот и тем вдвое повысить их доходность. На заседании в городском совете его высмеяли, однако это бездумное предложение проистекало из уверенности, что город есть независимая данность. Селяне ненавидели эти поборы, получая за них всего лишь сомнительные обещания вооруженной защиты. Они шли на всякие хитрости, лишь бы избежать уплаты. У Саккетти есть весьма правдиво звучащая новелла об одном крестьянине, который спрятал куриные яйца в своих мешковатых штанах, чтобы обмануть стражников. Но те,

предупрежденные врагом крестьянина, заставили его сесть, пока осматривали груз. Результат понятен.

В городах ворота играли роль глаз и ушей. Они были единственной точкой соприкосновения с внешним миром. Именно из внешнего мира приходила угроза, и стражники у ворот скрупулезно докладывали правителю о приезде и отъезде иностранцев и вообще всяких чужаков. В вольных городах закрытые ворота были символом независимости. Припозднившийся путник, подъехавший после заката солнца, вынужден был ночевать за городскими стенами. Отсюда и возник обычай строить гостиницы снаружи, у главных ворот. Сами ворота походили на маленькую крепость. В них жил гарнизон, охранявший город. Огромные замки, вздымавшиеся над средневековыми городами, по сути были простым продолжением главных крепостных ворот-домов.

Однако отсутствие у средневековых городов плана застройки было скорее кажущимся, чем реальным. Верно: улицы бесцельно вились, кружили, делали петли, даже растворялись в каких-то дворах, но они ведь должны были не обеспечивать прямой переход из одной точки города в другую, а создавать оправу, декорации общественной жизни. Чужестранец, пройдя через городские ворота, без труда находил дорогу к центру города, потому что главные улицы лучами расходились от центральной площади. «Пьяцца», «плейс», «плац», «площадь», как бы ее ни называли на местном языке, была прямой наследницей римского форума, места, где собирались встревоженные люди в дни войны и где они бродили, развлекаясь, в мирное время. Опять-таки, только в Англии не было подобного места сборищ. Англичане предпочитали расширить главную улицу под рынок. Он служил той же цели, но был лишен ощущения сплоченности и единства, а с увеличением транспортного потока потерял свое значение центрального места встреч. Однако на континенте этот отголосок Древнего Рима продолжал существовать.

Рис. 56. Пьяцца (площадь) Сан-Марко, Венеция

Она могла быть скромной, немощеной площадкой, затененной деревьями, возможно, окруженной облупленными домишками. А могла быть огромной, поражающей воображение, как главные площади в Сиене или Венеции (см. рис. 56), могла быть спланирована так, что казалась огромным залом без крыши. Впрочем, как бы она ни выглядела, она оставалась лицом города, местом, где собирались жители, и вокруг нее выстраивались жизненно важные органы города, центры управления и правосудия. Где-нибудь еще мог находиться другой, естественно сложившийся центр: например, собор со вспомогательными строениями, обычно построенный на маленькой площади. От главных ворот достаточно

широкая прямая и чистая дорога вела к площади, потом к собору. При этом в стороне от центра улицы становились как бы периферийными венами, обслуживающими местные нужды. Их намеренно делали узкими - и чтобы обеспечить прохожим защиту от солнца и дождя, и для того, чтобы сберечь пространство. Иногда верхние этажи зданий находились на расстоянии всего нескольких футов друг от друга. Узость улиц служила еще и защитой во время войн, ведь первым действием нападающих было проскакать по ним галопом, пока жители не успели возвести заграждения. Войска не могли соблюдать военный порядок, маршируя по ним. При таких обстоятельствах враждебная толпа, вооруженная простыми булыжниками, могла успешно препятствовать прохождению профессиональных солдат. В Италии улицы начали мостить еще в XIII веке, а к XVI все главные улицы большинства европейских городов были вымощены. Разделения на мостовую и тротуар не существовало, потому что все либо ехали верхом, либо шли. Экипажи начали появляться только в XVI столетии. Постепенно колесный транспорт разрастался, улицы выпрямились, чтобы облегчить ему проезд, и тогда позаботились о пешеходах, еще больше подчеркнув разницу между богатыми и бедными.

Чистотой городов пренебрегали еще больше, чем личной гигиеной. Путешественники с унылым однообразием сообщают о мерзких условиях, с которыми им приходилось сталкиваться, условиях не худших, чем в их родных городах, но увиденных, так сказать, свежим глазом. Запрет держать скот и птицу в пределах городских стен, по всей вероятности, увеличил количество мусора и грязи. Раньше многие бедные семьи держали свиней, этих универсальных мусорщиков. Им позволялось вольно бродить по улицам и самим находить себе пропитание. Изгнанные из города, они оставили работу по очистке улиц собакам, гораздо более щепетильным в выборе еды. Улицы стали свалкой, и только тот факт, что отходы были органического происхождения и рано или поздно превращались в жижу, спасал дороги от полной непроходимости. В процессе разложения отходы становились густой маслянистой иссиня-черной жидкостью, которая пропитывала почву, пачкала фундаменты домов и предоставляла щедрую пищу всяческим болезнетворным паразитам. Практика хоронить покойников в черте города также не способствовала снижению уровня заразы. Высота кладбищ возросла за столетия в четыре раза и более. Они располагались близ приходских церквей, там же... где общественный колодец. Постепенно испорченная вода проникала в питьевую с неизбежным плачевным результатом. По городам регулярно прокатывались пожары, и это, пожалуй, было самой надежной профилактикой. Без них условия жизни в переполненных кварталах, как богатых, так и бедных, стали бы совсем невыносимыми.

Культ витрувия

Города эпохи Возрождения объединяла одна общая черта: они росли и развивались спонтанно, по мере надобности. Планировали только городские стены, которые закладывали и строили как единое целое, а внутри города лишь размер конкретного здания задавал планировку прилегающей территории. Собор определял структуру целого района с примыкающими улицами и площадями, но в других местах дома появлялись по мере необходимости или перестраивались из уже существующих. Даже само понятие общегородской планировки отсутствовало до второй половины XV века, когда возродились к жизни идеи римского архитектора Витрувия Полио. Витрувий был архитектором августовского Рима, и его труд «Об архитектуре» датируется примерно 30 годом до Рождества Христова. Он не принадлежал к числу знаменитых архитекторов, но его книга являлась единственной по этому вопросу, и она пришлась по нраву миру, помешавшемуся на античности. Открытия в архитектуре совершались так же, как и в географии: древний автор давал толчок умам, способным к собственному творчеству и исследованиям. Люди, уверенные в том, что следуют заветам Витрувия, на самом деле использовали его имя, чтобы осенить свои

собственные теории. Витрувий рассматривал город как самодостаточную единицу, которую следует планировать, словно дом, все части коего подчинены целому. Канализация, дороги, площади, общественные здания, пропорции строительных участков - все занимает в этом плане свое определенное место. Первый трактат, основанный на концепции Витрувия, принадлежал перу флорентийца Леона Баттисты Альберти. Он был опубликован в 1485 году, спустя всего тринадцать лет после его смерти, и возглавил длинную вереницу трудов, тянувшуюся вплоть до XIX века, трудов, оказавших огромное влияние на градостроительство. Большинство этих работ были изумительно, даже слишком изысканно, иллюстрированы. Принимая во внимание математическую основу этого культа, не приходится удивляться, что последователи довели все до крайности. Город придумывали, точно задачу по геометрии, не обращая внимания на человеческий и географический факторы. Теоретическое совершенство приводило на практике к безжизненной сухости.

Рис. 57. Палма-Нова, Италия: строгий градостроительный план

Просто счастье, что лишь немногие города построили в соответствии с принципами Витрувия. То и дело возникала потребность, чаще военная, в новом городе. Временами его можно было построить согласно этой новой теории (например, Палма-Нова (см. рис. 57) в Венецианском государстве). Однако в основном архитекторам приходилось довольствоваться частичной застройкой, потому что им редко предоставлялась возможность полностью снести старые здания и заложить на их месте все заново. Архитектор сталкивался с пассивным сопротивлением, достаточно вспомнить, как встретили предложение Леонардо да Винчи о строительстве поселений-спутников вокруг Милана. Страшная чума 1484 года унесла 50 тысяч жителей, и Леонардо хотел возвести десять новых городов с 5 тысячами домов и поселить там 30 тысяч человек, «дабы разрядить слишком большую скученность людей, сбившихся в стада, как козы... наполняющих каждый уголок пространства зловонием и сеющих семена заразы и смерти». Но ничего подобного сделано не было, потому что не предвиделось в этом ни денежной выгоды, ни военных преимуществ. И правитель Милана предпочел потратить золото на украшение собственного двора. Так было по всей Европе. Города уже сформировались, и в них не осталось места для широкомасштабного планирования. Единственным исключением из этого правила был Рим.

Первый город христианства в Средние века пришел в упадок. Пиком его несчастий стал перевод папства на жительство в Авиньон в 1305 году. Более чем сто лет в Вечном городе не было власти, достаточно сильной, чтобы сдерживать амбиции великих родов и зверскую дикость толпы. Другие города Италии хорошели и процветали, а Рим покрывался плесенью и разрушался. Город Августа был выстроен прочно, он выстоял и не поддавался атакам времени и набегам варваров, но погибал от рук своих собственных горожан. Виноваты были отчасти войны, но главным образом то обстоятельство, что массивные древние строения являлись источником готовых строительных материалов. В 1443 году великий

раскол кончился, и папство вновь утвердилось в Риме. Впервые обратил внимание на плачевное состояние Вечного города папа Николай V. Он понял: чтобы признать Рим столицей мира, его нужно отстраивать заново (см. рис. 58). Грандиозная задача! Когда-то город вмещал около миллиона человек - самое большое число жителей вплоть до XIX столетия. До промышленной революции, которая привела к расширению масштабов строительства, ни один европейский город не мог сравниться по размеру с Римом Августа. А в 1377 году в нем насчитывалось лишь около 20 тысяч жителей. Семь его холмов стояли заброшенными, население предпочитало обитать на болотистых берегах Тибра. Скот бродил по пустынным улицам, окаймленным руинами домов. Форум утратил былую славу и носил прозвище «Кампо Ваккино», то есть «Коровье поле». Мертвых животных никто не убирал, и они гнили там, где подохли, добавляя запах тления и гниль к мерзкой жиже под ногами. Не было в Европе города, скатившегося так низко со столь великих высот.

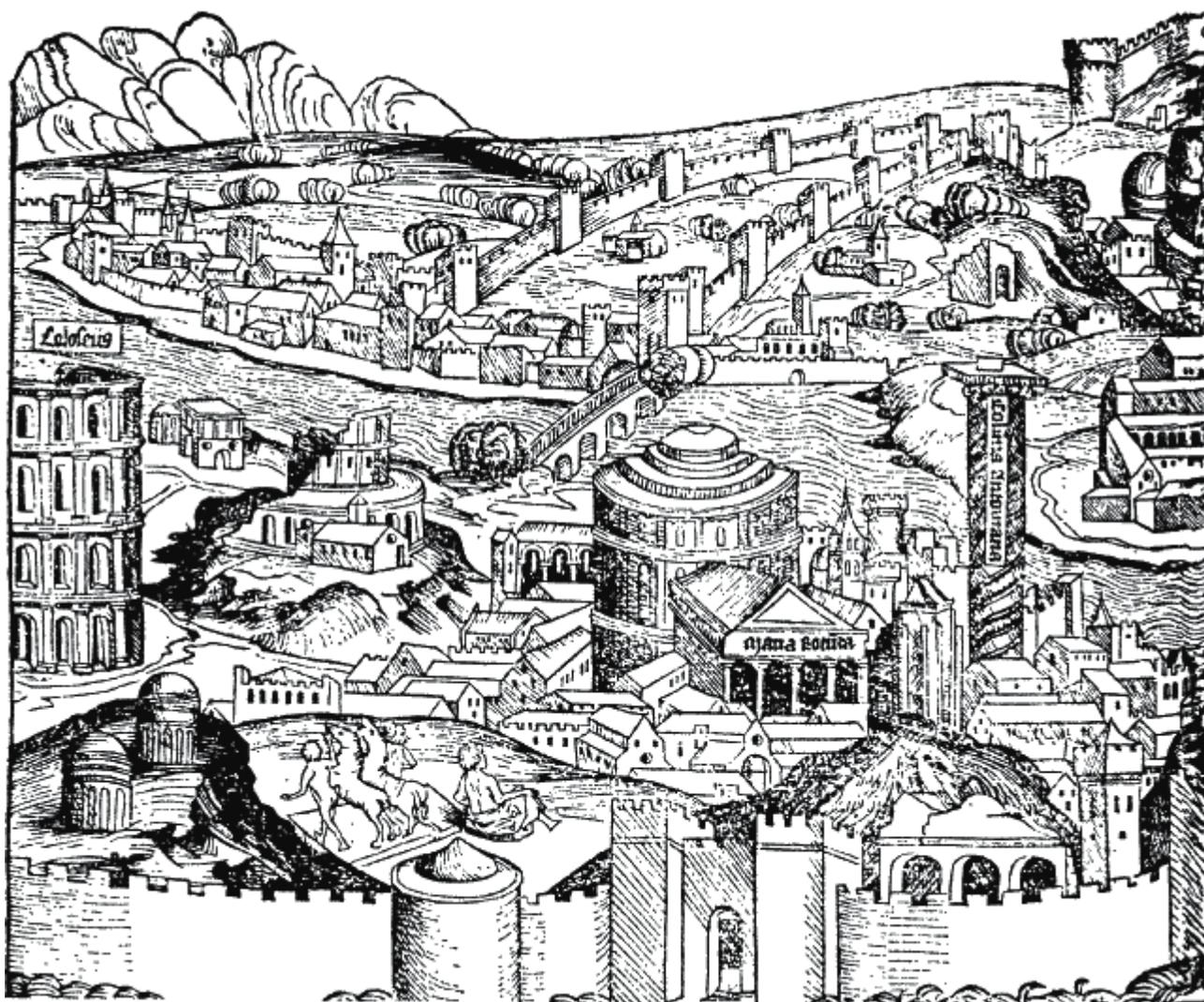

Рис. 58. Панорама Рима в 1493 г., с собором Святого Петра (наверху). С современной гравюры в книге Шеделя «Хроника мира»

С того момента, как папа Николай V задумал свою реконструкцию, и до времени, когда Бернини закончил колоннаду у собора Святого Петра, прошло более 160 лет. И все папы, правившие в эти полтора столетия, от добродетельных до порочных, от ученейшего Николая до развратного Александра Борджиа, разделяли страсть, вдохнувшую новую жизнь в первый из всех городов Ренессанса, любовь к искусству и архитектуре, желание превратить древний город в достойную столицу христианского мира.

Рис. 59. Декоративная отделка здания. 1465 г.

Список имен архитекторов и художников, работавших там, звучит точно переключка славы: Альберти, первый из витрувианцев, Браманте, Сангалло, Бернини, Рафаэль, Микеланджело и многие другие, попавшие в тень великих, но способные украсить двор любого властителя. Кое-что из сделанного вызывает сожаление: например, разрушение старинного собора Святого Петра ради строительства нового храма Браманте[13] на его месте вызвало бурю протестов. Но абсолютной папской власти хватило, чтобы довести до конца один из величайших градостроительных проектов в истории. Результатом оказался не просто великолепный памятник какому-нибудь правителю. Целый ряд благ достался и простым горожанам: улучшилось водоснабжение, была восстановлена древняя система канализации, резко уменьшилась угроза пожаров и чумы.

Городская жизнь

Город являлся сценой, на которой при всем честном народе происходило то, что ныне творится в тиши кабинетов. В глаза бросались детали, поражающие своей изменчивостью: неправильность зданий, эксцентричные фасоны и пестрота костюмов, бесчисленные товары, которые производились прямо на улицах, - все это придавало ренессансному городу

яркость, отсутствующую в однообразной монотонности современных городов. Но была там и некая однородность, слияние групп, провозглашавшее внутреннее единство города. В XX веке глаз уже привык к разделению, созданному разрастанием городов: движение пешеходов и машин происходит в разных мирах, промышленность отделена от коммерции, и обе они отделены пространством от жилых районов, которые, в свою очередь, подразделяются в зависимости от состоятельности их обитателей. Горожанин может прожить всю жизнь, так и не увидев, как выпекается хлеб, который он ест, или как хоронят покойников. Чем больше становился город, тем сильнее отдалялся человек от своих сограждан, пока парадокс одиночества посреди толпы не стал заурядным явлением.

В обнесенном стенами городе с населением, скажем, 50 тысяч человек, где большинство домов представляли собой жалкие лачуги, недостаток пространства поощрял стремление проводить больше времени на публике. Лавочник продавал товары практически из ларька, через малое окошко. Ставни первых этажей делались на петлях, чтобы быстро откидываться, образуя полку или столик, то есть прилавок (см. рис. 60). Жил он вместе с семьей в верхних комнатах дома и, лишь значительно разбогатеv, мог держать отдельный магазин с приказчиками, а сам жить в садовом пригороде.

Рис. 60. Городские торговцы, в том числе: торговец одеждой и мануфактурой (слева), цирюльник (в центре) и кондитер (справа)

Умелый ремесленник использовал нижний этаж дома еще и под мастерскую, иногда тут же на месте выставляя свои изделия на продажу. Ремесленники и торговцы были весьма склонны проявлять стадность: в каждом городе были свои Ткацкая улица, Мясницкий ряд, свой переулок Рыбников. И если не хватало места в маленьких скученных комнатках, а то и просто в хорошую погоду, торговля перемещалась на улицу, которая делалась неотличимой от рынка. Нечестных людей наказывали публично, на площади, там же, где они зарабатывали себе на жизнь, то есть на людях. Их привязывали к позорному столбу, а негодные товары сжигали у их ног либо вешали им на шею. Виноторговца, продавшего плохое вино, заставляли выпить большое его количество, а остальное выливали ему на голову. Рыбника вынуждали нюхать тухлую рыбу или даже обмазывали ею его лицо и волосы.

Ночью город погружался в полную тишину и мрак. Даже там, где не был установлен обязательный «час тушения огней», мудрый человек старался не выходить поздно на улицу и с наступлением темноты сидел в безопасности за крепкими дверями с засовами. Прохожий, застигнутый стражниками в ночные часы, должен был приготовиться убедительно объяснить причину своей подозрительной прогулки. Не было таких соблазнов, которые могли бы выманить честного человека из дома ночью, потому что публичные увеселения заканчивались с заходом солнца, а обыватели придерживались скопидомской привычки ложиться спать вместе с заходом солнца. Сальные свечи были доступны, но все же достаточно дороги. А зловонные фитили, намоченные в жире лоскутья, также использовались экономно, потому что жир стоил дороже мяса. Продолжавшийся с рассвета до заката рабочий день оставлял мало сил для бурного ночного веселья. С широким развитием печатного дела во многих домах вошло в обычай читать Библию. Еще домашним развлечением было музицирование для тех, кто мог себе позволить приобрести музыкальный инструмент: лютню, или виолу, или флейту, а также пение для тех, у кого денег на это не было. Большинство людей проводило краткие часы досуга между ужином и сном в беседах. Впрочем, нехватка вечерних и ночных развлечений с лихвой восполнялась днем за общественный счет. Частые церковные праздники сокращали число рабочих дней в году до цифры, пожалуй, более низкой, чем в наши дни.

Рис. 61. Религиозная процессия

Дни постов соблюдались строго и поддерживались силой закона, а вот праздничные понимались буквально. Они не только включали в себя литургию, но оборачивались бурным весельем. В эти дни сплоченность горожан проявлялась наглядно в многолюдных религиозных процессиях, крестных ходах (см. рис. 61). Наблюдателей тогда было мало, потому что все стремились принять в них участие. Альбрехт Дюрер был свидетелем подобной процессии в Антверпене, и его глаз художника с наслаждением всматривался в нескончаемую вереницу цветов и форм. Это было в день Успения Богородицы, «...и весь город, невзирая на ранги и занятия, там собрался, каждый одетый в лучшее платье соответственно его рангу. У всех гильдий и сословий были свои знаки, по которым их можно было узнать. В промежутках несли огромные дорогие свечи и три длинных старофранкских трубы из серебра. Были еще сделанные на немецкий манер барабаны и дудки. В них громко и шумно дудели и били... Были там златокузнецы и вышивальщики, маляры, каменщики и скульпторы, столяры и плотники, моряки и рыбаки, ткачи и портные, пекари и кожевники... поистине работники всех видов, а также множество ремесленников и разных людей, зарабатывающих себе на пропитание. За ними шли стрелки с ружьями и арбалетами, всадники и пехотинцы. Но перед всеми ними шли религиозные ордена... Принимала в этом шествии участие и большая толпа вдов. Они поддерживали себя своим трудом и соблюдали особые правила. Они были с головы до ног одеты в белые одежды, сшитые специально на этот случай, горестно было смотреть на них... Двадцать человек несли изображение Девы Марии с Господом нашим Иисусом, роскошно одетых. По ходу процессии показывали много чудесных вещей, великолепно представленных. Тянули фургоны, на которых стояли корабли и иные сооружения, полные людей в масках. За ними шествовала труппа, изображавшая пророков по порядку и сцены из Нового Завета... С начала и до конца процессия длилась более двух часов, пока добралась до нашего дома».

Чудеса, столь восхитившие Дюрера в Антверпене, очаровали бы его и в Венеции, и во Флоренции, потому что итальянцы относились к религиозным праздникам как к форме искусства. На празднике Тела Христова в Витербо, в 1482 году, вся процессия была поделена на участки, за каждый из которых отвечал какой-либо кардинал или высший сановник церкви. И каждый стремился превзойти другого, украшая свой участок дорогими драпировками и снабдив его сценой, на которой разыгрывали мистерии, так что в целом это складывалось в серию пьес о смерти и воскрешении Христа. Сцена, которую использовали в Италии для постановки мистерий, была такой же, как во всей Европе: трехэтажное сооружение, где верхний и нижний этаж служили соответственно Небесами и Адам, а главная средняя платформа изображала Землю (см. рис. 62).

Рис. 62. Сцена для представления мистерий

Больше всего внимания привлекал сложный сценический механизм, позволявший актерам словно парить и плыть в воздухе. Была одна сцена во Флоренции, которая состояла из подвешенного шара, окруженного ангелами, из которого в нужный момент появлялась колесница и спускалась на землю. Леонардо да Винчи изготовил еще более сложную машину для герцогов Сфорца, которая показывала движение небесных тел, причем каждое несло своего ангела-хранителя.

Светские процессии в Италии воспроизводили великие триумфы классического Рима и получали их имена. Иногда их устраивали в честь приезда какого-нибудь государя или знаменитого военачальника, иногда просто ради праздника. Были возрождены в памяти славные имена великих римлян, их представляли в тогах и лавровых венках и провозили по городу в колесницах. Особенно любили изображать аллегории: Вера побеждала Идолопоклонство, Добродетель истребляла Порок. Еще одно излюбленное представление - три возраста человека. Каждое земное или сверхъестественное событие разыгрывалось во всех деталях. Итальянцы не трудились над литературным содержанием этих сцен, предпочитая тратить деньги на пышность зрелища, так что все аллегорические фигуры были созданы прямолинейными и поверхностными и лишь провозглашали высокопарные пустоপরোজনী фразы без всякой убежденности, переходя таким образом из спектакля в спектакль. Но великолепия декораций и костюмов услаждало глаз, и этого было достаточно. Ни в одном городе Европы не проявлялась столь ярко и с таким блеском гражданская гордость, как в ежегодном ритуале венчания с морем, которое совершал правитель Венеции, странная смесь торгового высокомерия, христианской благодарности и восточного символизма. Начало свое это обрядовое празднество берет с 997 года после Рождества Христова, когда дож Венецианский перед битвой совершал возлияние вином, выливая его в море. А после победы ее праздновали в очередной день Вознесения. Огромную государственную баржу, называемую «Буцентавр», выводили на веслах в одну и ту же точку залива, и там дож бросал в море перстень, объявляя, что этим действием город сочетается браком с морем, то есть со стихией, сделавшей его великим (см. рис. 63).

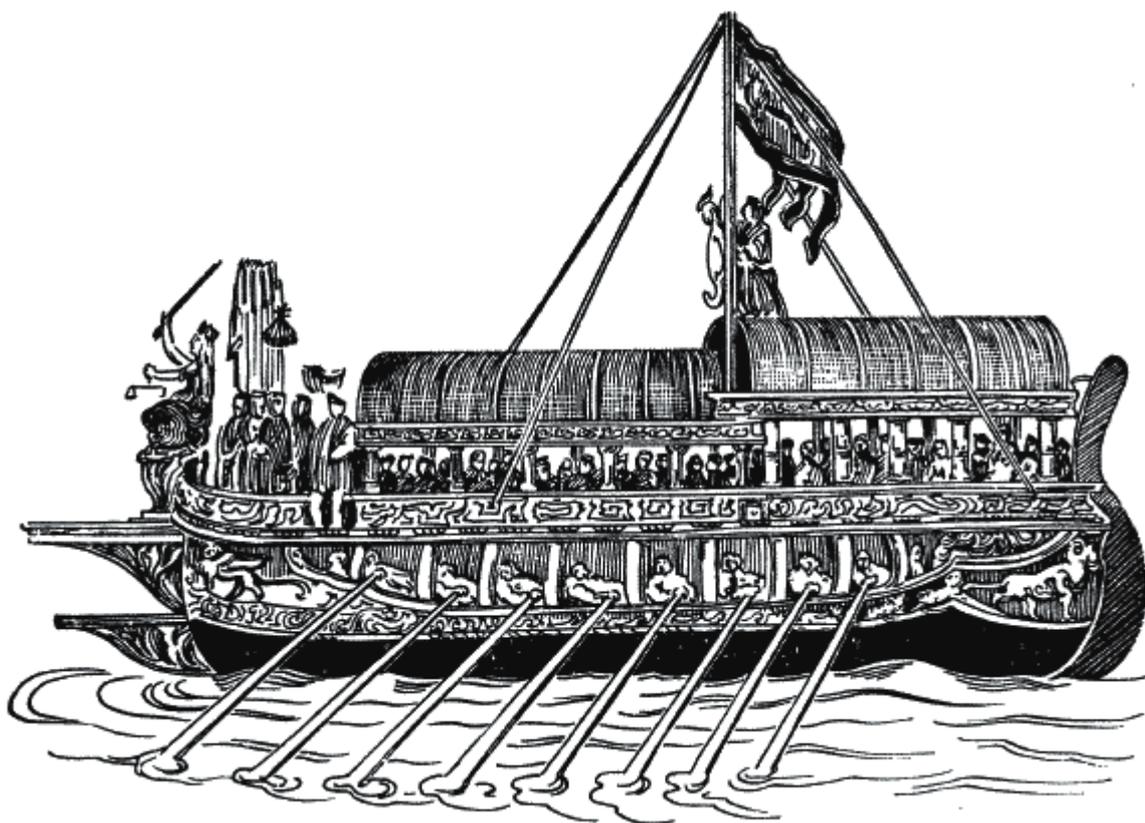

Рис. 63. «Буцентавр» венецианский

«Буцентавр» величаво участвовал во всех гражданских церемониях. Торжественные процессии в других городах двигались в пыли по жаре, а венецианцы скользили по глади своей великой морской дороги. «Буцентавр» был переоборудован из боевой галеры, которая вымела с Адриатики всех врагов Венеции. Она сохранила мощный и злобный таранный нос военного корабля, но теперь верхняя палуба была убрана алой с золотом парчой, а протянутая вдоль борта гирлянда золотых листьев ослепительно сверкала на солнце. На носу высилась выполненная в человеческий рост фигура Правосудия с мечом в одной руке и весами в другой. Государей, приехавших в гости, препровождали на этом судне на островной город в окружении бесчисленных мелких суденышек, также убранных богатыми тканями и гирляндами. Гости подвозили к самым дверям отведенной ему резиденции. Неудивительно, что венецианские карнавалы, устроенные с тем же великолепным пренебрежением к расходам, сверкающие тем же чувственным, почти дикарским пристрастием к ярким цветам, привлекали гостей со всей Европы. В эти дни население города удваивалось. Видимо, с Венеции пошла мода на маскарады, распространившаяся затем на все дворы Европы. Другие итальянские города ввели в мистерии актеров в масках, но именно любящие развлечения венецианцы с их коммерческой хваткой оценили маску, как пикантное добавление к карнавалу.

Военные состязания Средних веков продолжались почти без изменений и в эпоху Возрождения, хотя несколько понизился статус их участников. Так, например, рыбаки Нюрнберга устроили свой собственный турнир. Большой популярностью пользовались состязания лучников, хотя лук как оружие исчез с поля битвы. Но любимейшими оставались праздники, корни которых уходили в дохристианскую Европу. Не сумев их искоренить, церковь некоторые из них, так сказать, окрестила, то есть присвоила, а другие продолжали жить в неизменной форме, как в католических, так и в протестантских странах. Величайшим из них был Майский день, языческая встреча весны (см. рис. 64).

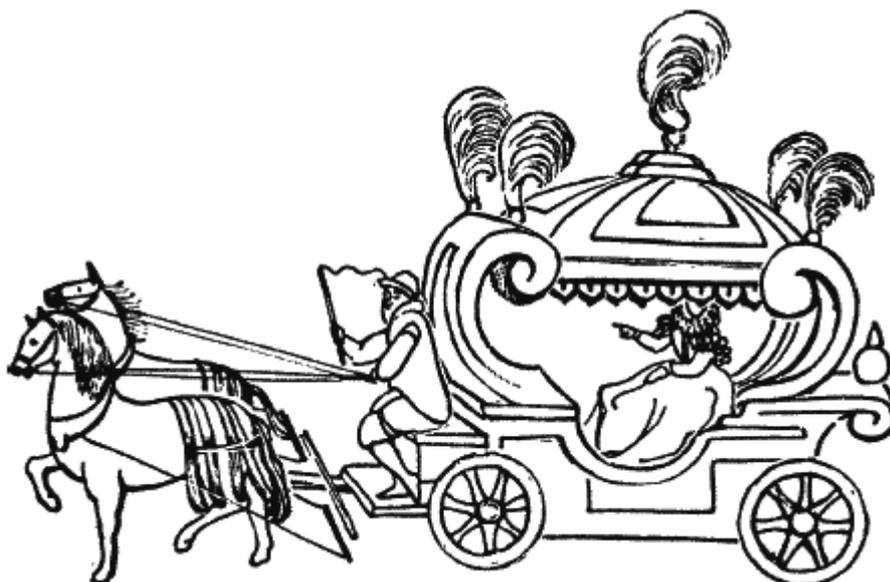

Рис. 64. Празднование Майского дня

В этот день и бедные и богатые выезжали и шли за город, чтобы нарвать цветов, потанцевать и попить. Стать Майским лордом было большой честью, но и дорогим удовольствием, потому что на него ложились все праздничные расходы: случалось, что некоторые мужчины на время исчезали из города, чтобы уклониться от этой почетной роли. Праздник привносил в город частицу сельской местности, жизни на природе, такой близкой и такой далекой. По всей Европе смену времен года отмечали народными гуляньями. Они отличались друг от друга деталями и названиями, однако сходство было сильнее различий. По-прежнему в один из зимних дней правил Лорд Беспорядка - прямой наследник римских сатурналий, которые, в свою очередь, являлись пережитком доисторического праздника зимнего солнцестояния. Снова и снова пытались его искоренить, но он возрождался в местных карнавалах с шутами, воинами и танцорами в личинах, которые впервые явились миру в пещерных рисунках. Пришло время, и праздники тысячелетней давности легко вписались в жизнь городов, где грохот печатных станков и шум колесных экипажей знаменовали начало нового мира.

Путешественники

Главные города Европы связывала весьма эффективная почтовая система. Простой обыватель мог свободно ею воспользоваться... если не боялся, что его письма прочтут. Власти, организовавшие почту, были заинтересованы в шпионаже почти так же, как в налаживании сообщения между городами и странами. Несмотря на ужасное состояние дорог, количество транспорта увеличивалось. Волна паломничества достигла небывалой высоты, а когда поток пилигримов начал спадать, на их место пришли купцы, потому что торговля активно развивалась. Государственные чиновники были вездесущи, топот солдатских сапог на марше не стихал ни на минуту. Путешественники, едущие по своим делам, перестали быть редкостью. Люди, подобные беспокойному Эразму, переезжали из одного научно-го центра в другой в поисках места и средств существования. Некоторые даже рассматривали путешествия как средство образования, совмещенного с удовольствием. В Италии возникла новая школа писателей-краеведов, которые рекомендовали любознательным посетить интересные места. Многие путешествовали верхом, но уже начали появляться кареты (см. рис. 65), по слухам впервые изобретенные в Котце или Кошице (Венгрия).

Рис. 65. Немецкая карета 1563 г. Для дальних путешествий требовалось по меньшей мере 4 лошади

Большинство этих экипажей делалось напоказ - они были крайне неудобны. Кузов подвешивался на ремнях, которые теоретически должны были служить пружинами, но на практике превращали поездку в череду тошнотворных ныряний и качаний. Средняя скорость составляла миль двадцать в день, в зависимости от качества дорог. Требовалось по меньшей мере шесть лошадей, чтобы тащить карету по густой зимней грязи. Они были очень чувствительны к ухабам, часто встречавшимся на пути. Однажды в Германии образовалась такая выбоина, что в нее провалились разом три кареты, и это стоило жизни одному несчастному крестьянину.

Римские дороги по-прежнему оставались главными артериями Европы, но даже их великолепие не могло устоять перед хищничеством крестьян. Когда требовался материал для постройки амбара или хлева, а то и домика, селяне с привычной готовностью обращались к большим запасам уже отесанного камня, который, собственно, и представляла собой дорога. Стоило снять верхние слои дорожного покрытия, погода и транспорт доделывали остальное. В немногих краях действовали распоряжения о сохранении и поддержании дорог за пределами городов. В Англии один мельник, которому вдруг понадобилась глина для ремонта, вырыл яму 10 футов в поперечнике и восемь глубиной, а потом бросил

ее. Яма заполнилась дождевой водой, какой-то путник упал туда и утонул. Призванный к ответу мельник сказал, что не имел намерения никого убивать, просто больше негде было взять глину. Его освободили из-под стражи. Однако древний обычай предписывал делать дороги минимальной ширины: в одном месте она должна была позволять разминуться двум телегам, в другом - проехать рыцарю с копьём наперевес. Во Франции, где римские дороги шли по лесам, ширину их увеличили с 20 футов примерно до семидесяти восьми - мера предосторожности против разбойников, которых становилось все больше по мере увеличения числа дорогих грузоперевозок. Мудрый человек всегда путешествовал в компании, причем все были вооружены. К одинокому путнику относились с подозрением, и он вполне мог оказаться в местной тюрьме, если не называл достойных причин своего пребывания в данном краю.

Путешествия через всю Европу, даже при благоприятных обстоятельствах, могли занять несколько недель. Поэтому такое важное значение приобрели придорожные гостиницы - постоялые дворы (см. рис. 66).

Рис. 66. Главная общая комната придорожной гостиницы

Это могло быть крупное заведение, как, например, знаменитая гостиница «Бык» в Падуе, где в конюшнях размещалось до 200 лошадей, а могла быть и крохотная зловонная таверна для беспечных и наивных. В Австрии схватили содержателя гостиницы, который, как было доказано, за долгие годы убил более 185 постояльцев и скопил на этом немалое богатство. Однако большинство современников рисуют вполне дружелюбную картину. Славная дама, изображенная Уильямом Какстоном в первом путеводителе, должна была производить на путешественников приятное впечатление после утомительного дня, проведенного в дороге. Какстон напечатал свою книгу в 1483 году.

Кроме прочих сведений, она снабдила его моноязычных земляков достаточным количеством французских фраз, чтобы расспросить о том, как выехать из города, нанять лошадь и получить ночлег. Приведенный там разговор в гостинице скорее вежлив, чем позавателен, однако он показывает нам, какие ситуации повторялись ежевечерне во всех городах Европы.

- « - Благослови вас Господь, дама.
- Добро пожаловать, парень.
- Могу я получить здесь постель?

- Да, хорошую и чистую, [даже если] вас дюжина.
- Нет, нас трое. А можно здесь поесть?
- Да, в достатке, слава богу.
- Принесите нам еды и задайте лошадям сена и хорошо оботрите их соломой».

Путешественники ели, благоразумно проверяли счет за трапезу и просили прибавить ее стоимость к утреннему расчету. Затем следует:

« - Отведите нас спать, мы устали.

- Жанетт, зажги свечу и проводи их наверх, в ту комнату. И принеси им горячей воды помыть ноги, и укрой их периной».

Судя по беседе, это гостиница высшего класса. Путешественникам подают ужин на стол, они явно не везли еду с собой, хотя это было в обычае. Их провожают в постель со свечой и обеспечивают теплой водой. Возможно, если бы им посчастливилось, они могли бы заполнить постель на каждого, а не делить ее с каким-нибудь незнакомцем. Но будь то роскошная гостиница, в которой гостям предлагали еще и развлечения, или простая хижина у городской стены, путник мог отдохнуть в ней несколько часов, защищенный не только от непогоды и диких зверей, но и от своих братьев-людей.

Глава 6

Жестокий мир. Чума

Вскоре после начала XVI столетия появились весьма любопытные серии рисунков. Поначалу их чертили на стенах церквей, но позднее стали делать гравюры на дереве. Густо начерченные, они должны были напоминать каждому: «Помни о смерти» (*memento mori*) (см. рис. 67, 90). Главенствовала в них фигура Смерти, обычно в короне, потому что это был король, который вел в бойком или величественном танце все народы Земли. Папа и нищий, император и крестьянин, монах, ростовщик и святой - все были равными участниками этого жуткого веселья. Танец Смерти был французским по происхождению, но быстро распространился на все европейские нации. Священники придумали его для устрашения грешников, миряне с радостью подхватили. Когда-то они воспевали доблесть и отвагу героев, рыцарей или любовников, теперь - доблесть Смерти. К концу столетия король Смерть бросил танцевать и явился в образе незваного гостя, который приходит, чтобы забрать возлюбленного у влюбленной, оторвать ростовщика от его мешков с деньгами, увести крестьянина с его полей. Но будь он ведущим во главе танца или сержантом, явившимся арестовать человека, он царил над людьми, властвовал над их судьбами. Иногда это был весело скалящий зубы скелет, иногда труп, тронутый порчей, но всегда он представлял в человеческом обличье, что служило зловещим предостережением: «Я был когда-то тебе подобен, а скоро ты станешь подобен мне».

Рис. 67. Танец Смерти

Эта поголовная заинтересованность, заворуженность смертью возникла из-за чумы, болезни, не покидавшей Европу на протяжении четырех столетий и унесшей десятки тысяч европейцев. Летописец за летописцем описывают одни и те же ужасные картины в Италии, Франции, Германии, Испании, Нидерландах.

Во всех столетиях, начиная с XIV и по XVIII, улицы усеяны мертвецами, города пусты, нет никого, за исключением отрядов могильщиков, которые делают свое дело в молчании, лишь под звяканье своих колокольчиков. Казалось, общество в который раз рушится под ударами судьбы: какие зверские обычаи возникали и процветали. Канныализм, убийства, колдовство... Законы не соблюдались, да и некому было следить за их соблюдением. «Мертвые превосходили число живых, так что едва было возможно их хоронить» - эта фраза повторяется в летописях вновь и вновь. Отчеты, конечно, преувеличивают бедствие, но не слишком. При этом мы можем оценить размер преувеличений, потому что в других частях света чума продолжалась вплоть до XIX века, и научные наблюдения над ней позволили подтвердить или опровергнуть описания прошлых столетий. После первых приступов смерть обычно наступает в течение трех дней. Иногда - в течение двадцати четырех часов. Скорость, с которой эпидемия доходит до пика, подобна пожару, питающемуся изнутри. Уровень смертности - не менее 55 процентов от числа заболевших. Все это факты. Даже общее число умерших соответствует наблюдаемому сейчас. Черная Смерть 1347 года унесла треть населения Европы. Пандемия одним махом промчалась по всему континенту. Последующие эпидемии были ограничены по размерам, но чудовищно опасны по своему действию. Половина, три четверти населения, а то и целый город или деревня вымирали в самый короткий срок.

Рис. 68. Чумные страдальцы перед церковью

Слово «чума» часто используется для обозначения всякой непонятной эпидемии, но обычно под ним подразумевают легочную или бубонную чуму, болезнь грызунов, передаваемую людям блохами. Из этих двух видов наиболее опасна, смертельна первая, при которой воспаляются легкие. В случае второй на теле вспухают большие болезненные нарывы, бубоны, обычно они появляются в паху и под мышками. Черная чума получила свое прозвание по одному из симптомов: кровоточащим пятнам, сливающимся под конец в одно большое пятно, которое после смерти приобретает темный цвет. Причину болезни долгое время считали сверхъестественной. Приход ее якобы можно предсказать по появлению особых знаков: комет, землетрясений и разного рода видений. Дева Чума охотница, она жуткий антипод богини Флоры, но вместо цветов она сеет, разбрызгивает чумной яд. Сам Дьявол стучится в двери тех, к кому затем приходит Смерть. Некоторые верили, что эту болезнь вызывает вдыхание испарений от злобных, зловещих людей. Основанием для такой веры в сверхъестественное происхождение болезни была непонятность, «капризность» ее возникновения. Она подчинялась циклическому закону, нарастала до некоего пика, несмотря на все профилактические меры, а затем спадала и исчезала, хотя условия вроде бы способствовали ее продолжению.

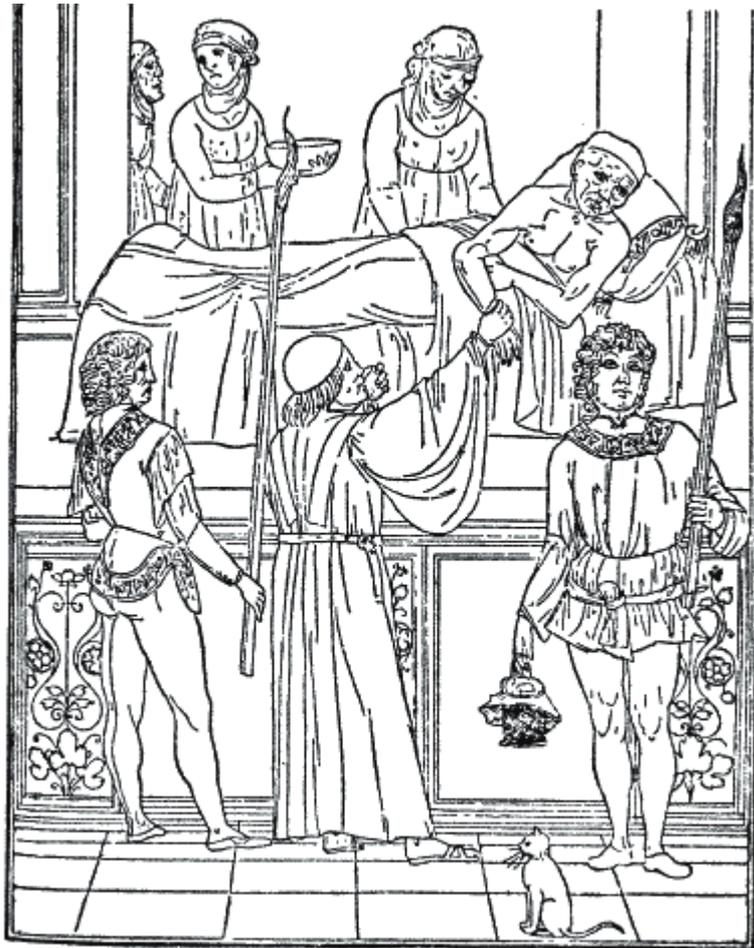
Этот закон был единственно устойчивым фактором. А в целом чума расцветала в антисанитарных условиях в летние месяцы, и самой благоприятной была температура 27-28° Цельсия. Впрочем, исключений из этого правила хватало. Так, Великая чума в Москве и бассейне Волги разразилась с небывалой яростью среди зимы. Относительно чистые, с хорошей канализацией города Италии страдали точно так же, как грязные английские города, альпийские деревни были избавлены от нее не больше, чем поселения равнин и болот. Какие-нибудь деревня или город могли полностью вымереть, а соседние, расположенные в нескольких милях от них, остаться вовсе нетронутыми. Причиной было то, что в некоторых благоприятных для нее местах зараза могла спать месяцами или даже годами, а потом вдруг проснуться и стать источником заболевания, откуда ее разносили дальше путешественники. Но даже в этих случаях степень зараженности оставалась произвольной: один французский врач намеренно надел на себя рубашку с чумного больного и носил ее два дня безо всяких последствий. В Египте двух преступников ради эксперимента уложили в постель чумного и одели в заразную одежду. Заболели оба, но умер только один. Инфек-

ция распространялась тем шире, чем дольше она длилась. Драконовская мера замуровывания всех членов семьи больного вместе с ним в доме не только была равнозначна смертному приговору, но и приводила к фатальной концентрации заразы, превращая этот дом в хранилище чумы.

Единственным надежным средством защиты для здорового человека было спешно покинуть город. «Быстро, далеко и надолго, - гласило это правило. - Собраться в путь быстро, уехать далеко и долго не возвращаться». Богачи так и поступали. Государи устанавливали строгий карантин, запрещая своим подданным приближаться под страхом смерти. В отсутствие двора чиновники переставали работать, и злосчастные обитатели городов становились добычей насильников, грабителей и убийц. Ведь далеко не все могли уехать: самые богатые имели на это средства, самым бедным ехать было некуда и не на что. Но между двумя этими полюсами находилась огромная масса людей, не имевших других средств существования, кроме своей работы, и вынужденных выбирать: повезет ли пересидеть болезнь дома, или надо бежать из города, чтобы бродить точно звери по лесам и полям. Впрочем, последнее тоже не гарантировало безопасности, потому что и дикие и домашние животные так же умирали от чумы и тела их становились дополнительным источником заразы. Для тех, кто волей-неволей оставался дома и продолжал обычную работу, существовал целый набор «лекарств», иные мерзкие, иные «чародейские», некоторые вроде бы практичные... но все бесполезные.

Повсеместно считалось, что сам воздух служит пищей для заразы, потому как атмосфера была спертой и душной. Если бы удалось ее «расшевелить», все стало бы хорошо. Ради этого били в колокола, стреляли из пушек и ружей, громко играли на музыкальных инструментах. Перед тем как людям войти в комнаты, там расставляли парное молоко и теплый свежеспеченный хлеб, запускали мелких птичек и пауков, якобы способных забирать на себя яды. Именно вера в обеззараживающие свойства растений лежит в основе обычая сжигать в помещении разные душистые травы и листья: надежда, что их дым прогонит инфекцию. С этой целью использовали ель, лавр, листья дуба, полынь, майоран и лаванду. Но их хотя бы было приятно нюхать, хоть и трудно дышать. Хуже, когда, исходя из веры в целительные свойства крепких запахов, доходили до крайностей: жгли кожу и рог, запускали в комнаты вонючих козлов, даже человеческие испражнения считались весьма действенным средством изгнания зла. Что-то вроде «клин клином вышибают». Некоторые врачи пытались протестовать. «Я не могу понять, что за благо способно из этого проистечь. Как может подобное зловоние оказаться для них благодетельным? Напротив, я полагаю, что столь зловредные запахи скорее станут причиной большей заразы. И тем не менее некоторые верят, что неуязвимость для чумы некоего города в Голландии зависит единственно от его свиной грязи». К услугам тех, кто обладал тонкой чувствительностью к тошнотворным запахам, был аптекарь, продававший им за высокую плату свои собственные средства. В воскресенье пациент должен был вдыхать эссенцию, то есть экстракт, душистой руты, роз и гвоздики, помещенных в маленькую шкатулочку из можжевельника или алоэ. В понедельник аптекарь давал шкатулочки с зеленой руттой, полынью, розмарином и тимьяном (чабрецом). Во вторник можжевельник помещали на губку... и так далее всю неделю. Каждый день пациента снабжали разным сочетанием душистых трав. Очень популярны были ладанки, набитые гвоздикой, куда помещали шарик смолы или янтаря. Особенно ценился табак: его курили в трубках или нюхали.

Аптекари сколачивали на этом состоянии, хотя пользы приносили мало. Впрочем, они, по крайней мере вносили приятные ароматы в зловонные комнаты (см. рис. 69).

Рис. 69. Врач навещает чумного больного. Из медицинского руководства 1493 г.

Рис. 70. Больница: врач приносит ароматический шарик (см. также рис. 69)

Более сомнительными были распространяемые шарлатанами магические или святыя снадобья от чумы. В обычное время общепринятым средством защиты были амулеты, «предохраняющие» своего обладателя от чумы или беды. В периоды эпидемий их производство и продажа возрастали стократ. Некоторые из них оказывались весьма экзотичны и доступны лишь очень богатым: например, безоаровый камень, рог единорога и некоторые драгоценные камни, особенно аметист. Бедным приходилось обходиться костью из голо-

вы жабы, языком ядовитой змеи или скорлупой ореха, наполненной ртутью. Люди обращали взоры и души к церкви не только за духовным утешением, но и за лекарствами, и церковь быстро откликалась на их мольбы. Надежным средством считалось носить на груди бумажку с именами святых и повторять особые молитвы. «Тот, кто сделает все это, не умрет от чумы, потому что это средство было много раз испытано в то время, когда чума свирепствовала». Если же человек вопреки всему умирал, то он, несомненно, был не тверд в вере. Клочки бумаги, исписанные молитвами, сложенные семь раз, полагалось съедать каждый день на пустой желудок. Это было еще одним верным средством. Жители Неаполя владели письмом, написанным Богородице, в котором она обещала им полную неприкосновенность от чумы. Оно испускало сладостный аромат на 7 миль вокруг, но позже доказало свою недействительность, когда Неаполь пережил худшую эпидемию в писаной истории и в течение пяти месяцев умерло около 300 тысяч человек.

Одной из немногих эффективных мер был карантин. Венецианцы между 1348-м и 1485 годами разработали и применили правила, которым потом многие последовали. Властям очень помогло то, что Венеция располагается на островах. Но, кроме того, она была портом, и соблюдение профилактических мер оказалось жизненно важным. Многие опустошительные эпидемии были занесены кораблями. Венецианские власти заключали всех иммигрантов на одном из островов, где они должны были проводить по 40 дней. Назначенный период имел религиозный смысл - именно столько дней Христос провел в пустыне. Был учрежден санитарный совет, которому в 1504 году была дана власть над жизнью и смертью. Свидетельства о здоровье ввели в 1527 году. Другие страны последовали этому примеру, сочетая контроль практический с религиозным. Там, где разражалась эпидемия чумы, строго соблюдались законы, преследовавшие аморальность. Особые нападки, естественно, вызывали игра в кости, азартные игры вообще, а также пьянство. Изготовителям костей грозило разорение. Но они перестроились и перешли на производство четок, потребность в которых оставалась неизменной.

В 1533 году парижский парламент издал длинейший ордонанс[14] - относительно общественной гигиены. Все заболевшие чумой и те, кто с ними соприкасался, обязаны были носить белый жезл. Наследникам умерших от чумы было запрещено выносить собственность из чумного дома, пока не закончится эпидемия. Были закрыты общественные бани. Хирургам запрещалось лечить обычных больных после визита к чумным. Кровь, которую они пускали у таких больных, нельзя было выливать в реку. Каждому горожанину вменялось в обязанность заботиться о том, чтобы дорогу перед его домом мыли дважды в день, а сточные канавы прочищали. В Труа был издан абсолютный запрет на посещение города. Четыре старухи, которые все-таки туда проникли, чтобы продать старье, были подвергнуты порке за городом. В Берлине целые улицы стояли перекрытые цепями, около которых дежурили стражники, то есть их превратили в кладбища. Наказание за нарушения этих правил могли достать человека и в могиле. Так, в Кенигсберге некая служанка заразилась себя и хозяина, взяв вещи из дома, пораженного чумой. Она умерла, но, когда ее преступление было раскрыто, тело ее вырыли из могилы, повесили на виселицу, а потом сожгли. Однако контроль над ограниченными территориями в течение недолгого времени не мог иметь длительного эффекта. Без соответствующей системы канализации, водоснабжения или обширного карантина оставалось лишь молиться и хоронить мертвецов.

Из-за огромного числа умерших зародилась одна особенно жуткая профессия (см. рис. 71). В дни разгула болезни добропорядочность была отброшена, и мертвецов оставляли на милость профессиональных могильщиков. В их задачу входило собирать трупы, так что это опасное и отвратительное занятие предоставлялось отбросам общества.

Рис. 71. Захоронение покойников на ранних этапах эпидемии. По мере того как число их росло, входили в обычай общие могилы и появлялись профессиональные могильщики

Могильщиками становились приговоренные к смерти преступники, предпочитавшие отдаленную смерть немедленной. Часто этим занимались освобожденные галерники, что само по себе говорит об условиях на этих судах. Несомненно, смерть наступала и их, но вместе с тем это давало им временную неприкосновенность, так что они становились некой жутковатой аристократией перевернутого общественного порядка. Город был для них открыт настежь: они имели законное право входить в любой дом, подозреваемый в зачумленности. К обычным грабежам прибавился шантаж, так как ничто не мешало им объявить обитателя дома зараженным, и тогда их долгом было выволочь его на улицу и увезти в чумной барак. Люди готовы были все отдать, лишь бы избежать такой участи и уберечь от нее своих близких. Могильщики обращались с покойниками самым мерзким образом, но еще хуже и чудовищнее относились они к слабым. Со зла или из нетерпения они ускоряли смерть больных или даже выносили их, еще дышавших, и бросали в общую могилу. Их обвиняли, часто справедливо, в том, что они намеренно распространяли чуму, разбрасывая зараженные вещи по городу, дабы продлить болезнь и тем улучшить свое благосостояние или выжить из дома его обитателей и вволю пограбить. Распространение чумы было обычным обвинением даже для простых горожан, и, если преступление доказывали, виновных подвергали зверской смерти. Чумные больные намеренно искали контакта со здоровыми и пытались передать им заразу, частично по злобе, но частично из-за поверья, что таким путем могут сами избавиться от болезни. Многие верили, что это было орудием нового племени протестантов против истинно верующих. В 1564 году в Лионе власти объявили, что «еретики, когда видят, что число их убывает, обращаются к детям Сатаны. Мазями, полученными из ада, они мажут дома католиков». Нехватки в козлах отпущения никогда не ощущалось.

Колдовство

В XVI и XVII столетиях почитание колдовства приобрело такое значение, какого не удостоивалось даже во время так называемых темных веков. Те же самые столетия, которые видели, как человек изучает природу мироздания, стали свидетелями расцвета иррационального культа демонов и духов. Парадоксально, что именно христианская церковь, изо всех сил старавшаяся уничтожить практику сатанизма, придавала законченную форму этой самой практике. Чтобы побороть сатанизм, необходимо было дать ему определение, а определяя его, церковь создавала то, что до сей поры являлось просто народными сказками, не более чем фольклором. Все формальные составляющие культа существовали на просторах Европы задолго до того, как им были предъявлены официальные обвинения, но на протяжении столетий церковь довольствовалась тем, что объявляла их пустой фантазией. Легенда о женщинах, летающих по ночам, вызывала особое презрение. «Какой же дурак поверит, что с телом может случиться то, что происходит лишь с душой?» Этот стойкий здравый смысл вынужден был в конце концов отступить под натиском разгорающегося фанатизма. В 1458 году древний церковный запрет на подобные верования был порушен одним инквизитором из Германии, заявившим, что возникла новая секта, которую не могли предвидеть даже Отцы Церкви. Двадцать шесть лет спустя папа Иннокентий VIII, встревоженный этим, якобы захватившим Германию, культом колдовства, объявил крестовый поход против него и велел двум инквизиторам, Крамеру и Шпренгеру, изучить состояние вопроса. Названная пара посвятила пять лет усиленных трудов исполнению приказа и выдала на свет руководство по колдовству, которое и по сей день считается краеугольным камнем в легальном преследовании ведьм.

«Маллеус малефикарум» («Молот ведьм») был отлит в форме научного диспута. Описывался один случай, иллюстрирующий отдельно взятый феномен, рассматривались возражения и делалось заключение. Трудно понять характер Шпренгера, главного автора книги: некоторые видят в нем «опасного и злонамеренного фанатика, который наслаждается нелепостями и, более того, чувственностью», другие придерживаются твердого убеждения, что он был человеком большой учености и благочестия, сделавший все, что было в его силах, для искоренения проклятого культа. Несомненно, его труд производит впечатление необычайно глубокомысленного анализа. Однако он болезненно поглощен сексуальными аспектами колдовства, которые доминировали в суждениях его современников. Он подробно и долго обсуждает, может ли человеческое существо зачать ребенка от демона. Именно Шпренгер несет ответственность за один из самых гнусных поклепов на женщин.

Рис. 72. Ведьма и дьявол. Гравюра на дереве. Начало XVI в.

Колдовство, утверждал он, более свойственно им от природы, чем мужчинам, из-за присущей женщинам порочности сердца и большего пристрастия к плотским утехам. «Все это доказывается происхождением слова «фемина» (женщина) от сочетания слов «Фэйт» (Вера) и «минус», потому что она слабее в приверженности к сохранению Веры». Это заключение привело к неслыханным мукам несчетного количества женщин, большинство из которых были старыми или слабоумными. Мужчин сжигали сотнями, а женщин тысячами.

Демонология, ставшая наваждением Европы более чем на два столетия, была построена частично на умозаключениях, а частично на признаниях самих ведьм. В идеале ведьма должна была признаться во всем сама, но вместе с тем считалось «законным иногда вести расследование на основании несомненных признаков и догадок или предположений». Другими словами, если ведьма не спешит поделиться яркими подробностями, дознаватель может добавить к ее показаниям сведения, почерпнутые из своих богатых схоластических знаний, дополняя их деталями, которые подскажет ему воображение. Почти всегда ведьмы сознавались в самых невероятных обвинениях, и к названному запасу знаний прибавлялось еще много живописных подробностей. Пытка была неотъемлемой и законной частью дознания, и не многие люди могли устоять перед грозящими страданиями, которые все равно должны были завершиться смертью. Адвокат, если его присутствие дозволялось, выбирался прокурором, но и его самого могли обвинить в колдовстве, если он выказывал себя слишком ревностным защитником. По всей вероятности, большинство так называемых адвокатов сами были некой разновидностью обвинителей. На одном бургундском судилище дворянин де Бофорт был обвинен, и дознаватель побуждал его признаться. Когда де Бофорт запротестовал, говоря, что не может совершить клятвопреступление и признаться в том, чего не делал, ему было обещано заранее отпущение грехов. Он в конце концов согласился признать вину... и был тут же приговорен к смерти.

Вопросы инквизиторов следовали определенному шаблону, потому что они исходили из предубеждения. Естественно, и ответы следовали тому же шаблону, и таким образом получилось, что один и тот же культ, целостный и отточенный до последней ужасающей подробности, вдруг распространился по всей Европе.

Под пыткой осужденные признавали свою вину и наговаривали на других, которых пытали в свою очередь, и те оговаривали новых людей... круг ширился и ширился. «Христианский мир впал в безумие, а Сатана мог только радоваться признанию его могущества в дыме бесконечного сожжения, должного свидетельствовать о триумфе Всевышнего». Тем не менее с самого начала существовала трезвая, разумная оппозиция этому процессу. Один из членов испанской инквизиции высказал взвешенное мнение, что охотники за ведьмами сами во многом ответственны за разрастание подобного культа. «Когда общественное сознание встревожено и поражено страхами, любое возбуждение опасно и усиливает зло. Не было ни ведьм, ни заколдованных, пока об этом не заговорили все». Лучшим оружием против этого были молчание и сдержанность. Благодаря трезвой и холодной оценке в Испании ни применение колдовства, ни его искоренение не достигли того размаха, как в остальной Европе. Все другие страны внесли свой вклад в разрастающуюся мифологию. Немцы расписывали особые ужасы шабаша, французы и итальянцы - богохульство черной мессы, Англия породила концепцию «фамилиара», то есть животного - спутника ведьмы. А Швеция придумала человека-коня, подкованного по-конски, который доставлял ведьм на шабаш. То, что среди приговоренных за колдовство и ведовство были практикующие ведьмы, сомнений не вызывает. Некоторые сами в это верили: частые упоминания о всевозможных дурманящих зельях тому порукой. Кто-то из них действительно мог придерживаться не христианского, хотя не обязательно зловещего культа. Но большинство были просто увлечены таким простым человеческим интересом к эзотерическим знаниям, желанием стать членом обособленной группы со своим тайным языком и ритуалами, способностью испытать в этой группе краткий миг всевластия и могущества.

Наибольшее число легенд о колдовстве сосредоточено вокруг шабаша (см. рис. 73-74).

Рис. 73. Подготовка к шабашу: справа ведьму растирают волшебной мазью

Рис. 74. Шабаш ведьм. С гравюры Ганса Бальдунга Грина. Начало XVI в.

Согласно общепринятому мнению, сборище ведьм, называемое шабашем, совершалось в некотором отдалении от того места, где они жили. Цивилизация кончалась на окраине города или деревни. В ночное время местность за их пределами в большинстве европейских стран представляла собой темную глухомань, все еще покрытую густыми непроходимыми лесами. Стоило отойти на каких-нибудь несколько сотен ярдов от окраинных жилищ, и вы оказывались в полном уединении. Случайный припозднившийся путник ни за что не стал бы медлить и исследовать происхождение странных огней или звуков, потому что даже вполне земной страх перед разбойниками был не таким пугающим, как ужас пе-

ред сверхъестественным. Тем не менее народная фантазия придерживалась твердого убеждения, что шабаш происходит в каком-то неопределенном, но далеком месте и добраться туда можно лишь чудесным образом. Множество научных диспутов было посвящено проблеме ночных полетов, и большинство ученых сходилось во мнении, что они становились возможны благодаря действию волшебной мази. На Бургундских процессах инквизитор ошеломил ужаснувшийся мир перечислением ингредиентов одного из этих снадобий, потому что они, как и магические ритуалы, в разных местах были неодинаковы. Мазь готовили, скармливая выкраденные в церкви священные облатки[15] жабам, которых затем сжигали. Потом к пеплу добавляли порошок, полученный из костей повешенных и кровь новорожденных младенцев. Когда руки и ноги ведьмы, а также ее палочку смазывали этим составом, их обладательницу мигом и безошибочно переносило через леса, горы, реки и озера прямо к выбранному месту проведения шабаша. Изготовление этой мази включало в себя все, из-за чего ведьмы внушали такой ужас: богохульство, связь с темными силами, ограбление могил, детоубийство.

На всех шабашах присутствовал дьявол или его помощники. Он принимал разные облики: традиционные - с рогами, хвостом и когтями, человеческое, а чаще всего какого-то животного. Если отбросить налет сверхъестественного, описание дьявола-животного со всей очевидностью подходит к человеку в маске, одетому в звериную шкуру и повторяющему ритуалы какой-то примитивной религии. Описания происходящего на шабаше различаются в зависимости от богатства воображения ведьмы и ее обвинителей. Там было все: каннибализм, непристойные танцы, мерзостные пиры, кошунственные религиозные обряды. Пища на шабаше была особенно отвратительной. «Все, кто удостоился чести быть допущенным к столу дьявола, признавались, что пиры его настолько омерзительны по виду и запаху, что легко вызовут рвоту у самых голодных и алчных». Даже вино было отвратительным, ибо выглядело как густая полусвернувшаяся кровь и подавалось в грязных сосудах. Прихожане, способные добровольно отведать этой трапезы, должны были совершенно погрязнуть в гнусной мерзости. Но, хотя именно шабаш занимал воображение публики и ученых, жилище ведьмы и ее признания давали самый большой материал для создания жутких легенд, питавших общепринятые представления о колдовстве и колдуньях.

В большинстве поселений люди могли ткнуть пальцем по крайней мере в одну женщину, обычно немолодую, на которой сходились все подозрения. Любое ничем не подкрепленное обвинение отправляло ее на костер. Заболевала, например, какая-то женщина, тут же высказывалось предположение, что недуг - результат насланной порчи. Больная соглашалась с этим, а если не могла сразу назвать имя ведьмы, ей зачитывали список подозреваемых. Какое-нибудь имя привлекало ее внимание, и после необходимых формальностей эту персону сжигали. Местной ведунье ее соседи могли поставить в вину все, что угодно. «Потому что, если несчастье, горе, болезнь или потеря детей, зерна или свободы приключалась с ними, они начинали восклицать, что виноваты ведьмы, как будто нужны здесь, на земле, какие-то старухи, чтобы вызвать людские бедствия». Из-за таких воображаемых злодейств тысячи женщин по всей Европе были повешены, или сожжены, или утоплены. К тому же здесь присутствовал некий элемент извращенного правосудия, потому что казнить ведьму можно было, только если считалось, что она своим мрачным искусством вызвала смерть или тяжкое увечье. Лишь Англия породила принцип казни ведьм не за причинение вреда, а просто за то, что они ведьмы (см. рис. 76).

Рис. 75. Мэтью Хопкинс с ведьмами и их фамилиарами. С титульной страницы его «Разоблачения ведьм». 1647 г.

Рис. 76. Массовая казнь ведьм в Англии. Слева за решеткой остальные ведьмы ждут своей очереди. Справа доносчик получает вознаграждение

Псевдонаука разоблачения ведьм, которая расцвела пышным цветом в Англии той поры, была основана на распознавании фамилиаров, то есть демонов-друзей, которые служили ведьмам под видом животных. За службу ведьмы вскармливали их своей кровью, причем эта операция оставляла заметный след, известный как знак дьявола или сосок. Особенно уязвимы были живущие одиноко старушки, потому что их домашние любимцы легко попадали под подозрение, а возрастные физические недостатки ретивыми искателями ведьм с готовностью объявлялись знаками дьявола. Добродетельное рвение к розыску колдуний дополнялось денежной наградой. Активность таких лиц, как Мэттью Хопкинс в Англии (называвшего самого себя главным разоблачителем ведьм), скорее напоминает деятельность крысолова, чем охотника за сверхъестественными существами. Впрочем, обвинение в том, что он хорошо наживается за счет общин, пробило даже его толстую шкуру, он ведь утверждал, что «требуется лишь по 20 монет с города и должен иногда проезжать ради этого по 20 миль и ничего кроме с этого не имеет (хотя может проводить там по неделе), а находит всего три-четыре ведьмы, а даже если и одну, то это все равно дешево. А такую большую сумму он берет на содержание своей компании и трех лошадей».

Хопкинс подробно описывает кучку демонов, прислуживавших ведьме, которую он обнаружил в Эссексе (см. рис. 75). Их имена представляют собой странную смесь обыденности и экзотики. Норка походил на белого котенка, Дребезжащий Синяк выглядел как толстый безногий спаниель, Уксус Том напоминал гончую с головой быка, и, наконец, Мешок Сахара - в точности черный кролик. Хопкинс настаивал, что сами их клички свидетельствуют о сверхъестественном происхождении, потому что никто из людей не сумел бы их выдумать. Его метод добиваться признаний являлся грубой формой допроса третьей степени: ведьме не давали спать сутки при ярком освещении, пока ее фамилиар в отчаянии от голода не показывался на свет. Хопкинс, правда, не объяснил, почему сверхъестественное существо так отчаянно нуждается в физическом питании. Окончательным испытанием была проба булавкой: предполагалось, что ведьма не чувствует боли, если уко-

лоть ее булавкой в дьявольский знак. Многие из обвиняемых умирали при этом испытании еще до начала суда, потому что дьявольские знаки могли находиться на жизненно важных органах, а булавка скорее походила на рапиру.

Последняя казнь ведьм в Европе произошла в Германии, в сельской местности, где вспыхнула эпидемия. Не существует точных данных о числе ведьм, казненных между XV и XVII столетиями. Один инквизитор хвастался, что за 15 лет отправил на тот свет 8 тысяч ведьм; на протяжении XVI века в Трире их погибло 7 тысяч; за один год в Тулузе было сожжено 400 ведьм, в Женеве - 500, а в Бамберге - 600. Английские летописи, вероятно самые точные, оценивают число казненных между 1542-м и 1736 годами в тысячу человек... Англия всегда считалась терпимее остальных. Другую крайность представляет собой цифра 100 тысяч за весь XVII век - число казненных в Германии. Непредвзятому наблюдателю может показаться, что тем, кого пощадила чума или война, все равно пришлось умирать от страха, злобы или фанатизма своих ближайших соседей.

Война

В эпоху Возрождения на полях сражений воевали наемники, и именно это, а не применение пушек отличало войны той поры от предшествующих веков. Использовать наемников начали гораздо раньше; хотя ядро великих армий, сотрясавших Европу грохотом сапог в Столетнюю войну, было феодальным, их основную массу составляли наемники. Постоянная армия вошла в жизнь после Ренессанса. На поверхностный взгляд различий между наемником и солдатом на жалованье не слишком много. Однако такой солдат более управляем и дисциплинирован, потому что ему платят или, во всяком случае, он надеется получить плату в мирное время. Как и другие аспекты общественной жизни, периоды мира и войны плавно перетекают друг в друга, а потому все три класса военных существовали одновременно. Отряды феодального ополчения на континенте возникали повсеместно, одновременно проводились опыты по созданию постоянных армий. Однако типичным солдатом той эпохи оставался наемник, человек, который за оговоренную сумму соглашался служить какому-то господину ограниченный отрезок времени.

В дни существования феодальных армий население захваченной страны тяжело страдало не только в войну, но и в мирное время. «Война кормит войну» - это правило считалось непреложным. Для десятков тысяч солдат никакого провианта особо не заготавливали и точно так же не заботились о многих тысячах людей, «идущих за солдатами». Когда-то оценка баварской армии звучала так: 30 тысяч воинов и 130 тысяч гражданских лиц обоего пола, следующих за армией. Один генерал, проводивший военную кампанию в Нидерландах, жаловался, что у него заготовлено провианта лишь на 40 тысяч солдат, но к ним примкнуло еще 120 тысяч «сопровождающих». Ожидалось, что вся эта орда будет кормиться за счет страны пребывания, такое вежливо-уклончивое определение означало, что захватчики будут отбирать силой то, что им понадобится. Эта практика резко замедляла продвижение войск, которые к тому же не могли отступать тем путем, каким пришли, потому что там уже нечем было поживиться и прокормиться. Дисциплинированная армия забирала только провизию... и оставляла крестьян умирать с голоду. А разнузданная грабила подчистую все, до чего могла дотянуться. Награбленная добыча считалась законным источником оплаты. Эти правила существовали на протяжении всей эпохи наемников и с годами становились только хуже. Количество людей, следовавших за армией, возрастало, потому что наемник был, по сути, кочевником и вся его семейная жизнь протекала в военном лагере. Но гораздо хуже для местного населения было то, что наемники встречались повсюду и не поддавались никакому контролю. Феодальная армия входила в страну, чтобы принять участие в какой-то определенной войне, и независимо от того, проигрывала она эту войну или одерживала победу, большая ее часть возвращалась домой и рассеива-

лась. А входившие в нее наемники искали себе другую войну. Останься они на месте, их бы уничтожили, потому что они оказались бы в меньшинстве.

Рис. 77. Всадники и пехотинцы, конец XV в.: битва при Форново. 1495 г.

Простые люди, по которым прокатывались, словно Божий бич, волны захватчиков, выработали приемы, позволявшие выжить. Все ценное, что нельзя было унести, прятали, а крестьяне спасались за стенами ближайшего города. Обитатели сельских мест были связаны с городом множеством уз. Их могли призвать служить в ополчении, они платили налоги гражданским властям, продукты их трудов кормили горожан. В свою очередь, многие горожане имели интересы в сельской местности, будь то роскошная вилла или маленькая ферма, так что на время войны они предоставляли своим сельским соседям убежище в городских стенах. Армия захватчиков решалась на осаду с величайшей неохотой. Среди солдат скоро начинались болезни, поскольку в лагере не было соответствующих санитарных удобств. Если их щадила дизентерия, голод пощады не давал. Провизия в непосредственной близости быстро истощалась, и по мере того, как солдатам приходилось отправляться за едой все дальше и дальше, армия начинала таять. Осажденные горожане и крестьяне могли позволить себе ждать, хоть и приходилось терпеть скученность. Со временем армия уходила, и крестьяне могли вернуться домой, вырыть ценности и заняться прерванными делами. Однако все посева оказывались уничтоженными, словно после налета саранчи, ведь, даже просто идя по земле, такая огромная масса народа вытаптывала все напрочь, не говоря уже о злонамеренном вредительстве, что случалось нередко. Впрочем, сознание того, что до следующего вторжения могут миновать месяцы или годы, поощряло людей в городах и деревнях браться за восстановление утраченного, чинить сломанное, заново сеять и всячески возобновлять нормальную жизнь.

Рис. 78. Оружейники за работой

Пришествие наемников разрушало этот тяжелый, но ясный порядок. Им не могли противостоять ни милиция, ни феодальные рекрутские сборы, и они оставались в данной местности, пока их не манили обещания богатой добычи где-нибудь еще. Условия мирной жизни часто оказывались для населения хуже, чем военные действия. Битвы требовали присутствия наемников, и наниматель должен был им платить. А в мирное время оказывалось, что отвечать за наемников некому, и они становились разбойниками. Бывали среди их предводителей люди весьма опытные, настоящие профессионалы высокого класса (см. фото 16), наводившие определенный порядок в своих отрядах, потому что дисциплина подразумевает эффективность, а эффективность обеспечивает больше денег. Но обычно воины, ставшие наемниками, обладали средними способностями и предпочитали вымогать золото у слабых, а не вступать в бой с равными. Наемник представлял сомнительную ценность для нанимателя, потому что в первую очередь заботился о собственной выгоде и был верен себе, а затем капитану своего отряда. В сущности, эти капитаны полностью зависели от своих подчиненных, потому что те соблюдали верность начальнику, только пока тот мог обеспечить им богатую добычу. Битвы между армиями наемников были относительно бескровны и малорезультативны. Обычное дело для наемника, попав в плен, согласиться поднять оружие против прежнего хозяина. «Мы взяли в плен так много наемников, - докладывал один генерал своему государю, - что можем восполнить потери своей армии». Край, который они взялись защищать, был избавлен от их грабежей не больше, чем территория противника. В каждой местности рассказывали об этом свои ужасы, отличающиеся лишь в деталях (см. рис. 79). «Страсбургская газета» сообщала, что в Вену вошел отряд поляков, «людей кровожадных и страшных».

«Проходя через одно местечко, они наткнулись на свадьбу. Они зарезали жениха и свадебных гостей, изнасиловали всех женщин, ограбили все столы, забрав еду и столовое серебро, содрали с женщин их одежду и увели с собой невесту. За городом они теперь про-

дают по семь-восемь гульденов одежду, которую не шить и за сотню талеров. Я видел своими глазами, что даже конюхи их пьют теперь из серебряных чаш».

Рис. 79. Наемники грабят деревню. Из «Хроник» Голиншеда. 1577 г.

Не было силы, способной справиться с этими волками в человеческом обличье. К тому времени, как набирался отряд добровольцев достаточный, чтобы с ними сразиться, наемники были уже далеко. Одиночек разъяренное население могло предать мучительной смерти, но мало что можно было предпринять против банды этих разбойников, нескольких тысяч крепких мужчин, призываем которых стало убийство.

Расцвет наемничества был связан с городами. В Италии и особенно в Германии возросшее богатство торговых городов сделало экономически выгодным нанимать для военных действий профессионалов. В то же самое время именно это процветание приводило к соперничеству, отчего чаще возникали войны, а значит, требовалось больше солдат. По мере того как Европа переходила от экономики, базирующейся на землевладении, к экономике золота, появлялось больше свободных денег для найма солдат. Правители были вынуждены следовать этой моде. Феодалные связи ослабевали, а честолюбивые устремления принцев росли. Реформация добавила к этому религиозные войны, дав новый толчок древней ненависти. Поле деятельности наемников стало неохватным.

Пушка была, по-видимому, впервые применена на поле битвы при Креси в 1346 году, а ручное оружие и гранаты использовались по всей Европе с середины XIV столетия (см. фото 18). Однако прошло более полувека, прежде чем порох изменил основы военной стратегии, и лишь в конце XVI века было создано эффективное личное огнестрельное оружие.

Наряду с новым вооружением оставались в употреблении копье, меч и лук, а воины-всадники были заключены в латы, весившие примерно 350 фунтов[16]. Именно они являлись несокрушимым ядром армии вплоть до XVI века. Золотой век доспехов начался спустя пятьдесят лет после первых слабеньких пушечных выстрелов при Креси. Панцири ис-

пытывались самым мощным оружием, которое только можно было против них применить, некоторые доспехи дошли до наших дней с этими следами «пробных пулевых выстрелов». Современник отметил, что сэр Филипп Сидни, убитый в 1586 году, уцелел бы в битве, если бы не снял свой набедренник. Доспехи той поры состояли по крайней мере из 19 главных частей (см. рис. 80), устроенных и соединенных таким образом, чтобы обеспечить максимальную свободу движений при максимальной защите. Но даже самый умелый и изощренный оружейник ничего не мог поделывать с огромным весом металла. Человека в одном из наиболее тяжелых доспехов нужно было поднимать на лошадь журавлем, а его гигантскую пику пристраивали к нему, и там он оставался, пока его не снимали с седла или битва не кончалась.

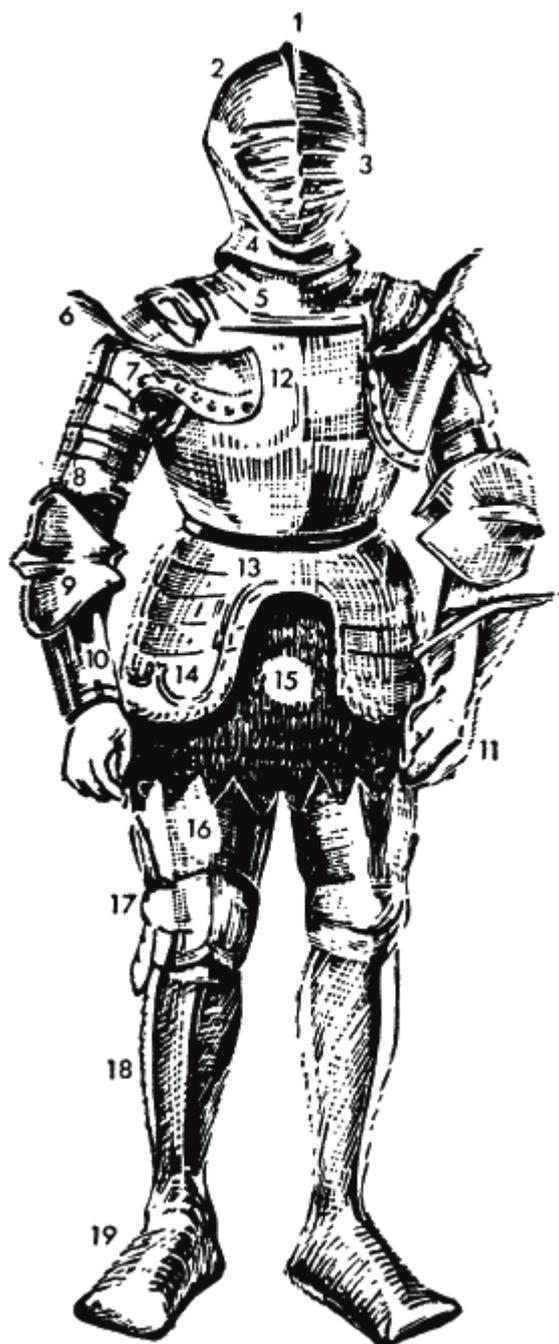
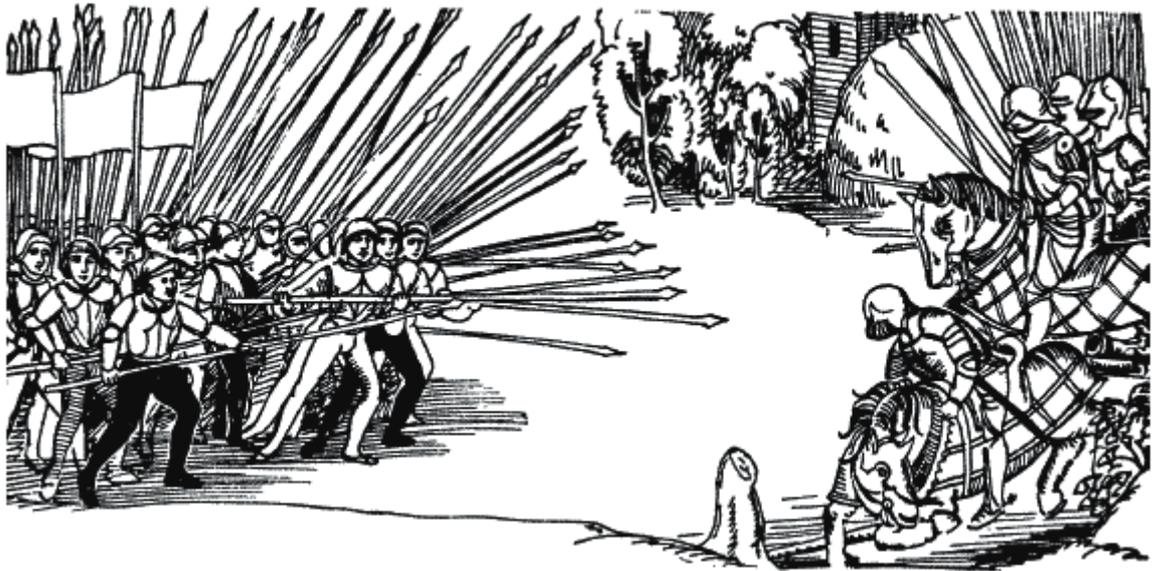

Рис. 80. Доспехи. 1550 г.: 1 - гребень шлема; 2 - шлем; 3, 4 - забрало; 5 - латный воротник; 6 - наплечники; 7 - оплечье лат; 8 - наручи; 9 - налокотники; 10 - наручники доспехов; 11 - латная перчатка; 12 - кираса (нагрудник); 13 - застежки; 14 - набедренник; 15 - «юбка»; 16 - набедры; 17 - наколенники; 18 - поножи; 19 - стальной баширак (солерет)

Рис. 81. Копейщики. Копье (пика) давало пехотинцу большое преимущество перед всадником

В тесной близости с несколькими сотнями своих товарищей он составлял таран, противостоять которому было невозможно. Предполагалось, что эскадрон тяжело вооруженных воинов столкнется с тем же числом латников армии противника. Критерием силы был только вес. Копье фокусировало мощь движения всадника с конем и сшибало врага наземь, а там он оказывался беспомощным, как перевернутая на спину черепаха. С ним легко справлялась пехота, или же его брали в плен ради выкупа.

В Средние века в Европе пехота представляла собой презренный сброд. Тем не менее именно этот сброд в конце концов научился противостоять ударам бронированных всадников. Технику борьбы с ними разработали швейцарцы. В их бедной гористой стране не хватало средств на создание и содержание конницы. Да и нанимать ее было бессмысленно, так что конь не казался им мистическим существом, которым очарованно восторгались другие нации. Они создали свою сильную и стойкую пехоту, а оружие, которое они применяли против кавалерии, было чуть ли не самым старинным в мире: палка с острым наконечником. В обновленной форме это оружие стали называть пикой или копьем, и достигало оно 18 футов[17] в длину (см. рис. 81).

Стоя плечом к плечу, масса копейщиков, оцетинившаяся стальными остриями, была почти непреодолимой преградой. А когда натиск конной атаки захлебывался, всадник в латах терял свою грозность. Он все еще возвышался над пешим воином и мог причинить ему большой вред мечом, но появилось оружие, сводившее это преимущество на нет: алебарда, копье с крюком и топором на конце. Крюком рыцаря стаскивали с седла и удерживали на месте. А затем пронзали или рубили до смерти.

Рис. 82. Аркебузир. Из руководства по стрельбе XVI в.

Рис. 83. Мушкетер. Начало XVII в.

Военное преимущество перешло от всадников к пехотинцам, и неуклюжий всадник, одетый в металл, ушел в прошлое. Однако сами кони, с их скоростью и маневренностью, с преимуществом высоты, которое они давали, остались ценным вооружением. И вскоре кавалерия приспособилась к новым условиям. Этому чрезвычайно помогло создание ручного огнестрельного оружия. Огромный вес пушки ограничивал ее применение: ее было трудно сдвинуть с места, и она действовала лишь в фиксированных точках, обычно во время осады. Но ручное огнестрельное оружие можно было применять на поле боя. Самая ранняя разновидность представляла собой просто трубку, укрепленную на палке, а заряд поджигался фитилем - трехъярдовым хлопчатобумажным шнуром, вымоченным в селитре, который приходилось все время держать зажженным и подносить к заряду вручную. Позднее был придуман механизм, который подводил тлеющий фитиль к соприкосновению с порохом посредством некоего рычага. Из этого-то оружия родились аркебуза (см. рис. 82) и мушкет (см. рис. 83), которые в сочетании с пиками царили на европейских полях битвы на протяжении двух столетий. Пистолет несколько выравнивал шансы всадника. Мушкетеру приходилось таскать на себе не только тлеющий фитиль, но и запас пороха, причем в опасной близости друг к другу. Многие взрывали сами себя, не успев зарядить оружие. Его вообще зарядить было непросто. Черный порох держали в одном сосуде, а более тонкий порох для первичного поджога - в другом. Отмеряли нужное количество черного пороха и вместе с пулей, взятой из кожаного мешочка, забивали в ствол, первичный порох насыпали в раструб и поджигали. Вошло в обычай отмерять нужную порцию пороха заранее и носить при себе в маленьких деревянных ящичках, называемых патронами. В конце XVI века мушкетеры носили с собой «бандольеры», с которых свисали маленькие деревянные цилиндрики, с отмеренным количеством заряда и запала, то есть первичного поджигающего пороха. Сам мушкет был необычайно длинным, и им невозможно

было пользоваться без поддерживающего упора, поэтому в снаряжение мушкетера входил еще и тяжелый костыль для этой цели.

Инквизиция

Более трехсот лет просуществовала организация, специально предназначенная для поддержания католической ортодоксии в Европе. Под влиянием пап-гуманистов раннего Ренессанса ее влияние ослабло, но XVI век увидел ее возрождение. В некоторых странах власть инквизиции слилась со светской властью государей, в других, особенно в Испании и в Италии, это оружие принадлежало исключительно церкви. Области ее деятельности были весьма широки: сегодня ее испытывали на себе евреи, завтра мусульмане, а потом христиане-еретики. Даже небольшое нарушение мелких церковных уложений могло поставить человека перед трибуналом: пьяница ждал суда рядом с симонитом (торговцем церковными должностями), убийца - с богохульником. И вновь и вновь ужасающая мощь инквизиции использовалась как орудие личной мести, потому что для того, чтобы запустить это страшное колесо, достаточно было простого заявления-доноса.

Самые жуткие формы инквизиция приняла в Испании, достигнув такой степени жестокости и независимости, которая ужаснула даже Ватикан. Учрежденная в 1478 году, она продержалась там до XIX столетия, то есть долгое время спустя после того, как другие нации ее отвергли. Страна, цивилизованно и трезво отказавшаяся преследовать ведьм, окунулась в оргию безумной жестокости, подвергая казни собратьев-христиан наравне с евреями и мусульманами. Однако хотя в Испании рьяная суровость ее доходила до крайности, методы, ею применяемые, были одинаковы во всех странах. В каждом городе, где возникал суд инквизиции, распространялся «Эдикт веры», требовавший, чтобы все, кто знает о ереси, пришли и заявили о ней. Это было недвусмысленное приглашение свести старые счеты, потому что имя доносчика жертве никогда не говорили. Обвиненного брали под стражу, за его собственный счет, и, даже если, хоть это было очень мало вероятно, признавали совершенно невинным, все равно подвергали большому штрафу... потому что инквизиция не могла ошибаться никогда. Прежде чем предъявить улики обвинения, от него требовали присягнуть, что он никогда не разгласит подробности суда. Таким путем трибунал не только оберегал себя, но и усиливал всеобщий страх. Мудрый человек, освободившись из этих тисков, крепко держал язык за зубами, предоставляя друзьям и соседям воображать что угодно. Судебная процедура инквизиции (см. рис. 84) была не хуже судилища светских властей. Пытку применяли не часто, потому что один намек на нее вкупе с угрозой заключения в тюрьму на неопределенный срок развязывал все языки. А когда суд был окончен, осужденного, если он раскаивался, принимали вновь в лоно церкви. Суд был тайным, но покаяние и восприятие обратно, известное как аутодафе, совершалось публично. Аутодафе превратились в своего рода публичные развлечения, которые нередко привязывали к какому-либо королевскому или светскому празднику. Предполагалось, что толпы собирались поглазеть на спасение грешников. На приговоренных, и раскаявшихся и нет, надевали санбенито, просторное одеяние, балахон, помеченный особыми символами (см. рис. 85).

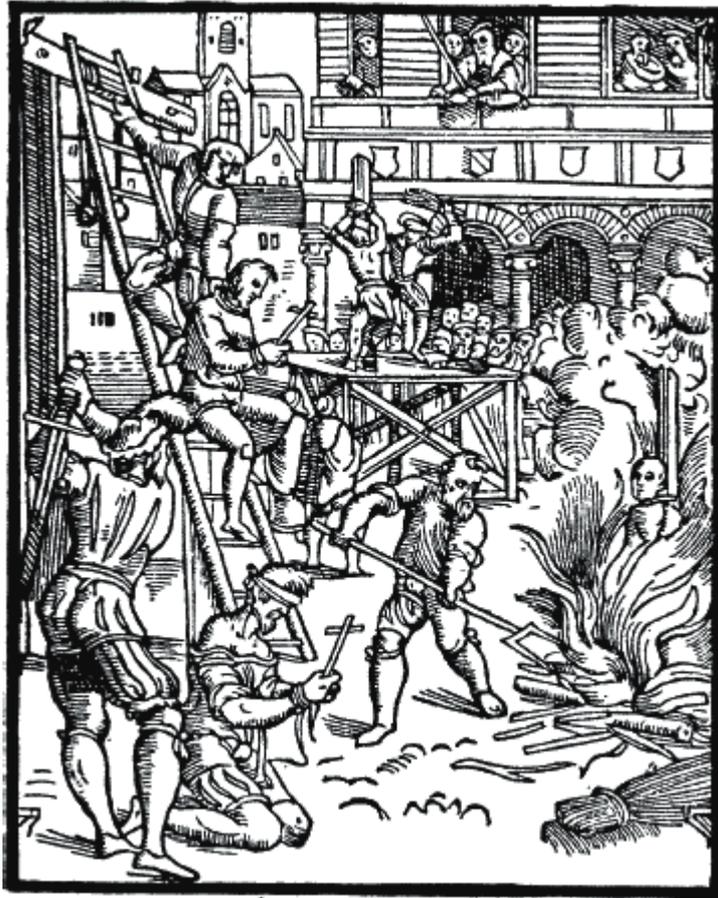
Рис. 84. Инквизиция

Рис. 85. Казнь после аутодафе: на жертве надето санбенито приговоренного

Спереди и сзади на санбенито кающегося был нашит крест святого Андрея. На балахонах нераскаянных монахи-художники, давая волю воображению, рисовали чертей и сцены ада, как бы предвосхищая место посмертного назначения грешника.

Процессия священников, солдат, городских чиновников и приговоренных прибывала на городскую площадь. Церемония обычно начиналась с общего провозглашения веры. Сохранилось письмо от испанского корреспондента Фуггеров, где он сообщает об одном таком аутодафе, состоявшемся в Севилье в воскресенье 3 мая 1579 года. Там было 38 осужденных, чьи преступления колебались между обыденными и тяжкими, причем наказания также различались по степеням. Луис Морено, крещеный мавр, пытавшийся бежать в Берберию (Северная Африка), предположительно чтобы соединиться со своими родными, «был приговорен к санбенито и четырем годам заключения. Там его должны будут наставлять правилам веры, и он получит 100 ударов розгой». Раб-негр получил два года тюрьмы за то, что отрицал чудеса Христовы. Богохульнику прокололи язык, остальных подвергли бичеванию или отправили на галеры. Страшный приговор к смерти сожжением у столба приберегали для самых тяжких преступлений. Но в то майское воскресенье толпу развлекли зрелищем лишь одного человеческого существа, корчащегося в адских муках. Это был некий «Орбиан, уроженец Фландрии, переплетчик, тридцати лет от роду. Он сжег несколько разных картин с изображением Господа нашего Иисуса Христа и полностью отдал свою веру учению Лютера». К нему могли проявить милосердие и удавить его, прежде чем разожгут костер, если бы он покаялся, хотя бы под конец, но он эту милость отверг. Наказание 38 осужденных, должно быть, заняло большую часть воскресного дня, потому что заканчивается письмо идущим от сердца возгласом: «Vale! Как я рад, что это закончилось!»

Рис. 86. Виды казни. Гравюра на дереве. XVI в. Нюрнберг

Глава 7

Мир учености. Книгопечатание

Книгопечатание явилось миру полностью готовым именно в тот момент, когда в нем возникла потребность. Оно стало результатом, а не причиной интеллектуального брожения в Европе, однако без него это брожение так и осталось бы уделом ограниченного круга людей, живущих и работающих изолированными группами. До этого изобретения все книги в мире переписывали от руки. В каждом центре учености, при каждом дворе имела целая армия переписчиков, и текст, признанный ценным, обязательно воспроизводился в сотнях копий. Однако никакого общего плана в деле переписывания рукописей не существовало: ученый, пожелавший иметь данный манускрипт, должен был отыскать его копию, затем поручить переписчику повторить ее и оплатить ему десятки часов, которые тот проведет, исполняя заказ. Возможность ошибки из-за невежества или небрежности переписчиков возрастала с каждым экземпляром, так что в конце концов возникла отдельная проблема - установить правильный исходный текст. Великие произведения вроде Библии сберегались тем, что всегда находился человек, желающий иметь собственный экземпляр. А вот сочинения людей неизвестных ограничивались несколькими копиями, имевшими хождение среди друзей и пропадавшими на время или навсегда, после того как первый интерес к ним угасал. В результате авторы вновь и вновь возвращались к проблемам, уже решенным другими людьми в дальних странах или в стародавние времена. Книгопечатание открыло средство общения, подобного которому ранее не бывало. Труды избранных становились доступны многим, и среди этих многих находились те, кто продолжал их труд

далее, делая еще один шаг по дороге познания и в свою очередь публиковал свои результаты для еще более широкой аудитории.

Споры об истинном изобретателе книгопечатания стары, как оно само. В 1499 году летописец из Кельна уверенно заявляет, что это работа «бюргера из Майнца, рожденного в Страсбурге, по имени Юнкер Иоганн Гутенберг». На летописца яростно напали оппоненты, стремившиеся перехватить эту честь для своей страны, но все имеющиеся свидетельства подтверждают его правоту. Гутенберг родился где-то между 1394-м и 1399 годами. Примечательно, что большая часть информации о нем почерпнута из судебных исков. В 1439 году его привлекли к суду братья человека, который был его партнером, но умер, так и не увидев результатов совместных трудов. Братья стремились заполучить подробности «секретного процесса», над которым работали партнеры. Их иск провалился, однако именно в нем мы находим указания на начало книгопечатания в Европе.

Подробности дела весьма туманны. Тогда не существовало патентного права для защиты нового изобретения, и всем заинтересованным лицам хотелось держать факты при себе. Однако данный процесс почти наверняка связан с изготовлением матрицы для набора. Еще говорили о «прессе», который находился в собственности покойного, но это был предмет обыденный. Тиски с ручкой, которая при опускании сильно давит на пластину, были хорошо известны и широко использовались. Уникальный вклад Гутенберга в величайшее мировое изобретение была не сама идея процесса, а производство тысяч совершенно одинаковых передвижных букв. Печатание - перенос знаков с одной поверхности на другую - достаточно старо. Гутенберг наверняка был знаком с игральными картами, которые печатались с деревянных резных досок, намазанных разноцветными чернилами и потом прижатых к бумаге. Был даже такой прием: напечатать заголовок книги на обложке с помощью больших букв, вырезанных из латуни. Когда Гутенберг был жив, еще существовал в Европе обычай вырезать целую страницу текста на куске дерева, так сказать единым блоком. Эти блок-книжки пользовались большой популярностью, но их применение ограничивалось воспроизведением кратких популярных текстов, потребность в которых всегда оставалась стабильной. Чтобы вырезать один-единственный блок, требовалась многочасовая работа. И его больше нигде нельзя было использовать. Для того чтобы в большом количестве печатать объемные труды, требовалось нечто иное: подвижные буквы, из которых можно быстро складывать бесчисленные комбинации, то есть самые разные слова.

О самом Гутенберге сохранились скудные свидетельства, однако можно сделать вывод, что всю свою жизнь он был связан с изготовлением маленьких металлических предметов. Майнц был широко известен как город, славящийся тонкой и точной работой своих мастеров по драгоценным металлам. Семья Гутенберг долгое время имела отношение к архиепископскому монетному двору. Таким образом, он был знаком с технологией высокоточной отливки и штамповки металла. Это должно было стать ключом к решению проблемы. Деревянные буквы резали вручную, и самый умелый и опытный резчик невольно вносил свои варианты при каждом повторе, которые накапливались по мере сборки. А металл можно было расплавить и вылить в форму, что давало быстрый и простой метод производства тысяч абсолютно одинаковых фигурок. При этом, если фигура стиралась и делалась нечеткой, материал можно было использовать снова. Изобретение Гутенберга свело воедино два привычных знакомых объекта: штемпель (пуансон) и отливку. Штемпель делался из твердого металла, и на его головке вырезалась требуемая буква или символ. Когда им ударяли по куску мягкого металла (матрицы), он переносил на него точное изображение этой буквы или символа. Затем матрицу вводили в основание прямоугольной формы требуемого размера, сделанной на петлях, чтобы можно было потом вынуть готовый оттиск и залить в него расплавленный металл. Простой, но дорогостоящий принцип работы. Гутенбергу приходилось нести большие расходы простого печатника и в то же время иметь под рукой резервы, чтобы решить кучу проблем, с которыми всегда сталкивается новатор. Ему удалось с успехом довести свое изобретение до совершенства, но не хватало

деловой хватки. Как вошел он в историю через иски к нему, так и покинул мир, находясь под судом по иску, вчиненному ему Йоханом Фустом, золотых дел мастером, предоставившим ему капитал для крупного выпуска продукции. Гутенберг не сумел выплатить долг, и все оборудование перешло в руки чужого человека.

Рис. 87. Печатный станок 1507 г. С современной гравюры на дереве

По меньшей мере к 1460 году книгопечатание стало привычным фактом жизни. Через два года после этой даты в Майнце разразилась гражданская междоусобица, и маленькая группа печатников, обосновавшаяся там, вынуждена была покинуть город и перебраться в другое место Европы. В 1465 году книгопечатание добралось до Италии, а пять лет спустя печатный станок заработал во Франции. Их примеру последовали Нидерланды, и там, в городе Брюгге, англичанин по имени Уильям Какстон овладел этим новым искусством и позднее установил свой собственный печатный станок «под знаком красной ограда» близ Вестминстерского аббатства в Лондоне.

Быстрый рост книгопечатания зависел от запасов дешевого и доступного материала, на котором можно было бы печатать тексты. Ученый мир на протяжении многих веков пользовался пергаментом и веленью[18]. Но это были очень дорогие писчие материалы, так что приходилось соскабливать письма манускриптов и повторно использовать пергамент для новой работы. Требовался дешевый, долговечный и легкий в производстве писчий материал, соответствовавший производительности печатных станков. Таким материалом для печатников оказалась бумага. Она впервые появилась в Европе в XII веке в ответ на растущие потребности возникших университетов. Книгопечатание резко повысило в ней нужду и сделало крупномасштабное производство бумаги экономически выгодным делом. Обычно исходным сырьем для нее были льняные тряпки, вываренные до пульпы и растертые в тончайшую массу типа сметаны. В полученную пульпу опускали мелкую деревянную рамку с днищем из плотно сплетенных проволочек, которую затем поднимали, давая стечь воде и получая таким образом тонкий слой густого осадка. Рабочий резко

встряхивал поднос, чтобы нити сцепились, и лист мокрой бумаги стряхивали для сушки (см. рис. 88).

Рис. 88. Изготовитель бумаги

Позднее вошло в обычай вплетать в проволочное днище какой-либо девиз или символ, который менял толщину пульпы и образовывал затем «водяной знак». Этот простой метод позволял получать привлекательный материал такой долговечности, что сделанные из него книги существуют и сегодня, спустя пятьсот лет, почти не изменившись и не испортившись. Бумагу доставляли печатникам в листах, а не в рулонах, и каждый лист был точно равен по размеру подносу, в котором его делали.

Для важнейшей части книгопечатания - изготовления шрифтов - требовалось весьма простое оборудование: печь, меха, разливной ковш и запас драгоценных матриц (см. рис. 89).

Штампы (штемпели или пуансоны) уже были вырезаны, а матрицы приготовлены искусным мастером, вероятнее всего ювелиром по образованию. Работа литейщика шрифта была в основном механической. Крохотное количество расплавленного металла выливали в форму. Он застывал почти мгновенно, и щелчком пальцев выбрасывали сверкающий новенький шрифт. Его осматривали на предмет дефектов, грубые края опиливали и затем присоединяли к остальным в корзине. Затем буквы рассортировывали и передавали наборщику. Самая ранняя из известных иллюстраций, изображающих печатный станок, встречается в «Танце ужаса» 1499 года, где Смерть приходит, чтобы увлечь работника в свой танец (см. рис. 90). Видны все существенные подробности: наборщик с ящиком шрифтов, сам неуклюжий печатный станок и Смерть, схватившая печатника как раз в тот момент, когда тот приготовился потянуть за рычаг, а также работник с чернильными валиками, которыми смачивается шрифт.

Рис. 89. Изготовление шрифта. С гравюры по дереву из «Книги ремесел»

Перед наборщиком помещены страницы манускрипта, а он занят подбором шрифтов. Буквы будут вставлены в наборную линейку, которую он держит в левой руке, а затем перенесены на двухстраничную матрицу, лежащую рядом с ним на скамье. В свою очередь, заполненная матрица переносится на каменную полку станка, где ее смачивают чернилами. Лист бумаги, на котором будет отпечатан текст, помещается на контейнер с петлями, и сверху на него налагается внешний лист, тимпан. Тимпан накрывают листком велени (тонкого пергамента), в центре которого вырезано отверстие точно по размеру печатного пространства. Это делалось для того, чтобы защитить поля бумажного листа от грязи или чернильных брызг, случайно попавших на рамку, удерживающую шрифт. Как только лист бумаги укреплен в нужном положении, шрифт и бумагу подводят под печатную пластину пресса станка, винты подтягивают, и печатная форма (пластина) приходит в контакт с бумагой, создавая сильное, но ровное давление.

Рис. 90. Смерть и печатники. Из французского «Танца ужаса» («Данс макабр»). 1499 г.

Несмотря на медленный рабочий процесс, удалось осуществить амбициознейшие проекты. Самыми ранними документами, отпечатанными на станке, стали индульгенции - простые листы, покрытые текстом с одной стороны. Однако вскоре началась работа над книгой, которую и сегодня считают одним из самых прославленных изданий. Речь идет о «Сорокадвухстрочной Библии», названной так по числу строк на каждой странице. Работать над ней, по всей вероятности, начали Гутенберг с Фустом. По любым стандартам эта первая печатная книга в мире остается одной из красивейших на свете. Первые словолитчики (отливщики букв) стремились точно воспроизвести существовавшие тогда почерки манускриптов (на которые была своя мода), и они настолько успешно справились с этой задачей, что лишь очень опытный глаз может уловить разницу между манускриптом и ранней печатной книгой. Долгое время было принято разрисовывать от руки (иллюминировать) заставки и первые буквы глав. Новое ремесло не сразу вытеснило спрос на работу переписчиков. Состоятельные ученые поначалу отнеслись с предубеждением к использованию печати, они считали недостойным сохранять мысли великих таким образом. Но постепенно все больше писцов обнаруживали, что их нанимают лишь для особых роскошных работ. Спрос на дешевые копии книг рос неустанно, потому что Европа жаждала знаний.

Наука

Термин «наука» в его современном понимании появился не ранее XVIII века, и прошло еще столетие, прежде чем словом «ученый» стали называть людей, посвятивших себя специальным научным занятиям. На протяжении всей эпохи Возрождения слово «наука» использовалось в его первоначальном широком смысле, как всякое «знание» вообще. В своей страсти к познанию всего на свете греческие ученые не делали разницы между естественно-научными и гуманитарными работами. И те и другие тщательно изучались, искаженные тексты корректировались и добавлялись в общую сокровищницу знаний. Тем не

менее, по мере того как огромное количество давно забытых сведений, накопленных греками, постепенно входило в обиход, развивалась специализация. Были, конечно, такие титаны, как Леонардо да Винчи, который в своей неистощимой любознательности свободно владел всем спектром мира наук физического. Он и ему подобные стремились к синтезу, пытались возродить быстро распадающуюся на составные части Вселенную, вернуть ее к целостности, описанной греческой философией. Джордано Бруно считал, что преуспел в этом, объявляя, что Бог и Его творение суть одно и то же. За это его сожгли, как представителя ереси нового типа. Однако большинство сознавало свою ограниченность и занималось лишь сегментами открывшегося перед ними огромного поля Непознанного. В отличие от других наук естествознание лишь спорадически развивалось в течение XV и XVI веков, но зато его открытия доходили непосредственно до простого человека, потому что касались растений у него под ногами, звезд у него над головой и его собственного тела.

Полное принятие классических авторов, убеждение, что они все описали и объяснили раз и навсегда, позднее вызвало сильнейшую реакцию, когда выяснилось, что знали они далеко не все. Один французский ученый XVI века успешно доказал, что Аристотель - старейшина всех ученых и философов - был кругом не прав. Наглядным примером послужила ботаника. Сочинения Плиния и Аристотеля по этому предмету, вполне естественно, касались растительного мира их родных южных краев. Северные наблюдатели, сравнивая старинные описания с живыми образцами, растущими у них перед глазами, нашли очевидные расхождения. Это открытие создало серьезный прецедент: опасно слепо доверять даже самому почитаемому автору. Лишь собственный опыт, эксперимент может исправить найденную ошибку. Тогда люди забросили изучение старых текстов и вышли в поле. В то время сельскую местность воспринимали как стратегическое пространство, которое нужно завоевать, машину для производства пищи. Цивилизованный человек жил за крепкими стенами, стараясь как можно быстрее пересечь опасные пустынные земли. Поэтов и писателей, воспевавших красоту сельских видов, было не так много. Теперь на всех снизошло восхищение Природой. В 1542 году один немец писал: «Нет на свете такого человека, кто не знал бы, что самое приятное и восхитительное в этом мире - бродить по горам и лесам, украшенным россыпью цветочков, и неотрывно ими любоваться».

Ботаника служила целям практичным и немедленным, давая в руки лекарей все возрастающее число целебных трав. Первый ботанический сад был учрежден в Падуе в 1542 году, а вскоре появился и первый гербарий, собрание засушенных растений. Не существовало ни терминов, ни специального языка, чтобы точно и адекватно описывать образцы растений, и ботаники вынуждены были прибегать к помощи иллюстраторов. Те сначала стремились в точности скопировать реальное растение, находившееся у них перед глазами, старательно отмечая все индивидуальные их особенности и дефекты, но затем появился класс иллюстраторов, способных на большее. В XVI веке вышло множество «Садов здоровья» или «Травников», которые задумывались как лечебные пособия, но благодаря высокому качеству иллюстраций и печати получились книги, прекрасные сами по себе.

Тем же путем развивалась зоология, но, поскольку открытия из этой области не имели столь же широкого применения, как ботанические, ей уделяли меньше внимания. Однако уже в XVI веке возросшая способность ученых к сотрудничеству привела к созданию некоторого числа серьезных работ, в число которых вошли не только отдельные книги, но и энциклопедии. Швейцарец Конрад Геснер, потратив тридцать шесть лет, написал «Историю животных», впечатляющий пример научной и финансовой кооперации. Он сделал попытку грубо классифицировать животный мир, и его описания известных сухопутных животных достаточно точны. Вот морские обитатели представляли проблему. По мере расширения границ известного мира мест, где водились чудовища, столь любимые народными сказаниями, становилось все меньше. Глубины моря были и долго оставались последним приютом неведомого. Даже сегодня периодические напоминания о морском змее или лох-несском чудовище неизменно вызывают интерес публики.

Никто не мог возразить автору, населившему морские глубины самыми необычными и странными существами, и Геснер трудолюбиво воспроизвел некоторых из них, хоть и отказался комментировать реальность их существования (см. рис. 91).

Рис. 91. Геснерова рыба-епископ

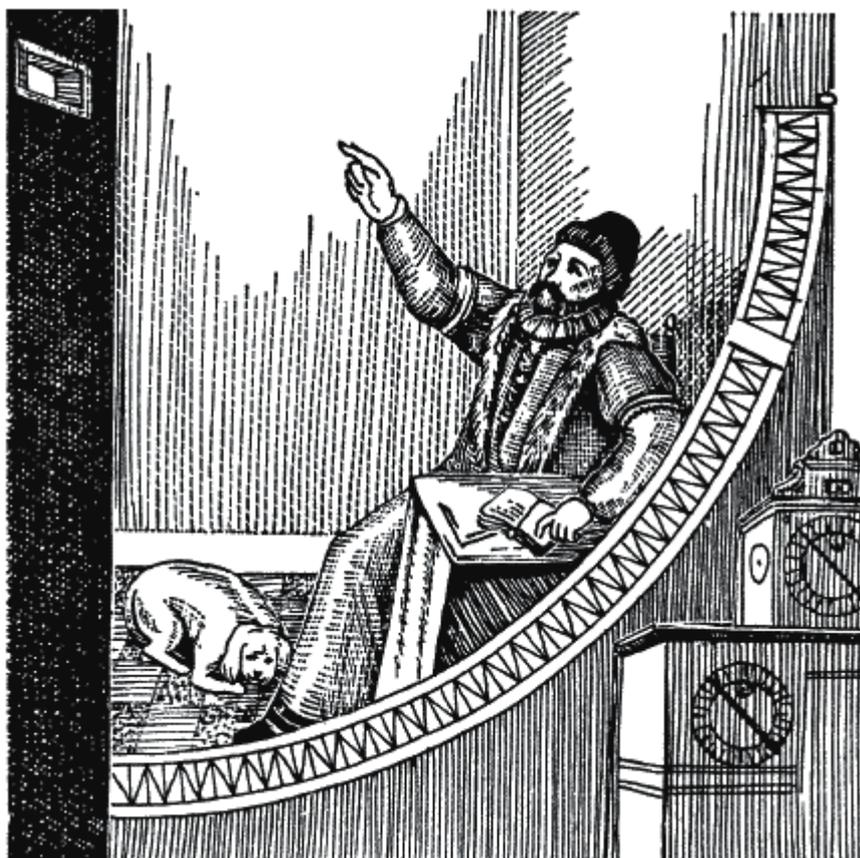
Астрономия

Наука Ренессанса тяготела скорее к умозрительности, нежели к экспериментам, поэтому величайшее открытие той эпохи возникло благодаря математике. В обиход вошли арабские цифры, вкупе с привычными сегодня математическими символами «плюс» и «минус» и т. п. В 1584 году появился трактат о десятичных дробях, а несколько ближе к концу XVI столетия Джон Непер усовершенствовал систему логарифмов, что резко ускорило вычисления. Однако все это были лишь орудия, разумеется важные, но, даже взятые все вместе, они кажутся тривиальными по сравнению с открытиями, сделанными без их помощи в области астрономии. Это был вопрос, по поводу которого даже самые невежественные и смиренные считали возможным высказывать свое мнение, потому что разве не одно и то же небо у всех над головой? Разве не одни и те же звезды и планеты видят пастух и ученый? Людей, занимавшихся астрономией, более тревожило то обстоятельство, что предмет изучения находился в опасной близости к религии. И тем не менее именно каноник католической церкви Николай Коперник первым осторожно приоткрыл окно во Вселенную. Он родился в 1473 году. Сын польского торговца успешно сочетал карьеру церковнослужителя и ученого. Исследования проводил больше в кабинете, чем в обсерватории, так как именно путем сопоставления существующих астрономических теорий он пришел к своей собственной, устранявшей многие из их противоречий.

В те времена существовали две главные конфликтующие школы: школа Аристотеля и Птолемея, поддержанная церковью и университетами, которая воспринимала Землю как твердо закрепленный центр Вселенной, и школа Пифагора, которая придерживалась точки зрения, что Земля со своими сестрами-планетами обращается вокруг Солнца. Коперник

работал над этой проблемой более тридцати лет и распространял свою теорию в рукописях среди ученых собратьев. Публикацию он затягивал не из страха перед религиозным преследованием, а из-за гораздо более обыденного опасения стать посмешищем, потому что его теория вполне очевидным образом расходилась и с наблюдаемыми явлениями и с общепринятыми идеями. Он поддерживал теорию о кристаллических сферах, которые несут на себе небесные тела, вращаясь одна в другой, но при этом настаивал, что по законам математики Земля должна вращаться вокруг своей оси и двигаться вокруг Солнца. Его система включала в себя понятия, которые нельзя было наглядно продемонстрировать с помощью доступных тогда примитивных инструментов. Например, явления параллакса, когда из-за движения Земли вокруг Солнца кажется, что движется звезда, не наблюдали вплоть до XIX столетия. Но и для враждебно настроенных ученых, и для простых людей самым нелепым аспектом новой теории было приписываемое Земле движение, хотя каждому собственные чувства подсказывали, что она стоит на месте. Тщетно пытался Коперник приводить довод из классиков, напоминая: «Это то же самое, что у Вергилия говорил Эней: «Мы отплываем из гавани, и земля с городами удаляется от нас». На стороне нападавших был здравый смысл. Если бы Земля двигалась, то птицы и снаряды остались бы позади, а падающий камень никогда не достиг бы земли. Сам воздух слетел бы прочь с земного шара. Словом, вся эта теория сплошная чушь. Да, у Коперника были разумные причины подольше держать свои теории при себе, даже несмотря на то, что Ватикан поддерживал его намерение провести реформу календаря. Считается, что первый отпечатанный экземпляр его книги «Об обращении небесных тел» вложили ему в руки в день смерти, в 1543 году.

Поэты нападали на Коперника столь же рьяно, сколь и ученые. Даже первый настоящий астроном Тихо Браге (см. рис. 92) полностью отверг гелиоцентрическую теорию.

Рис. 92. Тихо Браге в своей обсерватории

В отличие от Коперника Браге основывал свои заключения на прямых наблюдениях и устроил первую в Европе эффективную обсерваторию. Именно из нее он провел наблюде-

ния за серией комет, сопровождавших появление Новой звезды в созвездии Кассиопея. Кометам не было места в жестких рамках Коперниковой системы кристаллических сфер, а Браге отменил их все, за исключением одной огромной сферы, которая и есть небеса. Но главным вкладом Браге в астрономию стало не построение новых теорий, а собрание воедино огромной массы данных, которая помогла затем его помощнику Иоганну Кеплеру выстроить законы движения планет.

Астрономы работали практически вслепую до 1699 года, когда итальянец Галилео Галилей узнал, что «некий фламандец соорудил подзорную трубу, посредством которой видимые предметы, пусть очень отдаленные от глаз наблюдателя, можно рассмотреть, словно они находятся рядом». Годом позже Галилей усовершенствовал свой собственный инструмент, который отныне давал увеличение в тысячу раз и делал предмет в тридцать раз ближе. Он назвал изобретение «подзорной трубой», но уже в 1611 году этому инструменту, позволявшему наблюдателю возвыситься над землей и увидеть истинную картину Вселенной, дали прозвание «телескоп». Многие наблюдения Галилея подтверждали теорию Коперника, окончательно установив, что Земля всего лишь один из целого семейства спутников Солнца, уверенно царящего в центре. Эти же наблюдения стали искрой, вспламенившей жестокую ссору между наукой и религией, которой отмечен XVII век и несколько последующих столетий.

Анатомия

В ту эпоху одним из самых привычных объектов наблюдения были человеческие трупы. Чума и войны порождали их сотнями и тысячами в самое короткое время. В каждом городе на виселице болтались разлагающиеся тела преступников, к ним постоянно добавляли свою лепту казни евреев, ведьм и еретиков. Большинство хоронили, но не всех. Частью это делалось в наказание, а частью из небрежения, особенно в малонаселенных местностях. Анатом Везалий мог уверенно заявить: «Гуляя по окрестностям, в поисках костей на проезжих дорогах, ибо туда обычно кладут тела казненных, я наткнулся на высохший труп». Трупы и скелеты постоянно появляются на рисунках с изображением Смерти. И все же, несмотря на всю привычность картины, люди почти ничего не знали о строении собственного тела. Так же мало, как о строении Солнечной системы. Классический пример принципа «смотреть не видя»! Все полагались на труды признанных авторитетов. Авторитетом в медицине и анатомии был Гален, греческий врач, умерший в 199 году до н. э. Его опыты по вскрытию ограничивались животными, но явные расхождения между его описаниями и наблюдаемыми фактами объясняли тем, что тело человека изменилось за прошедшие столетия. Гален писал о бедренной кости человека, что она изогнута, значит, бедренные кости людей эпохи Возрождения выпрямились благодаря ношению узких облегающих штанов.

Рис. 93. Везалий производит публичное вскрытие. Деталь титульной страницы его книги «О строении человеческого тела»

В 1543 году появилась работа «О строении человеческого тела», которая заложила основы современной медицины и анатомии и стала вехой в истории книгопечатания. Ее автор Андреас Везалий был потомком трех поколений врачей и с юного возраста приобрел опыт вскрытия (см. рис. 93). Тщательно изучая Галена, он был поражен ошибками, которые другие старались не замечать. Исполненный самоуверенности, граничащей с наглостью, он решил исправить учителя. Его собственный труд увидел свет, когда ему было всего двадцать семь лет. То была превосходная работа, проиллюстрированная 277 великолепными гравюрами на дереве, почти произведениями искусства. Ходили слухи, что некоторые из этих гравюр вышли из мастерской самого Тициана. Они сыграли свою роль в наглядности анатомических описаний, но художники дополняли каждую иллюстрацию прелестными не относящимися к делу деталями, стараясь создать живой фон, смягчить и очеловечить изображение. Фронтиспис книги стал знаменитой картиной, так как показал самого Везалия, красивого темноволосого молодого человека, который читает лекцию группе студентов. Его лицо обращено к читателю, левая рука крепко держит полурассеченную человеческую руку (см. рис. 94).

Рис. 94. Андреас Везалий. Фронтиспис его знаменитой работы

У Везалия были ошибки, но он показал истинное расположение кровеносных сосудов и строение сердца, хотя и не понял системы кровообращения. Тем не менее он перекинул мост между древней и современной анатомией, снабдил путеводителем новое поколение хирургов, пришедших ему на смену.

Алхимики

Примерно в то же время, когда Коперник и его собратья вырабатывали упорядоченную схему мира физического, достигла своего расцвета наука или искусство - наполовину шарлатанство, наполовину мудрость - алхимия. Это было познание, возникшее из мистицизма, но имевшее дело с солью земли. В XVIII веке, когда алхимия угасала, один француз, оглядываясь на ее более чем трехтысячелетнюю историю, так подвел ей итог: «Это история величайшего заблуждения и величайшей мудрости, на какие только способен человек».

Алхимические процессы были туманны и темны, частью из-за сложности их природы, частью из желания тех, кто ими занимался, скрыть от глаз непосвященных тайны великого Искусства. Алхимик не просто работал с металлами и химикатами, но был философом и мистиком, обследовавшим все аспекты мироздания в поисках универсального ключа к его тайнам. Считалось, что основы этого искусства были заложены богом Гермесом, отсюда и пошли термины, его определяющие: «Герметическое искусство» (алхимия) и «сыны Гермеса» (алхимики). Ею занимались в Древнем Египте и Китае, но европейские алхимики

выводили происхождение своих правил от так называемой Изумрудной таблицы законов, найденной в пещере с мертвым телом Гермеса несколько эр спустя после Потопа.

В основе алхимии лежали поиски философского камня (см. рис. 95). Для людей, настроенных коммерчески, этот камень являлся всего лишь веществом, которое, будучи приведено в контакт с неблагородным металлом, превращало его в золото в десяти-, ста- или тысячекратном размере. Однако для истинного алхимика этот камень представлял собой нечто большее. Золота они хотели не из алчности, не ради его самого, а потому, что оно казалось людям совершеннейшим из всех металлов. Считалось, что любой металл был бы золотом, если бы можно было предотвратить его загрязнение примесями земли. Этот камень считался чистейшим веществом, идеалом, умевшим преобразовать примеси и загрязнения. Он стал бы Живительным Эликсиром, способным продлевать человеческую жизнь, возвращать молодость и здоровье. Он дал бы человеку возможность понимать языки зверей, проникать в дальние страны, исправлять порочных и злых, улучшать сельское хозяйство. Но важнее всего то, что он не являлся порождением Сатаны, но, будучи возгоном сырьевых источников, созданных Господом, не мог не быть здоровым и целительным. Его названия и описания бесчисленны так же, как надежды, на него возлагаемые: «Молоко девственницы», «Тень Солнца», «Сухая вода», «Желтая медь философов», «Брат змеи», «Великий магистр». Существует список, который приводит около шестисот имен. Подготовка к его получению называлась Малым трудом, а само изготовление - Великим трудом. Описаний процесса его получения множество, но они настолько полны загадочных символов и ритуалов, что понять их мог лишь алхимик.

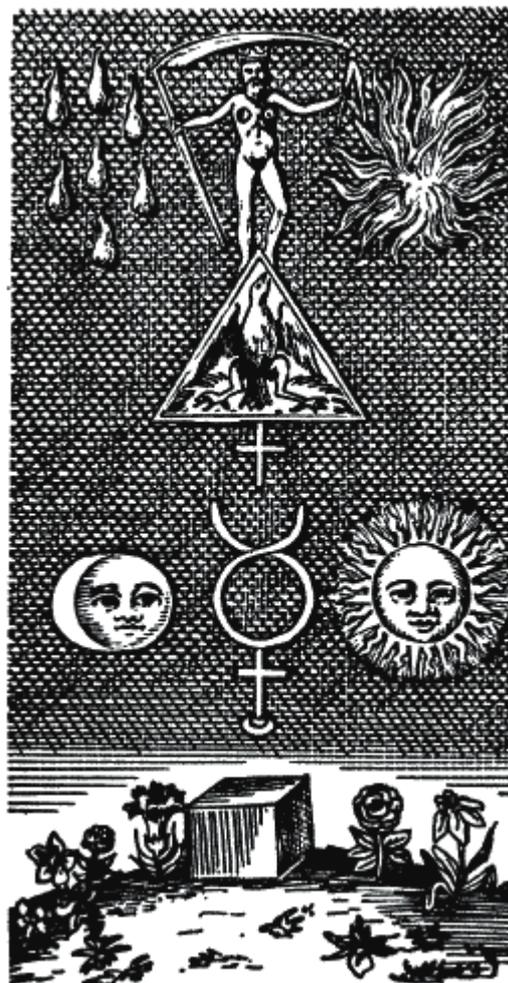

Рис. 95. Эмблемы философского камня

Итак, обычные золото, серебро, сера и ртуть снова и снова подвергались очистке в «вазе Гермеса» - герметично запечатанном стеклянном сосуде, имеющем форму яйца. Полученные «философские золото, сера или серебро» вновь перегонялись со всевозможными ингредиентами, способными к превращению под воздействием тепла.

Многие алхимические сведения представлены в форме иллюстраций. Из-за того, что в процесс включены самые несоединимые вещи, картины странно напоминают сюрреализм XX столетия. Большинство иллюстраций обозначают химические процессы, то есть изощренная аллегория заменяет современные химические формулы. Так, четыре ступени нагрева, требуемые на разных стадиях Великого труда, предстают в виде четырех сидящих женщин, каждая из которых увенчана солнцем, а солнечное тепло обозначают четыре знака зодиака. Прославленные 12 ключей Василия Валентина суммируют в одном завораживающем ряду все, что есть в алхимии мистического, аллегорического и практического. Имя Василий Валентин само по себе аллегория, весьма вероятно, псевдоним некоего монаха, жившего в конце XV столетия. Предполагалось, что ключи - это его последняя воля и завещание, что они есть руководство по процессу получения философского камня с первой до последней ступени, пригодное для тех, кто уже прошел предварительные этапы. Первый ключ показывает существенно важную очистку золота (см. рис. 96). Король означает металл, королева - серебро, волк - сурьму (разъедающий компонент), а старик - огонь. Короля следует скормить волку, которого затем подвергают обжигу, «...и этим процессом король будет освобожден и признан пригодным к первой стадии нашего труда». Последний ключ самый могущественный. «Тот, кто владеет тинктурой и незнаком с ее использованием, может вовсе ее не иметь. Посему двенадцатый, и последний, ключ должен открыть вам применение этого камня». Здесь Лев, который и есть сам Камень, сжирает змея (неблагородный металл), превращающегося в его плоть. Для философского камня было придумано много обозначений (эмблем), на одной из которых он выглядит как куб, рядом с которым растут семь цветов, означающих семь планет и связанные с ними металлы. Выше знак, символизирующий металлическую ртуть, по бокам которого расположены луна (серебро) и солнце (золото). Еще выше - знак феникса, заключенный в знак серы, а доминирует над всем этим венчаный король, в окружении огня и крови пеликана. Пеликан есть знак реторты, или перегонного куба (см. рис. 95).

Рис. 96. Первый ключ Василия Валентина

На последних этапах своего существования алхимия стала прибежищем шарлатанов, похвалявшихся, что способны получить золото из любого неблагородного металла, а на самом деле великолепно умеющих разлучать глупцов с их деньгами. В 1589 году упрямые жители Венеции оказали некоему Брагадини, одному из «алхимиков», честь, которую не оказывали и монархам. «Его осаждало такое количество принцев и лордов, что он находился в опасности, несмотря на то что его охраняло пятьдесят лучников. Он буквально расшвыривал золото лопатами». Были уверенные доклады, что Брагадини представил городу две ампулы с жидкостью, которая превратила ртуть в золото, ценой в шесть миллионов дукатов. «Безусловно, это покажется очень странным, но в это следует верить, потому что все делается так открыто, что сомнений не может быть». Спустя месяц после этого доклада Брагадини все еще не был разоблачен. «Позапрошлой ночью он изготовил два золотых слитка, каждый весом по фунту, в присутствии нескольких наших патрицианских старейшин. В этом деле не остается никаких сомнений».

Рис. 97. Алхимики за работой

Брагадини единственный из всей уймы фокусников действительно делал золото, пусть и не для своих нанимателей. То, как использует Бен Джонсон профессиональный жаргон этих мошенников в своем «Алхимике», свидетельствует, насколько широко были распространены их фокусы. Даже безграмотная аудитория знала достаточно, чтобы понимать ссылки и намеки на все эти грифоновы яйца, возвращение ворон, жирность земли и тому подобные многочисленные цветастые выражения всяких шарлатанов. Многих бросали в темницы, иногда их сжигали на костре, если раздраженные глупцы зывали к церкви, тре-

буя наказать их не как алхимиков, а как магов и колдунов. Однако некоторым удавалось разбогатеть. Профессия вынуждала их кочевать, быстро ускользать, прежде чем жертвы обмана обнаружат, что дорого купленный философский камень стоит не больше того материала, из которого сделан. Именно такие проходимцы привели алхимию к бесславному закату, но в пору своего расцвета она внесла большой вклад в науку. В поисках философского камня алхимики исследовали всевозможные вещества, без конца подвергая их разнообразной химической обработке. Из этих экспериментов родилось обширное знание химии и минералогии. Однако по иронии судьбы основы современной химии заложил не алхимик-философ, а презренный проходимец, человек, искавший золото из материальной заинтересованности. И хотя философский камень ускользнул от чистых и нечистых алхимиков, в огнях их многочисленных очагов случайно родился Камень дьявола, известный повсюду как порох.

Образование

Существует общепринятое мнение - живучее, но имеющее под собой мало оснований, - что в Средние века, за исключением священников, все население было поголовно безграмотным. На самом деле представителям многих профессий грамотность была просто необходима. Морякам, купцам, представителям помещиков, всем тем, чья работа требовала постоянного сведения счетов или сверки списков, приходилось знать алфавит и обладать минимальным знанием математики. Однако у всех ветвей власти образованность вызывала законное подозрение. Раз уж нельзя полностью подавить образование, разумно взять его под контроль. Ричард II Английский проявил настоящую просвещенность, когда в 1391 году не только отверг петицию некоторых землевладельцев, желавших запретить детям их сервов посещать школу, но повелел, что любой родитель в его королевстве волен послать своих детей в школу... если таковая найдется.

Когда столетием позже Реформация разорвала полотно Европы, была во многом разрушена существовавшая система образования. Лютер в своей прямолинейной, полной предубежденности манере охарактеризовал ее как устаревшую и негодную, дававшую ученикам «лишь начатки плохой латыни [дабы тот смог] стать священником... и притом оставался всю жизнь жалким невеждой, не способным ни кудахтать, ни яйца нести». Утверждая это, Лютер преследовал собственные цели, но и гораздо более сдержанный Эразм вторил ему, вспоминая с презрением свое детство и образование, заключавшееся в зазубривании плохих латинских виршей среди грубых неграмотных людей. Также разочаровал его Парижский университет. «Я вынес оттуда лишь тело, зараженное болезнями, и кучу паразитов».

В течение XVI века произошло совсем немного изменений в образовательной практике (см. рис. 99). В протестантских странах школы сделали светскими, хотя в расписании занятий почетное место по-прежнему занимали религиозные и классические предметы. В 1600 году какой-то англичанин, путешествующий по Германии, высказал мнение, что все немцы, даже из низших слоев общества, имеют хотя бы поверхностное знакомство с латынью, арифметикой и музыкой. В Англии во второй половине XVI века было открыто более двухсот новых школ, заменивших сметенные Реформацией монастырские школы. В ответ на вызов протестантов в 1540 году был учрежден орден иезуитов, одной из заявленных целей которого было «образование детей и других лиц, не ведающих христианства».

Отказавшись от мысли, что розга - единственное средство вбить знания в головы лентяев, иезуиты сделали большой шаг вперед в педагогической теории. Они стремились побудить учеников к овладению науками соперничеством, наделяя классы именами вроде Рима и Карфагена и сталкивая их друг с другом. Целью иезуитского подхода было воспитать детей, умеющих воспринимать идеи, а не рассуждать о них, способных блистать в дебатах, а не создавать собственные оригинальные работы.

Прошло много времени, прежде чем более либеральные методы обучения воплотились в жизнь. Постепенно росло осознание того, что у образования должна быть широкая база, пронизанная гуманизмом, и результатом его должно стать «мудрое и красноречивое благочестие». В Англии сэр Томас Элиот выпустил книгу, где обрисовал воспитание джентльмена, в котором уравновешены физическое и умственное развитие, где игры и спорт имеют равную ценность со знаниями. Однако такого спорта, как футбол, следовало избегать, «ибо в нем нет ничего, кроме зверской свирепости и внешней жестокости». В Париже некий испанец раскритиковал современный ему метод университетского обучения посредством дебатов, так как он превозносил софистику в ущерб истине. Даже Эразм, самый необычный педагог, распространял теорию, хоть и не слишком проработанную в деталях, но, тем не менее, великолепную по общей идее. «Нет у меня терпения к обычным учителям грамматики, которые тратят драгоценные годы, вдавливая правила в детские головы». Языком нужно овладевать мимоходом, разговаривая с детьми и читая им. Детей нужно обучать «без традиционной порки», между делом высказывая замечания, проясняющие предмет (см. рис. 98).

Рис. 98. Порка. С флорентийской гравюры. Около 1500 г.

Однако профессия учителя была малопривлекательна для здорового мужчины: долгие часы работы, нищенское жалованье, а поддержание дисциплины требовало довольно толстой кожи и крепкой руки. К тому же социальный статус этой профессии был весьма низок.

Существовало три уровня образования: начальный, средний и университетский. До Реформации преобладали монастырские школы, хотя были еще школы, основанные за счет благотворительной деятельности или же поддерживаемые гильдиями. Прошло много времени прежде, чем печатный станок снабдил их хотя бы минимальным набором необходимых учебников, а до той поры в начальных школах в ходу была роговая книжка, надолго

ставшая символом школяра. Это был кусок пергамента, прикрепленный к крепкой доске и защищенный тонким слоем прозрачного рога, на котором писали и молитву Господу, и алфавит, и одно-два основных правила грамматики. После того как ученик осваивал эту весьма элементарную начальную ступень, роговая книжка переходила его младшему брату. Религиозные наставления вдалбливали методом попугая. Кроме того, в круг основных предметов начальной школы входили чтение, письмо, арифметика и пение. «Грамматика», которой учили в средней школе, была предметом широким и включала в себя не только грамматику и сочинения на родном языке ученика, но также классическую латынь и литературу. Родители мальчика получали регулярные сообщения о его успехах в этом языке, потому что письма домой ученик обязан был писать на латыни. Необходимость переводить просьбы об одежде, деньгах и пище на мертвый язык наверняка доводила детишек до слез. А в университете обучение студента напоминало обучение подмастерья какому-нибудь ремеслу (см. рис. 100).

Рис. 99. Елизаветинская школа

Рис. 100. Преподаватель и студенты в университете

Университетский курс продолжался семь лет. Пройдя половину его, студент становился бакалавром, что соответствовало странствующему подмастерью, а становясь в конце обу-

чения магистром, студент также должен был представить на экзамен свое образцовое произведение - «шедевр»: прочесть публичную лекцию.

Образование женщин сильно отставало от мужского, но все же его не игнорировали. Дочерей аристократов учили дома, причем среди учителей встречались серьезные ученые. Дочери купцов обучались при женских монастырях, и это образование было не хуже того, которое получали их братья в монастырских или гильдейских школах. Никого не заботило образование девочек из бедных семей. Достаточно, если они научатся прясть, шить, готовить пищу и вообще вести домашнее хозяйство. Это был суровый, но закономерный обычай. Большую часть необходимых вещей в доме, которые нынче покупают за деньги, делали своими руками женщины.

Тяжкой была студенческая жизнь. В 1530 году в Итоне день начинался в 6 утра, около 9 утра четверть часа выделяли на завтрак, в 11 часов был перерыв на обед. Ужинали студенты в 5 часов пополудни и вскоре после этого ложились в постель. В Кембридже «были школяры, которые каждый день поднимаются в 5 часов утра и с пяти до шести произносят повседневные молитвы с призывами к Господу в обычной часовне, а время с 6 до 10 часов посвящается либо личным занятиям, либо общим лекциям. В 10 часов они отправляются на обед (где кусок мяса за одно пенни делится на четверых). После этой скудной трапезы они учатся до 5 часов дня, когда получают ужин, ничуть не лучше обеда. Сразу после этого они отправляются или обсуждать проблемы, или на иные занятия до 9 или 10 вечера. Затем, поскольку огня не зажигают, они вынуждены полчаса ходить или бегать, чтобы согреть ноги перед тем, как лечь спать».

Итак, день начинался в 5 утра и продолжался до 9 или 10 вечера, что соответствовало рабочему дню простолюдинов. Сыновья знати сохраняли привычный образ жизни и в университете. Считалось, что академические наставники должны помнить о том, что их социальное положение ниже, а сами аристократы были избавлены от наказаний, которым подвергали незнатных студентов. Судьба бедных школяров была совсем другой. Обычно они зарабатывали себе на пропитание и одежду, иногда честным трудом, иногда прося милостыню, иногда разбойничая. Пищу они ели мерзкую, крохотная сумма, выделявшаяся им на прокорм, разворовывалась нечестными слугами. На стол им подавали тухлое мясо, заплесневелый хлеб и прокисшее вино. Их отдых и развлечения в университете были сведены к минимуму. Обычным спортом были игра в кости, петушинные бои и раззадоривание медведя, развлечения запретные. Впрочем, точно так же были запрещены безобидные удовольствия вроде танцев, пирушек и простых игр. Главной забавой оставались драки «городских с учеными», типичные для всех университетских городов.

Обыватели были настроены против студентов: денег городу они не приносили, а беспорядки устраивали. С другой стороны, сами горожане всегда норовили обмануть студентов. Это считалось в порядке вещей. Взаимная неприязнь часто выливалась в открытую войну. В Эрфурте студенты убили трактирщика, осмелившегося спросить с них плату. Горожане, не добившись сатисфакции от университетских властей, выкатили пушку и расстреляли студенческое общежитие. Постоянным источником бунтов была Сорбонна, Парижский университет. Молодежь, которая всеми правдами и неправдами, нищенствуя, грабя и воюя шла со всей Европы, чтобы учиться в университете, была не склонна миндальничать с парижанами. Некоторые школяры создавали вооруженные шайки и терроризировали город и окраины, пока не встречали жесткие ответные меры со стороны городских властей. К моменту получения степени студент был хорошо подготовлен к битве жизни.

Глава 8

Град Божий

Религия была вплетена в самую ткань общества. Она была такой же неотъемлемой его частью, как золото в торговле или солдат на войне. Самая маленькая деревушка имела свою церковь, самый надменный город - кафедральный собор, целые поселения существовали лишь благодаря соседству с монастырем или центром паломничества. Пожалуй, не было семьи, которая не могла бы похвалиться родством со священником. На больших дорогах монах был столь же обычным путником, как солдат или торговец. В городах рясы, коричневого, черного, серого или белого цветов, вливались ровной нитью в пестроту улиц. Даже ругательства, которыми обменивались люди, так называемая «божба», имели в основе образы, связанные с историей Христа, превращенные в невнятную скороговорку. Они были кощунственными, но от долгого употребления утратили свой прямой смысл и выразительность. Время могли измерять продолжительностью молитвы. Крестьяне и дворяне, купцы и ремесленники пускались в религиозные споры со страстью, которую в иные времена вызывает только политика. Люди тысячами умирали на войне или на эшафоте из-за точной интерпретации какого-то теологического пункта.

Рис. 101. Церковь как место встреч

Церковь являлась естественным центром общины, поселения (см. рис. 101). Вплоть до второй половины XVI века, когда стали появляться здания, предназначенные только для театров, храм оставался единственным строением для публичных собраний под крышей. Часто церкви добровольно строили крестьяне или горожане и содержали на свои пожертвования. К ним привыкли, можно сказать относились с фамильярностью, у людей притуплялось ощущение сакрального характера храма. И они относились к этим зданиям без уважения, несмотря на бурные протесты священников. Ежедневное посещение мессы было общепринятым делом, и, естественно, церковь становилась местом встреч. В нефах устраивались пирушки, а во время войн массивное здание превращалось в убежище или склад. Все это приучило людей использовать церкви как крытый проходной двор или того хуже.

Собор Святого Павла в Лондоне приобрел печальную известность как «дом болтовни, драк, менестрелей, соколов и собак». Каждой большой церкви приходилось терпеть кощунственное присутствие ростовщиков, занимающихся своим делом в виду главного алтаря. Коробейники торговались в нефах, а уличные женщины, укрывшись от непогоды, искали клиентов. Церковный двор также был и проезжим и торговым местом.

Иногда, как в соборе Святого Павла, там пристраивался книготорговец, но чаще там предоставляли непристойные услуги. Вряд ли намеренное осквернение церквей фанатиками-пуританами было хуже этого непреднамеренного осквернения, которое осуществлялось походя задолго до Реформации.

Рис. 102. Папа Лев X в соборе Святого Петра

Пилигримов, все еще продолжавших совершать паломничества, теперь едва можно было отличить от путников, едущих по своим делам. Ушли в прошлое темная ряса, посох и кошель, заявлявшие об их статусе и защищавшие их от всех, кроме самых отъявленных злодеев. Теперь они одевались как люди, отправившиеся на отдых или в путешествие. В пути они развлекались, а приехав к месту назначения, исполняли свои обязанности формально, в манере, раздражавшей истинно верующих. Паломничество превратилось в некое подобие туристической прогулки, а не покаянного исхода, каким было ранее. Как и туристы нашего времени, пилигрим привозил домой сувениры, только они были священного или сверхъестественного рода. Перья из крыльев архангела Гавриила, сомнительного происхождения кости, предположительно какого-то святого, слезы Богородицы в дорогом флаконе, частицы истинного креста - все шло на продажу и легко находило покупателей. Коробейниками обычно бывали «святые братья», которые хорошо наживались на доверчивости невежественных. В Италии особенно эти монахи были причиной жестокого антиклерикализма, существовавшего бок о бок с искренней и глубокой верой. «Они обманывают и воруют, а когда оказываются без гроша, представляются святыми и устраивают чудеса. Один показывает плащ святого Винсента, другой - собственноручное письмо святого Бернардино» или уздечку коня еще какого-нибудь святого. Они устраивали целые представления: один из них притворялся слепым, или хромым, или прокаженным, дабы быть излеченным «чудесным» прикосновением плаща своего сообщника, лоскутья которого потом они продавали. Обитатели монастырей также подвергались нападкам за их праздный и роскошный образ жизни.

«Эти раскормленные господа в просторных рясах не проводят время в босоногих странствиях и проповедях, но посиживают в элегантных домашних туфлях, скрестив руки на объемистых животах в очаровательных кельях, отделанных кипарисом. А когда им придется выходить из дома, едут с удобством на мулах или гладких и кротких лошадях. Они не перенапрягают свои умы изучением книг из боязни, что знания могут превратить монашескую простоту в гордость Люцифера».

Горечь этих обвинений свидетельствовала об истинной преданности христианской церкви, которую многие люди свято хранили. Если бы они были равнодушны к доктрине и организации, они проявляли бы такое же равнодушие к ее хранителям. Они сами превра-

тили свои приходские церкви в рынки, во время паломничества напивались и воровали, но от своих духовных наставников ждали чего-то лучшего. То, что стражи Града Господня использовали свою власть для удовлетворения плотских appetитов, было источником позора для тех, кто сознавал природу таинства, которое низводили в грязь. Пусть на каждого распущенного монаха или кардинала приходились сотни достойных и честных священников, отдавших своею трудному призванию от всей души. Именно меньшинство привлекало к себе внимание общества и стрелы сатириков, усердно клеймивших его на удивление потомкам. При этом меньшинство худшего толка устраивалось при папском дворе, в самом сердце церковной организации (см. рис. 102). Яростные политические баталии в Риме, скандалы вокруг nepotизма (семейственности), упадок морали ставили клеймо на весь христианский мир. Разочарование ученых, надеявшихся посвятить себя служению величайшей организации в мире, изливалось в яростных диатрибах[19]. Один из них признавался, что, будь на то его воля, он последовал бы за Лютером, «лишь бы увидеть, как эту свору негодяев поставят на заслуженное ими место, дабы они были вынуждены жить либо без пороков, либо без власти». Хватало высших священнослужителей (кардиналов, епископов и даже пап), которые пытались очистить Град Божий, но в узком и закрытом властном кругу почти невозможно ввести новые принципы. Реформа, когда пришла ее пора, прорвалась снизу.

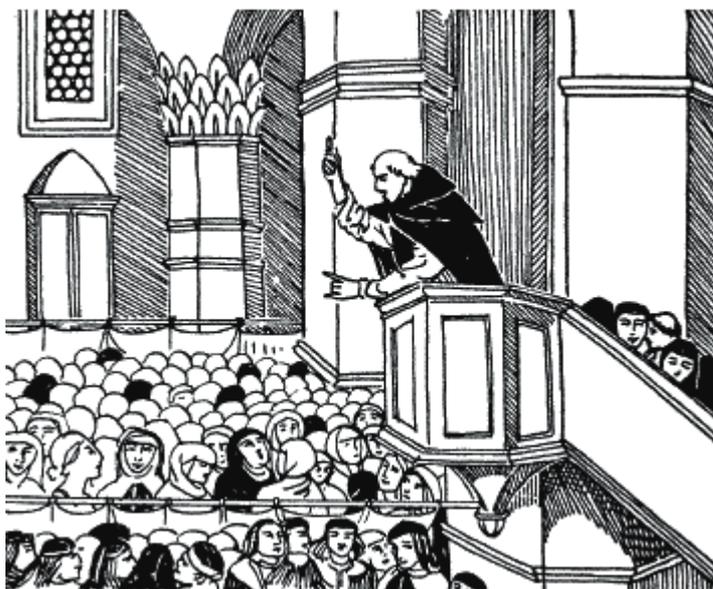
Два монаха

Попытки провести локальные реформы предпринимались в Европе не раз. Некоторые сами собой сходили на нет, некоторые были заклеены как ереси, другие находили дорогу в церковь и после получали там признание. Великие движения часто возникали без лидера и руководства, будучи спонтанным бунтом людей, доведенных до отчаяния природными или рукотворными катастрофами. Они обращались к Богу как к последней надежде. Таковыми стали огромные процессии флагеллантов, пронесшиеся по Европе в годы Черной Смерти. В них приняло участие столь громадное число людей, что власти не имели возможности их подавить, а церковь мудро не пошла наперекор потоку и плыла с ним, пока он не пошел на убыль. Церковь могла себе это позволить, потому что эти массовые эмоции не имели цели и могли быть направлены в безвредное русло. Однако вновь и вновь поднимались движения с лидером, умевшим сформулировать бесформенные надежды и страхи им ведомых, что угрожало существующему строю, и духовному и мирскому. Два таких лидера родились через поколение друг от друга. Оба были монахами. Один - итальянец Джироламо Савонарола, другой - немец Мартин Лютер. Итальянец на краткий миг добился абсолютной политической и духовной власти в пределах города Флоренции, но кончил смертью уголовного преступника. Немец почти нехотя оказался поборником и защитником веры для половины Европы.

Савонарола пришел к власти во Флоренции во время очередных беспорядков (см. рис. 103). Медичи были изгнаны, горожане передрались, и угроза французского вторжения нависла над Италией. Люди отчаянно нуждались в каком-нибудь вожде, выразителе их чаяний, и они нашли его в лице монаха-доминиканца, который уже совершил огромную работу по очистке своего монастыря Сан-Марко от непристойностей и порока, составлявших, как представляется теперь, неотъемлемую часть монашеской жизни. Он не был привлекателен, ни внешне, ни речью. Выразительный портрет работы Фра Анджелико, которого он обратил в свою веру, показывает нам лицо сильное, но некрасивое, с толстыми губами, большим крючковатым носом и горящими глазами. Отзывы современников о его проповедях свидетельствуют, что они были обыкновенными, и по содержанию, и по исполнению. Но итальянцы привыкли к блестящим ораторам, произносящим страстные проповеди с холодным совершенством. Эти речи производили впечатление на слушателей, пока длились, но забывались вскоре после того, как были произнесены. Однако никто не мог

усомниться в искренности речей Савонаролы, в абсолютной убежденности, с которой он предостерегал Италию о нависшем над ней гневом Господнем. Его пророчества и предсказания принесли ему славу, разнесшуюся далеко за пределами Флоренции. Лоренцо ди Медичи схлестнулся с ним, был предупрежден, что умрет в течение года... и умер в том же году. В далеком Риме папа Александр VI Борджиа, воплощавший все пороки и злодеяния папства, взял на заметку вспыльчивого монаха, поскольку его нападки на коррупцию в церкви становились все резче.

Однако временно Савонарола находился в безопасности среди жителей Флоренции. Он клеймил их за аморальность, а они толпами стекались на его проповеди. Он приказывал им очистить свои дома от дьявольских безделушек, и они сжигали драгоценные украшения на главной площади. То было аутодафе, но не людей, а вещей. Люди собирали в кучу духи, зеркала, парики, музыкальные инструменты, карнавальные маски... Даже книги со стихами не только языческих поэтов, но и почтенного христианина Петрарки. Эта огромная куча представляла собой не просто некий разрез искусства Ренессанса, но также имела значительную денежную ценность. И один венецианский купец, случайно там оказавшийся, предложил за эти предметы 22 тысячи флоринов. Флорентийцы ответили тем, что, прежде чем зажечь кучу, швырнули туда и его портрет. Реформаторское рвение перешло в фанатизм. Причем одной из неприятных его сторон были шайки «святых детей», шнырявших по городу, выискивая укрытые предметы искусства и безделушки дьявола.

Рис. 103. Савонарола проповедует

Рис. 104. Продажа индульгенций

Флорентийцы отказались от своей гражданской конституции, за которую столетиями проливали кровь. Христос был объявлен королем города, а Савонарола его викарием. Последовала неизбежная реакция: всего через год после триумфального аутодафе (1497 г.) его власть рухнула. Люди предали его могущественным врагам, которые только ждали момента. Он признался, что впал в заблуждение, что видения и пророчества его ложны, и был сначала повешен, а затем сожжен на той же самой площади, где поверил, что стал свидетелем торжества Господа над всем миром (см. фото 17).

Девятнадцать лет спустя после того, как пепел Савонаролы бросили в реку Арно, другой монах-доминиканец разъезжал по Германии, исполняя роль разносчика духовных товаров. Его звали Иоганн Тетцель, а продавал он листки бумаги с напечатанным обещанием спасения от грехов в обмен на золото (см. рис. 104). Папой в то время был Лев X, одна из самых блестящих личностей эпохи Возрождения: образованный, культурный, доброжелательный, способный находить удовольствие в бесчисленных сатирах, которые на него писали. На его долю выпала невероятная задача завершить возведение нового собора Святого Петра, начатое его предшественниками. Для выполнения этой работы требовались сотни тысяч золотых монет, и он выискивал их, где только мог. Случилось так, что епископ Магдебурга возжелал стать архиепископом Майнца. Лев согласился, при условии, что тот поднимет плату за службы, которая в данном случае пойдет на строительство собора Святого Петра.

Епископ в свою очередь занял денег у Фуггеров и, чтобы выплатить им долг, с согласия Льва X, поставил Тетцеля на продажу индульгенций. Учение церкви относительно этого вопроса было весьма сложным, но Тетцель его упростил, сведя к постоянной формуле: заплатить, и будут прощены не только души усопших, но и покупатель индульгенции будет практически волен совершить любой желанный ему грех.

Как только монета в ларце зазвенит,
Душа из чистилища улетит.

Так трактовали современники циничное искажение Тетцелем одного из постулатов веры. Он шел по городам Германии поистине с триумфом. Светские и церковные чиновники встречали его в каждом городе, торжественная процессия сопровождала его в какое-нибудь публичное место, где он устанавливал свой киоск и начинал сладкие речи, выманивая деньги. Рядом с ним, подсчитывая сыпавшееся в сундук золото, стоял представитель Фуггера. Он был очень занят: покупатели напирала со всех сторон. Кстати, изготовление маленьких клочков бумаги с текстом дало дополнительный толчок новорожденному искусству книгопечатания.

Однако среди многочисленных покупателей находились люди, которых оскорбляло это ужасное святотатство. Именно от кого-то из них копия индульгенции попала в руки Мартина Лютера с просьбой прокомментировать ее. 31 октября 1517 года Лютер прибил гвоздями свои 95 тезисов к дверям церкви в Виттенберге.

Рис. 105. Мартин Лютер. Гравюра Лукаса Кранаха. 1520 г.

Лютер был тогда августинским монахом (см. рис. 105), и его поступок ни в коей мере не был дерзким вызовом папе. Церковные двери в ту пору часто использовали как доску объявлений. Лютер всего-навсего намеревался (и был именно так понят) показать, что готов отстаивать свои тезисы в публичном споре с любым, кто придет на дебаты. Годом позже он предстал перед папским посланником в Аугсбурге, где защищал свою позицию. Он все еще не имел ни желаний, ни намерения возглавлять какое-либо раскольническое движение. В апреле того же года он публично признал и честность папы, и свою преданность ему. «Теперь у нас наконец-то есть замечательный папа, Лев X, чьи честность и ученость радуют всех верующих... Благословеннейший Отец, я припадаю к стопам Вашего Святейшества. Я признаю голос ваш голосом самого Христа, который находится в вас и говорит через вас с нами». Со своей стороны Лев X откликнулся на происходившее с достойной

уважения мягкостью, даже выпустил буллу, в которой были прокляты те, кто употребляет индульгенции во зло.

Затем Лютера вызвал на публичные дебаты некто Джон Экк из Лейпцига. Современник, которому довелось там присутствовать, дает следующее описание отца Реформации: «Мартин имеет средний рост и выглядит таким истощенным от учения и забот, что можно почти что пересчитать сквозь кожу все кости его черепа. Он в расцвете сил, имеет ясный и звучный голос. Он человек ученый и наизусть знает Ветхий и Новый Заветы. В его распоряжении целый лес идей и слов. Он общителен и дружелюбен, никоим образом не высокомерен и не угрюм. Он способен справиться с чем угодно». Не осталось никаких записей о результатах дебатов, но в ходе их Лютер окончательно сформулировал свои взгляды. В июне 1520 года Лев X был вынужден объявить его еретиком и дать ему 60 дней на то, чтобы одуматься или подвергнуться отлучению. Ни та ни другая сторона не могли отступить. Лев X говорил от имени громадной и почитаемой организации, которая на протяжении веков своего существования видела бунтовщиков, подобных Лютеру, приходивших и уходивших сотнями. Лютер требовал для неизмеримого числа верующих права поступать в соответствии со своей совестью. Это была интеллектуальная ссора, но каждая из сторон была глубоко погружена в национальные и политические интересы. И папу, и монаха толкали силы, которые они могли привести в движение, но потом не имели возможности их контролировать. Драма в парламенте Вормса в апреле 1521 года, когда одинокий монах защищал себя перед императором христианского мира и был им официально приговорен, готовилась на протяжении столетий. Град Божий в конце концов сам себя разделил.

Рис. 106. Крестьяне грабят монастырь. С рисунка XVI в.

Раскол поначалу выразился в жестокой словесной войне. Ни в какой иной области так не проявилось огромное и немедленное влияние книгопечатания. А по мере того как эта распря распространилась по всему континенту, ручеек памфлетов и книг превратился в половодье. В одной Германии число выпускаемых книг выросло со 150 в 1518 году до 990 в 1524-м. Ругательства дополняли злобные карикатуры. Художники всех мастей и уровня таланта обратили свои способности на издевки по поводу религиозных противников. Однако словесной эта война оставалась недолго, и вскоре дело дошло до мечей. Масса простолудинов, особенно немецкие крестьяне, не умевшие выразить обуревавшие их чувства словами, поверили, что нашли наконец защитника и поборника своих идей. Как и в любом

восстании, невежественные люди приписывали вину за все беды властям, на которых нападали. Дороговизна хлеба, наглость местных чиновников, монополии купцов - все это теперь ставилось в вину папству. Если разрушить власть пап, наступит райская жизнь, гордые будут низвержены, униженные вознесутся. Так думали крестьяне и сбивались в отряды, чтобы сокрушить рабство. Они были убеждены, что Лютер приведет их в землю обетованную. Сочувствуя им поначалу, он, тем не менее, как все ответственные люди, страшился свирепости тех, кто рвался в этот новый мир, чей уклад еще не успел сложиться. Крестьяне протестовали против рабских условий жизни. «Было в обычае у этих людей держать нас за свою собственность, и это достойно жалости, потому что Христос выкупил нас своей кровью. А посему в согласии со Священным Писанием мы свободны». - «Нет, - отвечал им Лютер, - это не так: даже пророки имели рабов». - «Ваши слова идут против Евангелия... [потому что тогда] это сделало бы всех людей равными, а это невозможно». Они заклеили его как предателя и толпами ринулись по Европе в безумном приступе насилия, вымещая на подвернувшейся знати жажду мести, копившуюся столетиями.

Общество, называвшее себя протестантским или реформированным, не могло терпеть угрозу своему существованию. Сам Лютер громогласно осудил крестьянскую войну, встав со всем своим авторитетом на сторону тех, кто их подавлял. Неизбежно прилив сменился отливом. Ведь бунтари были недисциплинированной ордой, сбродом, вооруженным большей частью орудиями труда, а против них выступали люди, обученные войне как искусству. В результате в Германии погибло около 130 тысяч крестьян. Они окрестили Реформацию своей кровью и стали первыми из многих погибших, когда в Европе начиная с Германии разорвалось полотно христианского мира.

Примечания

1

Примерно от 3 до 6 кг. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Ф а т о м - английская единица длины, морская сажень.

3

Магнитное поле Земли отличается переменностью. Колумб открыл, что в разных районах Земли стрелка компаса отклоняется от истинного, географического севера.

4

Около 30,5 м.

5

В переводах часто встречается слово «государь». (Примеч. пер.)

6

Б е м б о Пьетро (1470-1547) - итальянский писатель эпохи Возрождения.

7

Н у н ц и й - посол папы римского.

8

Д ж о н с о н С э м ю э л - английский писатель (1709-1784).

9

Битвы во время Столетней войны (1337-1453), закончившиеся победой англичан.

10

Д а м а с к - узорчатая шелковая или полотняная ткань.

11

18 м.

12

Сэр Р э л и Уолтер - известный деятель Елизаветинской эпохи. Основал первое поселение европейцев в Северной Америке.

13

Б р а м а н т е Донато (1444-1514) - итальянский архитектор, по проекту которого (1503 г.) был построен собор Святого Петра в Риме.

14

О р д о н а н с - королевский указ.

15

С в я щ е н н ы е о б л а т к и - в католической церкви хлеб для причастия.

16

Около 158 кг.

17

5,5 м.

18

В е л е н ь - лучший сорт пергамента из телячьей кожи.

19

Д и а т р и б а - резкая, желчная речь с нападками личного характера.